

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Санкт-Петербургский государственный университет»**

На правах рукописи

Соколов Борис Олегович

**Концепции общественного договора
в современной политической теории**

Специальность 23.00.01. - Теория политики,
история и методология политической науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель –
доктор философских наук,
профессор В.А. Гуртов

Санкт-Петербург – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА	15
1.1. Предпосылки становления теории общественного договора	15
1.2. Классические теории общественного договора.....	28
ГЛАВА II. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА.....	65
2.1. Кризис политической философии, новые достижения методологии социальных наук и возрождение договорной традиции в 1950-1960х годах.....	65
2.2. «Теория справедливости» Дж. Ролза и ее воздействие на современную политическую философию.....	72
2.3. «Делиберативный» поворот в теории общественного договора.....	91
2.4. Теория общественного договора и эмпирические исследования	104
ГЛАВА III ДОГОВОРНАЯ ТРАДИЦИЯ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ.....	114
3.1. Сравнение классических и современных договорных теорий.....	114
3.2. Общественный договор и проблема нормативности	120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	137
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	147

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Теория общественного договора является одной из наиболее старых и влиятельных традиций политико-философской мысли, которая во многом определила развитие человеческих представлений о нормативном измерении политики. Некоторые авторы даже утверждают, что ее можно считать «квинтэссенцией политической философии»¹. Благодаря работам таких мыслителей, как Джон Ролз и Юрген Хабермас, договорной дискурс заполнил пространство политико-философских дискуссий, и даже противники контрактарианизма² сегодня вынуждены обращаться к данной проблематике, хотя бы в качестве критиков. Теория общественного договора также в значительной степени воздействовала и на политиков-практиков. Даже противники данной концепции признают, что идея, лежащая в ее основе, принадлежит к числу фундаментальных для политического устройства современных демократических государств³.

Истоки этой традиции усматривают в классической Античности⁴. В Новое время сторонниками данного интеллектуального течения были такие выдающиеся

¹Baumgold D. *Contract Theory in Historical Context: Essays on Grotius, Hobbes, and Locke*. 2010. Brill: Leiden, Boston, ix.

²Словосочетание «общественный договор» представляет собой дословный перевод английского термина *Social Contract*. Последний, однако, не является единственным понятием, употребляемым в данном контексте в современной политической философии. В «Стэнфордской философской энциклопедии», одном из наиболее авторитетных философских словарей, статьи с таким названием нет (вернее, термину «social contract» соответствует статья «Contractarianism»). В англо-американской традиции «social contract» зачастую употребляется применительно к прикладным юридическим проблемам, возникающим в сфере трудовых контрактов, социального страхования и пр. В современной политической философии для обозначения идеи, которая в русском переводе обозначается как «теория общественного договора», как правило, используются термины «contractarianism» и «contractualism». Последний, однако, имеет более узкое хождение. Кроме того, он часто ассоциируется с конкретной интерпретацией договорной традиции, предложенной Т. Скэнлоном. Тем не менее, синонимичное употребление всех трех терминов представляется вполне допустимым.

См. соответственно: *Cudd, Ann. Contractarianism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), Winter 2013 Edition*. Режим доступа:

<http://plato.stanford.edu/archives/win2013/entries/contractarianism/>. Проверено 26 марта 2014 года

Ashford, Elizabeth and Mulgan, Tim. Contractualism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), Winter 2009 Edition. Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/win2009/entries/contractualism/>

³Engle, E. *The Social Contract: A Basic Contradiction in Western Liberal Democracy*. Режим доступ: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1268335.

⁴Sayre-McCord, G. *Contemporary Contractarian Moral Theory // in LaFollette, Hugh. (ed.) "Blackwell Guide to Ethical Theory."* 1999. P. 247. CelesteFriend. *Social Contract Theory // Internet Encyclopedia of Philosophy*.

<http://www.iep.utm.edu/soc-cont/> Thrasher J. *Reconciling Justice and Pleasure in Epicurean Contractarianism // Ethic Theory and Moral Practice*. 2013. Vol. 16.N 2 (April).P. 423-436 Hampton, J. *Contract and consent // A companion to contemporary political philosophy / Ed. by R. Goodin, P. Pettit, T. Pogge. Wiley-Blackwell, 2012. Vol. 2. P. 478*

мыслители, как Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант. В современной политической теории* общественный договор также занимает одну из центральных позиций. Два самых выдающихся политико-философских проекта современности, предложенные Дж. Ролзом и Ю. Хабермасом, основываются на различных вариантах договорной идеи. Более того, можно без преувеличений сказать, что после выхода работы первого из указанных авторов (имеется в виду трактат Ролза «Теория Справедливости»), политическая философия в значительной степени развивается в рамках критики/апологетики контрактарианского подхода.

С другой стороны, договорная традиция не всегда пользовалась столь значительной популярностью, как сегодня. В истории этой идеи можно отчетливо выделить два периода расцвета. Первый из них продолжался с середины XVII в. до рубежа XVIII-XIX столетий. После этого наступило время забвения – вплоть до 60-х гг. XX в., когда стали появляться новые труды по политической теории, использующие концептуальный аппарат договорной традиции. В связи с этими интеллектуальными эволюциями встает ряд интересных вопросов, ответ на которые поможет лучше понять особенности развития как данной концепции, так и всей политической теории в целом. Почему после долгого пренебрежения общественный договор был извлечен из «запасников» политической философии? Чем обусловлен заметный успех этой идеи в современных теоретических дискуссиях? Чем отличаются современные договорные концепции от классических?

Если взять более узкий ракурс рассмотрения теории общественного договора, – ее современное состояние, – то здесь также наличествует ряд важных моментов, требующих прояснения. Можно ли вообще говорить о существовании единой традиции общественного договора в современной политической философии? Или вернее различать как независимые течения концепции Дж. Ролза, Ю. Хабермаса, Р. Нозика, Дж. Бьюканана, Д. Готье и других авторов? Если

*В дальнейшем в диссертационном исследовании термины «политическая философия» и «политическая теория» употребляются в качестве синонимов и обозначают ту сферу исследования мира политического, в которой центральным является вопрос об идеальных политических институтах.

на первый вопрос можно ответить положительно, то что является тем «ядром», которое позволяет классифицировать указанные теории как принадлежащие к одному семейству?

Наконец, третья группа вопросов, которые встают при погружении в проблематику общественного договора, относится к месту и значению этой идеи для политической философии в целом. Как она соотносится с другими ключевыми темами современной политической теории – демократией, правами человека, справедливостью? Каковы основные сферы её приложения? Существуют ли альтернативные ей варианты решения теоретических проблем? Каковы перспективы ее дальнейшего развития?

Несмотря на значительную популярность договорной парадигмы, указанные вопросы редко подвергались детальному рассмотрению в предшествующей литературе. Научные дискуссии, посвященные общественному договору, касаются их лишь косвенно. Для исследователей более значительный интерес представляют темы, связанные с практической применимостью контрактарианизма к актуальным этическим и политическим проблемам, или же разбор отдельных авторских теорий. Исследование внутренней структуры конкретных концепций и особенностей их взаимоотношений, однако, имеет не меньшее значение для развития политической философии как самостоятельной дисциплины. Разрешение поставленных выше вопросов может оказаться плодотворным как для понимания имманентной логики самой концепции общественного договора, так и для прояснения некоторых особенностей развития политической теории в целом.

Степень научной разработанности:

Как в отечественной, так и в зарубежной традиции обобщающие работы, посвященные теории общественного договора, весьма немногочисленны. Существует значительное количество исторических исследований, посвященных классическим договорным концепциям (работы К. Шмитта, Л. Штраусса, М. Оукшотта, К. Скиннера, Д. Покока). Многие современные представители договорной традиции обращались к исследованиям классических вариантов этой

доктрины или даже начинали с них свою научную карьеру. Так, в первой своей крупной работе Д. Готье анализирует политическую философию Т. Гоббса, а Д. Ролз посвятил несколько статей идеям И. Канта⁵. Существует ряд специализированных антологий по проблематике общественного договора⁶; в наиболее влиятельных философских энциклопедиях и справочниках также, как правило, имеются обзорные статьи по данной тематике⁷. Практически отсутствуют труды, в которых соответствующая предметная сфера рассматривается с более широкой и, что не менее важно, политико-философской, а не исторической перспективы. Среди работ, которые отличаются большим охватом материала, можно отметить труды Дж. Крауса, У. Кимлики, С. Фримана и совместную монографию Ч. Кукатаса и Ф. Петтита⁸.

В советский период современные интерпретации теории общественного договора обычно рассматривались в рамках критических обзоров состояния «буржуазной» политологии (которые были чуть не единственно возможной формой изложения достижений зарубежной мысли в соответствующей сфере). Сегодня в российской политологии различные контрактарианские теории обсуждаются в основном в учебной литературе – в пособиях по истории политической мысли и по современной политической философии (в работах Т. А. Алексеевой, Л. В. Сморгунова, В. П. Макаренко⁹). За последние двадцать лет

⁵Gauthier D. *The Logic of Leviathan: The Moral and Political Theory of Thomas Hobbes*. Oxford: Clarendon Press, 2000. 232 p. Rawls J. *A Kantian Conception of Equality* // Cambridge Review, February. 1975. Vol. 96. P. 94-99. Rawls J. *Kantian Constructivism in Moral Theory* // Journal of Philosophy. 1980. Vol. 77. N 9. P. 515-572. Подробная библиография по истории идеи общественного договора приводится в Главе 1 настоящего исследования.

⁶Contractarianism, Contractualism / Darwall S. (ed.). Wiley-Blackwell, 2003. 296 p. Contractarianism and Rational Choice / Vallentyne P. (ed.). Cambridge University Press, 1991. 356 p. *The social contract from Hobbes to Rawls* / Boucher D., and Kelly P. (ed.). Routledge, 2004. 288 p.

⁷Cudd, A. 2007. Contractarianism // Edward N. Zalta (ed.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Summer 2007 Edition. Ashford E. and Mulgan T. Contractualism // Edward N. Zalta (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Winter 2009 Edition. D'Agostino F., Gaus G., and Thrasher J. *Contemporary Approaches to the Social Contract* // Edward N. Zalta (ed.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Spring 2014 Edition. Sayre-McCord, G. *Contemporary Contractarian Moral Theory* // in LaFollette, H. (ed.) "Blackwell Guide to Ethical Theory." 1999. P. 247. Friend C. *Social Contract Theory* // Internet Encyclopedia of Philosophy. <http://www.iep.utm.edu/soc-cont/> Hampton, J. *Contract and consent* // *A companion to contemporary political philosophy* / Ed. by R. Goodin, P. Pettit, T. Pogge. Wiley-Blackwell, 2012. Vol. 2. P. 478-92.

⁸Kraus J. S. *The Limits of Hobbesian Contractarianism*. Cambridge University Press. 1993. 352 p. Freeman S. *Justice and the Social Contract*. Oxford University Press, 2006. 352 p. Kukathas C., Pettit P. Rawls, *A theory of justice and its critics*. Stanford University Press. 1990. 169 p. Кимлика У. *Современная политическая философия: введение*. М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2010. 592 с.

⁹Алексеева Т. А. *Современные политические теории*. Москва: РОССПЭН, 2000. 343 с. Т. А. Алексеева. *Политическая философия. От концепций к теориям*. Москва: РОССПЭН. 2007. 397 с. Сморгунов Л. В. *Основные*

были опубликованы несколько работ, посвященных различным аспектам творчества Дж. Ролза¹⁰ (в которых, однако, роль собственно договорных идей в творчестве американского философа не является основным предметом исследования). Вероятно, единственной масштабной работой, рассматривающей теорию общественного договора в контексте общей ситуации в современной политической философии, является монография Т.А. Алексеевой¹¹

Электронный каталог диссертаций, предоставляемый сайтом Российской государственной библиотеки, дает ссылку только на одну работу, посвященную проблемам, схожим с рассматриваемой в этой диссертации темой: «Концепт общественного договора: классические и современные формы» (автор – В. В. Пискунов)¹². Пискунов, однако, исследует теорию общественного договора с иного ракурса, как некий концепт, и использует методологию “альтернативного историко-философского анализа”, разработанную на основе творчества Ж. Делёза. В настоящем исследовании контрактарианская идея рассматривается с точки зрения аналитической философии и теории рационального выбора, поэтому единственным сходством с работой Пискунова является лишь набор базовых источников, но не сама предметная сфера и не основные выводы.

Общественно-договорная проблематика косвенно затрагивается в диссертации Д. В. Углова¹³. В центре внимания этого автора находятся современная теория делиберативной демократии, которая в своей основе тесно связана с договорной традицией; однако Углов в большей степени сосредоточен

направления современной политической философии. Учебное пособие. СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1998. 40 с. Макаренко В. П. Аналитическая политическая философия. Очерки политической концептологии. М.: Праксис, 2002. 416 с.

¹⁰Алексеева Т. А. Справедливость: морально-политическая философия Джона Роулса. М.: Наука. 1992. 194 с. Алексеева Т. А. Джон Роулс и его теория справедливости // Вопросы философии. 1994. № 10. С.26-37. Литвиненко, Н. Концепция справедливости Джона Ролза // Логос. 2006. Т. 52. № 1. С. 26-34. Макеева Л. Б. Философия эгалитарного либерализма в США: Джон Ролз и Рональд Дворкин // История философии. 2005. № 12. С.45-62. Гуторов В. А. Современный либерализм и политическая философия (дилеммы позиции Джона Ролза) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2012. Вып. 3. С. 47-57 Печерская Н. В. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолцер // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 77-88. Углов Д. В. Тенденции делиберативной политики в теории справедливости Д. Ролза // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2009. № 2. С. 27-36.

¹¹Алексеева Т. А. Справедливость как политическая концепция. Москва: МОНФ. 2001. 260 с.

¹²Пискунов В.В. Концепт общественного договора: классические и современные формы: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / М.: РГГУ, 2005. 115 с.

¹³Углов Д.В. Роль дискурса социальной справедливости в формировании общества делиберативной демократии: диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / М.: МГТУ им. Баумана, 2010. 178 с.

на демонстрации преимуществ делиберативного проекта, чем на исследовании специфики самих договорных концепций, с которыми работает. Он также исключает из сферы своего рассмотрения целый класс договорных теорий, базирующихся на гоббсовском понимании естественного состояния и в меньшей степени связанных с коммуникативной (делиберативной) парадигмой.

В заключение обзора российских исследований в области общественного договора следует также упомянуть работы А. Аузана¹⁴. Аузан придает термину “общественный договор” несколько иной смысл по сравнению с тем, который традиционно используется в политической теории. Для него это не теория легитимности или эвристический метод, предназначенный для конструирования политических норм, а идеологический концепт, своеобразная модель взаимодействия гражданского общества и государственных институтов. Идеи Аузана относятся скорее к ветви экономической теории, известной как теория общественного выбора. Русскоязычный обзор соответствующей проблематики можно найти в учебных пособиях Р. Нуреева и Д. Мюллера¹⁵. В целом, в российской науке тема общественного договора разработана лишь в небольшой степени.

Объектом диссертационного исследования выступает теория общественного договора как самостоятельное направление политической теории, в частности, представление о том, что согласие управляемых является главным источником легитимности политических институтов.

Предметом исследования являются современные интерпретации общественного договора, представленные в работах Дж. Бьюканана, Дж. Ролза, Р. Нозика, Ю. Хабермаса, Д. Готье, Т. Скэнлона, Н. Саутвуда.

Целью диссертационного исследования является разработка комплексной методологии, объединяющей современные интерпретации теории общественного договора с исторической традицией ее формирования в эпоху модерна.

¹⁴Аузан А.А. Переучреждение государства: общественный договор. М.: Издательство «Европа», 2006. 112 с.

¹⁵Нуреев Р. М. Теория общественного выбора: учебное пособие. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. 531 с.
Мюллер Д. Общественный выбор III / Пер. с англ. под ред. А. П. Заостровцева, А. С. Скоробогатова. М.: Издательский дом ГУ – ВШЭ, 2007. XIV+994 с

Основные задачи исследования:

- 1) рассмотреть исторические предпосылки формирования договорной традиции в истории политической мысли;
- 2) дать обзор наиболее известных современных интерпретаций общественного договора, определить их существенные схожие черты и различия;
- 3) рассмотреть договорные теории в их отношении к наиболее актуальным проблемам политической философии;
- 4) изложить основные результаты эмпирических исследований, соприкасающихся с договорной проблематикой, и проанализировать их значимость для современных теоретических дискуссий;
- 5) исследовать роль договорных теорий в связи с оценкой и решением общей проблемы нормативности.

Теоретические и методологические основы исследования

Одним из важных аспектов настоящей диссертации является изучение истории договорной традиции. Для анализа классических текстов используются разнообразные историко-философские методы. Например, в Главе 1 используется методология «единственной идеи» (unit-idea), разработанная в классическом труде А. Лавджоя «Великая цепь бытия»¹⁶. Критический разбор и толкование современных источников осуществляется на основе подходов, принятых в аналитической философии. В первую очередь акцент делается на анализе логической связности и последовательности конкретных теорий. При оценке уровня аргументации различных контрактарианских концепций, а также возражений, выдвигаемых их критиками, используются данные эмпирических и экспериментальных исследований, соотносящихся с проблематикой политико-философских дискуссий, посвященных договорным идеям.

Источниковедческая база исследования.

- 1) Оригинальные труды классиков теории общественного договора (Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта) и её современных интерпретаторов

¹⁶Лавджой А. Великая цепь бытия. М.: Доминтеллектуальной книги, 2001. 376 с.

(Дж. Бьюканана, Дж. Ролза, Р. Нозика, Ю. Хабермаса, Д. Готье, Т. Скэнлона, Н. Саутвуда);

2) исследования в области истории политической философии, посвященные изучению особенностей формирования и эволюции договорных идей (в частности, труды П. Райли, Л. Штрауса, К. Скиннера, Дж. Уолдрона, Р. Така);

3) широкий круг работ, посвященных критике теории общественного договора с разнообразных философских и социологических позиций (работы Р. Дворкина, Ч. Тэйлора, Б. Бэрри, А. Макинтайра, К. Пэйтман, М. Уолцера, Ш. Бенхабиб);

4) специальная экономическая литература, посвященная анализу концепции *homo economicus* и теории игр, лежащих в основании большинства современных договорных теорий (работы Дж. Харсаньи, К. Бинмора, Р. Аксельрода, Б. Скимса);

5) литература по т.н. «кантианскому конструктивизму», имеющая важное значение для понимания и анализа контрактualистского направления в теории общественного договора (К. Корсгор, О. О'Нил);

б) эмпирическая литература, посвященная экспериментальной проверке социологических и поведенческих допущений, используемых в договорных концепциях (Н. Фролих, Дж. Оппенгеймер, Ш. Иви, К. Херне, Дж. Коноу).

Положения, выносимые на защиту:

1. Основными предпосылками возникновения идеи общественного договора в ранний период Нового времени стали а) развитие концепции естественного права; б) набиравшая силу в противовес доктрине «божественного права королей» апология права угнетаемых подданных на восстание; в) развитие позитивного права и юридических кодексов, а также науки о них; г) развитие социально-экономических отношений в Западной Европе в XVI-XVII в.; д) политическая борьба в Англии в первой половине XVII в.; е) формирование в европейской философии новых представлений об индивидуальности и рациональности. Важнейшей причиной упадка теории общественного договора в начале девятнадцатого столетия стала интеллектуальная реакция на Великую

французскую революцию (чей идеологический фундамент во многом на опирался на те же принципы, что лежали в основе классических договорных концепций).

2. Возрождение теории общественного договора в середине двадцатого века было обусловлено как общим кризисом политической философии, так и развитием методологии общественных наук. Особую роль сыграло развитие таких дисциплин, как теория игр и теория рационального выбора. Базовые допущения этих подходов к анализу человеческого поведения и социальных взаимодействий (методологический индивидуализм; акцент на максимизацию полезности) были схожи с послылками, лежавшими в основе классических договорных концепций. Это позволило разработать концептуальный аппарат для решения актуальных проблем политической философии: формирования конституций демократических государств, выработки справедливых процедур распределения благ, совмещения многообразных нормативных концепций общественного устройства.

3. Основными элементами современных теорий общественного договора являются: а) использование концепции индивида как рационального и автономного существа; б) введение гипотетического состояния торга/переговоров относительно структуры базовых общественных институтов; в) акцент на общие принципы справедливости (процедурные или распределительные), а не на решение прикладных вопросов; г) конструктивистская направленность, т.е. представление о том, что основные принципы идеального политического (нормативного) порядка можно напрямую формировать на основе частных концепций человеческой природы, включающих общую теорию рациональности с соответствующим набором первичных индивидуальных потребностей).

4. В современной политической философии теория общественного договора является по преимуществу инструментальной. Её основной целью является обоснование легитимности различных нормативных доктрин. Сфера применимости данной теории не ограничивается рамками политической мысли, но и распространяется на другие дисциплины, имеющие дело с концептом нормативности: этика, юриспруденция и макросоциальная история. Именно в силу своего инструментального характера договорные теории совместимы с

самыми различными проектами идеального общественного устройства и активно используются политическими философами.

5. На сегодняшний день теория общественного договора является наиболее эффективным средством легитимизации нормативных политических проектов и в этом отношении она выходит за пределы широкого спектра концепций, основанных на допущении о существовании неких метафизических оснований нравственности, морали и/или политического порядка (т.е. различных вариантов морального реализма).

Научная новизна исследования:

1) Определено предметное поле теории общественного договора; рассмотрены возможные способы приложения договорных концепций к решению основных проблем современной политической философии и политической этики: создание справедливых политических и экономических институтов, поиск механизмов межкультурной коммуникации в культурно разнородных обществах, обоснование легитимности нормативных (политических, этических и юридических) систем.

2) Осуществлен анализ истории концепции общественного договора, сформулированы основные социологические и идеологические причины появления данной теории в начале Нового времени и ее упадка в начале XIX в., а также возрождения в середине минувшего столетия.

3) Представлено исследование современного состояния теории общественного договора и её соотношения с другими ключевыми направлениями политической философии конца XX – начала XXI вв.: утилитаризмом, моральным реализмом, коммунитаризмом и рядом других.

4) В российский политологический дискурс введены новые оригинальные источники по таким направлениям исследований в современной политической философии, как контрактуализм, кантианский конструктивизм, теория делиберативной демократии, экспериментальная политическая философия.

Практическая значимость исследования.

Результаты, полученные в ходе диссертационного исследования, могут использоваться при написании учебных пособий и чтения лекций по истории политической науки, современной политической философии и политической этике. Аналитический аппарат, используемый в договорных теориях, может быть применен для экспертизы политических решений. Еще одним важным направлением практического приложения результатов диссертационного исследования является разработка прикладных механизмов принятия политических решений.

Апробация результатов исследования

Результаты диссертационного исследования были представлены на нескольких всероссийских научных конференциях:

1. «Традиционные идеологии в современном контексте». — Отчётная конференция факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (07.06.2013).
2. «Модернизация экономики и общества». — XIV Апрельская конференция по проблемам развития экономики и общества — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (02-05.04.2013).
3. «Теоретическая этика: традиции и перспективы». — Ежегодная молодежная конференция в рамках «Дней Петербургской философии». — Санкт-Петербургский Государственный Университет (19.11.2011).
4. «Молодежь и национальные отношения». — Вторая ежегодная молодежная конференция Студенческого научного общества факультета политологии СПбГУ (23.04.2010 - 29.04.2011).
5. “Ломоносов – 2011”. — Всероссийский форум молодых ученых, секция политической науки. — Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова (13.04.2011).
6. “Ломоносов-2010”. — Всероссийский форум молодых ученых, секция политической науки. — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (14.04.2011).

7. «Политические институты в современном мире». — Ежегодная международная конференция факультета политологии СПбГУ (11.12.2010).

Структура диссертационного исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения и списка литературы (всего 238 наименований, из них 181 – на иностранных языках). Объем основного текста диссертации составляет 163 страницы.

ГЛАВА I. КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА

1.1. Предпосылки становления теории общественного договора.

Традиционно считается, что как самостоятельное политико-философское направление теория общественного договора возникает в Новое время¹⁷. Отдельные авторы указывают, что это мнение не совсем верно: в некоторых текстах классической Греции можно найти интуиции, предвосхищающие аргументацию сторонников контрактарианизма. Обычно при этом ссылаются на фрагменты текстов Платона. Так, в знаменитом споре об определении справедливости во 2-й книге «Государства» Главкон предполагает, что справедливое и несправедливое сами по себе не имеют значительного влияния на политическую жизнь и поведение людей, и законы формируются не исходя из неких «идеальных» критериев, но в результате договора: «Поэтому, когда люди отведали и того и другого, то есть и поступали несправедливо, и страдали от несправедливости, тогда они, раз уж нет сил избежать одной и придерживаться другой, нашли целесообразным договориться друг с другом, чтобы и не творить несправедливости, и не страдать от нее. Отсюда взяло свое начало законодательство и взаимный договор»¹⁸. Платон, однако, критически относится к подобным взглядам, отстаивая реальное существование идеи справедливости, что подтверждается и дальнейшим ходом дискуссии, изображенной в «Государстве», а также многочисленными пассажирами из других его произведений¹⁹.

Тем не менее, указывают еще, что фрагмент «Критона», где Сократ рассуждает о своих обязательствах перед Законами Афин, не позволяющих ему бежать из-под стражи, даже несмотря на то, что его должны вскоре казнить, также может трактоваться как отражение договорных взглядов²⁰: «В таком случае, – могут они сказать, – не нарушаешь ли ты обязательств и соглашений, которые ты

¹⁷Will Kymlicka. The Social Contract Tradition // A Blackwell Companion to Ethics / P. Singer (ed.). P. 186.

¹⁸(Платон, Государство, II, 358-359; ср. также: Celeste Friend. Social Contract Theory // Internet Encyclopedia of Philosophy. <http://www.iep.utm.edu/soc-cont/>)

¹⁹"Законы", 889e — 890a

²⁰Friend. Op. cit.

с нами заключил не по принуждению, не бывши обманут и не имевши надобности решать дело за короткий срок: ведь у тебя было семьдесят лет – довольно времени, чтобы уйти, если бы мы тебе не нравились и эти соглашения казались бы тебе несправедливыми»²¹.

«Критон», однако, является ранним произведением Платона, поэтому в нем могут отражаться не столько его собственные взгляды, сколько воззрения Сократа. Более того, как представляется, для этого диалога (по крайней мере, для его русского перевода М. С. Соловьева (1965 г.)²²) можно сконструировать иную интерпретацию, в которой договорные идеи предстанут не более чем иллюстрацией тезиса о том, что всегда надо поступать согласно требованиям справедливости – вечной, неизменной, и не зависящей от человеческих мнений.

В пользу этого можно привести следующие аргументы. Во-первых, в диалоге есть фрагменты, соответствующие пониманию справедливости Платоном во всех его последующих текстах: «мы должны думать о том, что скажет о нас человек, понимающий, что справедливо и что несправедливо, – он один, да еще сама истина». Здесь имплицитно подразумевается, что справедливость и истина – это реально существующие вещи, которые доступны человеческому познанию. И именно поведение в соответствии с требованиями справедливости является подлинным долгом любого человека: «Нет, Сократ, послушайся ты нас, твоих воспитателей, и не ставь ничего выше справедливости – ни детей, ни жизни, ни еще чего-нибудь»²³. Следование договору представляется лишь одной из конкретных форм справедливого деяния.

Во-вторых, нигде в диалоге не утверждается, что законы создаются людьми. Напротив, у людей есть только выбор – оставаться под властью этих законов, или же уходить из города. При этом Законы и Отечество, которые в речи Сократа, хотя и имеют антропоморфные черты, все же увязываются с трансцендентальными сущностями – например, законами Аида, перед которыми

²¹ Критон, 52e

²² Платон. Критон // Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль. 1990

²³ Критон, 54b

Сократу в итоге придется держать ответ²⁴. Всюду подчеркивается метафизический характер этих установлений. У Платона здесь явно отсутствует концепция справедливого политического устройства как производного от согласия граждан. Напротив, законы прямо противопоставляются людской воле: «Если ты теперь отойдешь, то отойдешь обиженный не нами, Законами, а людьми»²⁵ – это говорится о казни Сократа.

В-третьих, Сократ много рассуждает о том, какие благодеяния законы и полис оказывают ему. Список получается весьма обширным – вплоть до самого факта рождения²⁶. При этом фактически все пункты этого списка могут быть распространены и на любого другого гражданина Афин. Но факт рождения сам по себе осуществляется без согласия рождаемого, хотя и накладывает на него определенные обязательства. Создается впечатление, что отношения гражданина и полиса в изображении Платона здесь очень похожи на отношения родителей и детей, которые очень трудно интерпретировать в контрактualистском ключе (похожее мнение высказывает сэр Эрнест Баркер²⁷).

Таким образом, в «Критоне» легитимность законов и вообще «справедливых» политических институтов никак не зависит от воли управляемых. Точнее, последние могут выбирать то, что им кажется более справедливым, но опять-таки – им это только *кажется* более «справедливым». Платон оговаривается, что «оно [отечество] более почтенно, более свято и имеет больше значения и у богов и у людей – у тех, у кого есть ум»²⁸. Также наличествуют и другие фрагменты, которые воспроизводят стандартный для Платона прием противопоставления мнения и знания, где последнее является вполне объективным, но недостижимым для большинства²⁹. Трансцендентный характер законов подчеркивается неоднократно. Поэтому представляется, что в указанном диалоге апелляция автора к обязательствам, которые гражданин имеет перед

²⁴ Критон, 54с

²⁵ Там же, 54b

²⁶ Там же, 50e-51b

²⁷ Barker E. Greek Political Theory: Plato and His Predecessors. N-Y., 1947, p. 142

²⁸ Там же, 51b

²⁹ Там же, 44b-d

своим полисом, является скорее иллюстративным приемом, который следует трактовать как демонстрацию того, что поступать в соответствии с требованиями справедливости, пусть даже и ценой собственной жизни – высший долг человека, стремящегося к благой жизни. Выполнение своих обязательств перед отечеством, которое во многом тождественно следованию его законам, просто является таким справедливым поступком. Да и само оно обуславливается, скорее, фактом рождения в полисе. Не оставляет впечатление, что рассуждения Сократа о том, что человек может покинуть свое отечество в том случае, если недоволен его законами, являются плохо скрываемой насмешкой.

Таким образом, нельзя утверждать, что Платон когда-либо высказывал идеи, которые можно отнести к теории общественного договора; во всяком случае, он никогда не являлся их сторонником. Если искать истоки договорной традиции в наследии классической античности, то, стоит обратиться к учению софистов, в частности, Протагора и Ликофрона. Однако они не создали какой-либо стройной теории и тем более не оказали существенного влияние на развитие политической философии. Даже если в их высказываниях можно обнаружить нечто похожее на идею договора, это имеет ценность только для хроники³⁰.

В античном философском пространстве представления, которые возможно интерпретировать в духе договорной традиции, были маргинальными и не составляли самостоятельной традиции. Кроме того, отдельные пассажи античных текстов, которые сегодня толкуются в контрактарианистских терминах, не оказали какого-либо заметного влияния на авторов, считающихся классическими

³⁰ Более подробные сведения об античном контрактualизме можно найти, например, у К. Поппера. Он уделяет в «Открытом обществе» достаточно много места исследованию роли того, что он назвал «критическим дуализмом» и что достаточно близко идее общественного договора, в античной традиции. См.: Поппер, К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Глава V, а также соответствующие примечания и примечания 4.43 и 6.37.

Детальный анализ античных договорных концепций также представлен в работе Э. Баркера (Barker. Op. cit. P. 63-99 – изложение политических взглядов софистов, некоторые из которых, в частности, Протагор и Ликофрон, хронологически являются «первооткрывателями» общественного договора. P. 270, 327, 430 – обсуждение отдельных деталей политических проектов Платона в контексте современной контрактualистской мысли). У Баркера, среди прочего, заслуживает внимания интересная гипотеза относительно социологических детерминант появления контрактualистских теорий – он утверждает, что это могло среди прочего быть вызвано «антропологическими» наблюдениями древних греков за разнообразием обычаев и традиций окружающих их народов, а также колонизацией и учреждением новых городов, что продемонстрировало возможность рукотворного, не «божественного» создания политических институтов и их зависимость от человеческой воли.

для договорной теории. Т. Гоббс³¹, первый выдающийся представитель этой традиции, не ссылался ни на соответствующие фрагменты «Государства», ни на высказывания софистов, которые обычно рассматриваются как первые выражения контрактарианистских взглядов. Такие ссылки отсутствуют и у следующих трех классиков теории общественного договора – Локка, Руссо и Канта³². Поэтому вполне допустимо утверждать, что история этой идеи как самостоятельного направления политической теории начинается лишь в XVII в. Интеллектуальные корни традиции общественного договора, скорее, обнаруживаются не в Античности, а в политической теории позднего Средневековья.

Возникновение договорной традиции можно связать со следующими принципиальными моментами, определявшими содержание политического дискурса того времени. Во-первых, это набиравшая силу естественно-правовая доктрина. Именно в XVI-XVII в. через Г. Гроция и многих других авторов, в том числе и ранних представителей контрактарианизма, получает свое распространение идея естественных и неотчуждаемых прав, которыми люди обладают в силу рождения, и на которые не может посягать верховная власть – мысль не оригинальная, но все же не игравшая заметной роли в дискуссиях Средневековья и эпохи Возрождения с ее республиканскими идеалами.

³¹В большинстве современных обзорных работ первым представителем договорной традиции называется именно Т. Гоббс. С исторической точки зрения это не вполне верно. Как указывает К. Скиннер, важные элементы договорной парадигмы, в частности, протоконцепцию концепции естественного состояния и обоснование легитимности суверена через акт согласия поданных (которым последние отрекаются от своей естественной свободы), можно встретить уже у философов-томистов эпохи Контрреформации, например у Ф. Суареса (Skinner, Q. *Foundations of Modern Political Thought. Volume II: Age of Reformation.* Cambridge University Press, 1978. P. 178-186; ср. также Гуторов В. А., Варламов А. Г. К вопросу о значении британской правовой традиции в политическом дискурсе США // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2014. Вып. 1. С. 85-86). Политическая теория Г. Гроция также может быть истолкована в контрактарианских терминах. См., например, интерпретации М.-Ю. Ван Иттерсум, Р. Джеффери или Р. Така: Van Ittersum, M. J. *Profit and principle: Hugo Grotius, natural rights theories and the rise of Dutch power in the East Indies: 1595-1615.* Leiden: Brill Academic Publishers, 2006. x + 538pp. Jeffery, R. *Hugo Grotius in International Thought.* Palgrave Macmillan, 2006. 224 p. Tuck R. *The Rights of War and Peace: Political Thought and the International Order from Grotius to Kant* Oxford University Press, 2001. 256 p. Тем не менее, хотя Суарес и другие католические авторы косвенно воздействовали на Гоббса, первую систематическую и цельную договорную концепцию предложил именно английский философ.,

³²Круг мыслителей Нового времени, использовавших в своих политических проектах договорные идеи, не ограничивается четырьмя указанными авторами. В работах Спинозы, Пуфендорфа, Гольбаха, Вольтера, Юма и многих других философов и публицистов эпохи Просвещения можно обнаружить контрактарианские элементы. Однако их влияние на развитие договорной теории, особенно современных её интерпретаций, представляется незначительным. В настоящем диссертационном исследовании автор следует распространенному среди комментаторов мнению, согласно которому к классикам договорной традиции относятся Гоббс, Локк, Руссо и Кант.

Во-вторых, набирающая силу в противовес доктрине «божественного права королей» апология права угнетаемых подданных на восстание. На протяжении XVI столетия данная тема переживает свой расцвет. Связано это во многом с политическим измерением борьбы между представителями различных христианских конфессий, возникших в ходе Реформации. «Монархомахические» воззрения и право на восстание против тиранической власти активно защищаются публицистами-гугенотами; позднее соответствующую аргументацию развивают мыслители эпохи Английской Революции. Именно в этой дискуссии возникают первые представления о контрактной природе власти и зависимости верховных владетелей от подданных.³³ Католические богословы, наследующие томистской традиции, в попытке противостоять ослаблению авторитета Папы в результате становления абсолютистских монархий приходят к похожим выводам. Так, Ф. Суарес, наиболее влиятельный из поздних схоластиков, утверждает, что согласно естественному закону верховный суверенитет принадлежит народу, который делегирует монарху власть в результате некоего акта согласия (пускай даже молчаливого) и может ее забрать в том случае, если монарх нарушает общественные интересы или не выполняет свои обязанности (как стороны договора)³⁴.

Развитие позитивного права – и собственно юридических кодексов, и науки о них, – также сыграло свою роль в становлении договорной традиции. К. Скиннер отмечает, что конституционное право оказало значительное влияние на развитие протестантской политической мысли³⁵. Он приводит высказывание протестантского теолога Морнэ относительно того, что «в самом правовом статусе короля... закреплена процедура его избрания»³⁶. Это, конечно, еще не

³³В этой связи можно сослаться на интересные примеры, приводимые К. Скиннером во втором томе его классической работы «Foundations of Modern Political Thought». В частности, он дает следующую цитату из работы Морнэ (Mornay): «Даже те, кто кажется, сегодня восседает на троне по праву наследства, должны заручиться одобрением (must be inaugurated) народа» (Skinner, Q. Foundations of Modern Political Thought. Volume II: Age of Reformation. Cambridge University Press, 1978. P. 316-317. По поводу общих представлений о праве на революции в политической теории той эпохи см.: Ibid., pp. 302-349).

³⁴О влиянии Суареса на становление новоевропейской политической теории подробно пишет Скиннер. См. сноску 24 выше.

³⁵Op. cit., p. 113-188, 309-318

³⁶Ibid., p.317.

идея общественного договора в полном смысле слова, но подобные взгляды близки по духу контрактарианизму и являются достаточно радикальными для своего времени. Развитие других отраслей права, более «утилитарных», оказывало влияние на развитие политической философии того времени (да и предшествующих эпох: и в поздней Римской Империи, и в средневековой Европе) – многие ведущие политические философы того времени были одновременно и юристами: достаточно упомянуть Г. Гроция и С. Пуфендорфа. Громоздкие юридические кодексы того времени – с уже развитой системой контрактного права – хотя бы как объект рефлексии, как представляется, также способствовали становлению контрактарианизма.

Свою роль в этом процессе сыграли и реальные политические события, которые вдохновляли классиков общественного договора на создание своих концепций. Договорная теория, по крайней мере, в своем оригинальном варианте, представляет собой инструментальную теорию для обоснования нормативных концепций более высокого порядка. Ее актуальность во многом зависит от судьбы тех ценностей, которые с ее помощью защищаются – то есть от глубоко укорененного в социальной эволюции процесса трансформации нормативных регулятивных порядков, которые создают ценностное пространство конкретных сообществ. В этом смысле политическая философия в общем и конкретные теории в частности предстают в качестве рефлексивного отображения социальных изменений. Обстоятельства борьбы средних классов английского населения за свои права, приведшей к Английской революции, и особенности мировоззрения представителей этих общественных групп, имевшие мало общего с философской традицией – все это в значительной степени нашло отражение в первых договорных концепциях, созданных англичанами Гоббсом и Локком. К. Скиннер убедительно показывает, что политическая мысль Гоббса была тесно связана с актуальным политическим дискурсом Англии середины XVII в³⁷. Р. Эшкрафт, в свою очередь, отмечает, что развитие политической теории Локка во многом было обусловлено особенностями английской внутренней политики в царствование

³⁷Skinner, Q. The Ideological Context of Hobbes's Political Thought // The Historical Journal. 1966. Vol. 9. N 3. P. 286-317.

Карла II. В частности, он подчеркивает, что многие положения политической и экономической теории Локка тесно связано с политической программой вигов.³⁸ П. Ласлетт даже утверждает, что «написанное Локком обосновывает “Революцию вигов” 1688 г.»³⁹. Указанные свидетельства позволяют предположить, что теория общественного договора возникла не только в качестве абстрактного политико-философского проекта, но также до известной степени отражала интересы определенных общественных сил в борьбе за власть, разгоревшейся в революционной и постреволюционной Англии.

Тем не менее, сфера интересов первых представителей договорной традиции не ограничивалась осмыслением английской действительности того времени; они недвусмысленно высказывали претензии на универсальную значимость их теорий. Для обоснования своего видения идеального нормативного порядка человеческого бытия им приходилось работать в рамках существовавшей тогда философской традиции и использовать принятые в ней концептуальные инструменты. Поэтому наиболее существенным фактором, который обусловил возможность появления теории общественного договора, вероятно, является не развитие социальных отношений или же эволюция частных политических доктрин того времени, а глубинные изменения, произошедшие в стиле философствования на рубеже XVI-XVII века, результатом которых явилось революционное преобразование общей картины мира и представлений о человеческой природе. Важнейшим следствием этих изменений, позволившим заложить основу для формирования первых договорных концепций, стало развитие новых представлений об *индивиде* и *рациональности*.

Значение этих терминов является весьма широким, и их трактовка в настоящей работе может в некоторых моментах отличаться от общепринятых

³⁸Ashcraft, R. Revolutionary politics and Locke's two treatises of government. Princeton: Princeton University Press, 1986. Более того, представление о производном характере власти от согласия подданных, позднее развитое в «Двух трактатах о правлении», появляется еще у графа Шефтсбери, патрона и близкого друга Локка, который опубликовал в середине 1670-х гг. несколько памфлетов, направленных против Парламента Кавалеров (Ashcraft, op. cit., p. 116-117). Парламент Кавалеров (CavalierParliament) вошел в историю как один из наиболее длительных созывов английского парламента (1661-1679). Шефтсбери в своих памфлетах настаивал на том, что столь долгое пребывание парламентариев в должности нарушает основополагающий принцип правления с согласия подданных.

³⁹Laslett, P. The English Revolution and Locke's 'Two Treatises of Government' // Cambridge Historical Journal .1956. Vol. 12. N 1. P. 41.

интерпретаций, поэтому требуется пояснить, что подразумевается под этими понятиями в контексте изучения истории договорной идеи. Под индивидуализмом понимается такой взгляд на общественное устройство, согласно которому индивид становится *raison d'être* политической жизни; разнообразные варианты политического устройства соизмеряются с желаниями и целями конкретных индивидов. Более того, самый свой смысл и возможность существования политика получает в результате индивидуальных потребностей: в самосохранении, в безопасности – своей собственной и своих близких, – в гарантиях для индивидуальной предпринимательской деятельности и многих других.

Как стало возможным такое видение? В первую очередь, это результат развития концепции субъекта, достигающей своего пика и наиболее яркого выражения у Декарта. Но вместе с тем картезианский тезис, зафиксировавший становление человека творцом истины и хозяином собственного мира, обладающим “самовластным правом... на самостоятельное определение целей человечества⁴⁰”, является лишь финальным выражением долгого процесса становления новоевропейской концепции индивида как автономного и рационального субъекта, ассимилировавшей в своем развитии множество интеллектуальных течений предшествовавших эпох. Своим появлением эта концепция во многом обязана долгим и напряженным дискуссиям о свободе человеческого выбора, начавшимся, по-видимому, еще с Хрисиппа и в дальнейшем игравшим важную роль в христианской теологии⁴¹. Именно в этих, на протяжении большей части истории мысли религиозно окрашенных спорах, рождалась идея свободного человеческого существа, подобного Богу в возможности самому творить свою судьбу. Наиболее ярко в раннее Новое время

⁴⁰Хайдеггер, М. Европейский нигилизм // Хайдеггер, М. Ницше. Т. 2. М.: Владимир Даль. 2007. С. 125.

⁴¹К Хрисиппу возводит историю вопроса о детерминированности человеческого выбора И. Берлин: Берлин, И. Не ведайте ни страха, ни надежды // Берлин, И. Подлинная цель познания. М., 2002. С. 135-137.

эта идея проявилась в протестантских доктринах – которые, как указывает Патрик Райли, прямо повлияли на развитие контрактарианизма⁴².

Также здесь сыграло свою роль и свойственное Ренессансу поклонение человеку⁴³, и научная революция, опрокинувшая геоцентрическую систему и приведшая к пересмотру общей средневековой картины мира. Одной из важнейших вех этого процесса стала Реформация, изначально постулировавшая индивидуальную, частную, непосредственную [церковными] институтами связь человека с Богом. Имело место и влияние со стороны уже упомянутых в качестве предпосылок становления контрактарианизма естественно-правовой доктрины и рефлексии над новой социально-политической практикой, появлением новых социальных групп, активно манифестировавших себя в качестве субъектов политики.

Сама идея государства также оформлялась вместе с концепцией противопоставления индивида и политического тела⁴⁴; например, в философии Гоббса причудливо переплетены оба момента – и индивидуальное стремление к безопасному владению собственностью, и обоснование необходимости абсолютной власти суверена. Новоевропейский индивидуализм не стоит увязывать только с теорией общественного договора. Прямо или косвенно, эта концепция человека способствовала развитию почти всех ключевых идей современной политической философии – от гражданского общества и прав человека до государства всеобщего благосостояния. Для возникновения контрактарианизма решающую роль сыграло не просто появление новой концепции субъекта, но ее синтез с новой версией концепции рациональности.

⁴² Riley, Patrick. How Coherent is the Social Contract Tradition? // Journal of the History of Ideas. Vol. 34, No. 4, Oct. - Dec., 1973. P. 544-545.

⁴³По поводу осмысления индивидуального гуманистами эпохи Возрождения см. работу Л. Баткина: Баткин, Л. М. Итальянское возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989.

⁴⁴Слово State (staat, etat) в европейских языках сначала указывало на то, что то или иное политическое образование и народ, его населяющий, являются собственностью “государя”. По мере развития представлений о свободном и независимом индивиде менялось также и понимание природы государства. В конце концов, и личность государя, и личность подданного были выведены за рамки понятия государства, в результате чего возникло современное “безличное” государство-институт. Надо заметить, что в конце концов и различие между государем и подданным также свелось только к статусу; это очень ярко выразил Локк в своей фразе о том, что “в остальном между ними нет никаких различий”.

Подробнее о эволюции понятия государства см.: Скиннер, К. Государство // Понятие государства в четырех языках / Хархордин О.В. (ред.). ЕУСПб, 2002. С. 12-74. Коле, Д. Политическая семантика “Etat” и “etat” во французском языке // Там же. С. 75-113.

Под рационализмом здесь понимается не столько применение к социальным феноменам древней интеллектуальной традиции, рассматривающей мир как разумно (т. е. в терминах причин и следствий) устроенный универсум и допускающей возможность постижения этого универсума людьми. Рационализм, на котором базируется договорная традиция, имеет не так много общего с рационалистической философией Аристотеля или томистской теологией, хотя и заимствует из них определенные элементы. Скорее, он является воплощением практической рациональности, или целерациональности, как обозначил этот феномен Макс Вебер, то есть представления о том, что действия человеческого индивидуума определяются прежде всего его целями. Основными аспектами такого понимания рациональности являются следующие.

Во-первых, при таком подходе человеческое благо полагается как посюстороннее, доступное в этом мире, а не в загробной жизни. Это важно, так как понимание человека как разумно выбирающего благо веры, по определению превосходящее все остальные концепции блага, является гораздо более древним. Здесь важно именно признание не-аморальности интереса к материальным благам этого мира – допущение, не то, чтобы революционное, но, если продолжить метафору, выходящее из подполья мысли. Другая важная черта новой концепции рациональности заключается в том, что этот эгоизм становится неотъемлемой частью человеческой природы; не просто выражением богоизбранности, а именно природной, врожденной поведенческой характеристикой, что отчетливо просматривается у первых теоретиков общественного договора. Гоббс, Локк и Руссо, как будет показано ниже, единодушно утверждают, что основной человеческой потребностью является стремление к самосохранению, что и приводит к образованию различных социальных (собственность, семья), а затем политических институтов. Наконец, в такой разновидности рационализма подразумевается, что люди способны распознавать наилучшие средства для достижения своих целей, или, выражаясь современными терминами, что они способны к рациональному выбору. Отсюда прямо следует допущение того, что индивиды могут оценивать различные варианты политических институтов с точки

зрения своей личной выгоды. Это допущение становится основой для создания договорных теорий как нового типа политической аргументации⁴⁵.

Как появляется подобная концепция рационализма? Каковы предпосылки ее возникновения? Здесь сыграли свою роль социальные процессы и развитие имущественных отношений в странах Северной Европы (что задолго до появления контрактарианских доктрин привело к формированию достаточно эффективной правовой системы, регулировавшей экономическую сферу), заложивших основы особого отношения к частному интересу. Однако более интересными представляются интеллектуальные, а не социально-экономические корни подобного типа мышления. Один из них, вероятно, лежит в особенностях протестантского мировоззрения; с другой стороны, сыграло свою роль и уже упомянутое философское представление о рациональном устройстве миропорядка и связанная с ней установка на возможность познания окружающей реальности. Эта установка активно использовалась философами-схоластами для разрешения богословских затруднений; кроме того, уже в Средневековье появляется (возрождается) интерес к решению прикладных задач (под влиянием арабской науки). В конце концов, это приводит к перевороту в естествознании того времени. Помимо прорывных открытий в различных дисциплинах – от астрономии до медицины – важнейшей особенностью этого переворота стало осознание наукой себя самой; именно тогда на первое место в философском дискурсе выходит понятие метода (Бэкон, Декарт), создаются первые принципы научного знания и обозначаются его различия с другими типами знаний. Можно спорить о точной датировке и основных этапах этого переворота (хотя скорее всего, это была серия, целая эпоха научных переворотов); тем не менее, ко времени жизни Галилея фундаментальные нововведения в науке и философии уже произошли. Дальнейшая эволюция научного знания в XVII-XVIII вв. может быть представлена как идеологическая борьба старого и нового режимов

⁴⁵Вероятно, самым значительным исследованием построения аргументации и роли, которую в ней играли приемы рационального убеждения, у теоретиков общественного договора является работа К. Скиннера, посвященная соотношению рационализма и риторики в философии Томаса Гоббса: Skinner, Q. Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes. Cambridge University Press, 1996. В частности, см. pp.426-437

мышления, которые не просто сменили друг друга, а долгое время сосуществовали вместе. Эти перипетии истории науки, однако, уводят в сторону от изложения процесса формирования того «поведенческого рационализма», который стал основой договорной традиции. Наиболее важным результатом научных переворотов этой эпохи является то, что вместе со становлением новой науки о природе предпринимаются попытки применить новые принципы познания к социальным феноменам. Общественный договор выступает в роли одного из первых примеров рационального научного подхода к обществу и политике⁴⁶. Другим важным аспектом формирования описываемого здесь типа рационализма стало возрождение и трансформация идеи прогресса, в том числе, такой ее версии, как идея социального реформирования. Представление о возможности общественного переустройства на рациональных началах также находит отражение в классических теориях общественного договора. Даже Руссо, как будет показано далее, с его в целом антирационалистической и антицивилизационной установкой, предлагает прогрессистский проект, имеющий своей целью минимизацию негативных последствий коллективного существования людей.

Соединение новых концепций рациональности и субъекта, а также интуиций актуальных философских и правовых доктрин того времени в конечном итоге сделало возможным представление о политических институтах как наиболее эффективном способе достижения индивидуальных целей – представление, которое позже получило название “теория общественного договора”.

⁴⁶ Относительно понимания Гоббсом своей политической теории именно как науки о политике см. статьи из сборника “The Cambridge Companion to Hobbes”, в частности, работы Т. Сорелла (особенно р. 54-56), Р. Така (относительно параллелей, которые можно найти у Гоббса между политикой и оптикой – дисциплинами, которые, каждая в своем роде, имеют дело с иллюзиями человеческого познания) и А. Райана: Sorell, T. Hobbes's scheme of the sciences // The Cambridge Companion to Hobbes. Sorell, T. (ed.). Cambridge University Press, 1996, pp. 45-61. Tuck, R. Hobbes's moral philosophy // The Cambridge Companion to Hobbes. Sorell, Tom (ed.). Cambridge University Press, 1996, pp. 176-207. Ryan, A. Hobbes's political philosophy // The Cambridge Companion to Hobbes. Sorell, Tom (ed.). Cambridge University Press, 1996, pp. 208-245.

1.2. Классические теории общественного договора

Формально “первооткрывателем” теории общественного договора является английский философ Томас Гоббс; возможно также, что его версия контрактарианизма оказалась и самой влиятельной среди всех классических концепций. Видение Гоббсом природы взаимоотношений между людьми лежит сейчас не только в основании различных политико-философских теорий, но также является базовым для влиятельного направления теории международных отношений – реализма. Политическая теория Томаса Гоббса⁴⁷ начинается с критики традиционно разделяемого большинством философов, начиная с Аристотеля, представления о том, что человек существо по своей природе политическое⁴⁸. Как выражает это А. Райан, для Гоббса человек не тождественен, например, “пчелам или домашнему скоту”, которые даже не задумываются о причинах, заставляющих их жить вместе; напротив, люди создают коллективные институты сознательно, для разрешения несправедливостей, возникающих в их отношениях⁴⁹. Таким образом, любой политической ассоциации предшествует мир без политики, который философ называет естественным состоянием (State of Nature). В таком мире человеческие существа, хотя и взаимодействуют друг с другом, но все же свободны от каких-то ограничений и обязательств в отношении друг друга. Каждый имеет право “на все вещи”, и поэтому не существует никаких правовых ограничений: позволено все – убийство, грабеж и всевозможные формы того, что обычно считается несправедливостью и насилием.

Тем не менее, по Гоббсу такое состояние достаточно точно отражает истинную природу человека. Основная мотивация человеческого поведения для

⁴⁷Основными политическими работами Гоббса, на основе которых здесь излагается его теория, являются трактаты «О гражданине» (De Cive, 1642; рус. пер.: Гоббс, Т. О гражданине // Гоббс, Т. Сочинения в 2 т. Т. 1. М. Мысль, 1989) и «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (Leviathan, or the Matter, Forme, and Power of a Commonwealth, Ecclesiasticall and Civil; рус. пер.: Гоббс, Т. Левиафан // Гоббс, Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991.). Среди интерпретаций политической философии Гоббса стоит отметить следующие работы: Strauss L. The Political Philosophy of Hobbes; Its Basis and Its Genesis. Oxford, Clarendon Press, 1936. Gauthier D. Logic of Leviathan. The Moral and Political Theory of Thomas Hobbes. Oxford: Clarendon Press, 1969

⁴⁸О гражданине. С. 271

⁴⁹Ryan, Alan. Hobbes' Political Philosophy // The Cambridge Companion to Hobbes. Cambridge University Press, 1996. P. 516. См. также обсуждение различий между видением оснований политики и общества у Гоббса и Аристотеля, в частности, те аспекты подобного противопоставления, которые подчеркивает, по утверждению Райана, сам Гоббс (Ibid., pp. 516-517).

него – стремление к личной выгоде в различных формах. Условно их [формы] можно поделить на две группы: удовлетворение материальных/физических потребностей (безопасность, пища и т. д.) и духовных потребностей (прежде всего – стремление к славе, признанию другими)⁵⁰. Как описывает это сам Гоббс, «...всякое общество создается либо ради пользы, либо ради славы, то есть из любви к себе, а не к ближнему».⁵¹ Для достижения этих целей, в принципе, хороши любые средства. Чужое благо не является достаточным основанием для самоограничения – преградой для удовлетворения собственных потребностей выступает только превосходящая сила. При этом Гоббс не утверждает, что люди по природе злы. Его знаменитая «война всех против всех» имеет своим основанием не столько конкурентную борьбу за ресурсы, сколько принципиальную неопределенность естественного состояния⁵². Любой стремится к обеспечению собственной безопасности, однако неизвестно, откуда может прийти угроза. Окружающим нельзя доверять; атмосфера постоянного недоверия и страха рождает постоянные конфликты.

С другой стороны, у Гоббса можно найти и фрагменты, противоречащие такому истолкованию. В «Левиафане» он выражается по этому вопросу следующим образом: «Таким образом, мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы»⁵³. Однако прямо перед этим философ утверждает, что «недоверие вытекает из равенства, а война – из недоверия», что, вероятно, можно рассматривать как подтверждение предлагаемой в настоящем исследовании интерпретации. Откуда берется эта неопределенность? Можно выделить

⁵⁰Большинство авторов не рассматривают этот тип потребностей в контексте описания естественного состояния у Гоббса. Однако в своей недавней статье А. Абизадех аргументирует в пользу того, что именно духовные, а не материальные конфликты становятся причиной разногласий между людьми и ведут к началу войны. См.: Abizadeh A. Hobbes on the Causes of War: A Disagreement Theory // *American Political Science Review*. 2011. V. 105. № 2. P. 298-315.

⁵¹О гражданине. С. 286. В другом месте, однако, он выделяет уже три основные потребности: «выгоду, безопасность и славу». См. Gauthier, D. *The Logic of Leviathan*. P. 17.

⁵²По поводу этого утверждения и последующего изложения см.: Kavka, G. *Hobbes's War of All against All* // *Ethics*. 1983. Vol. 93. N 1. P. 291-310.

⁵³Левиафан. С. 95

следующие характеристики естественного состояния, которые превращают его в перманентную войну.

Во-первых, это относительное равенство психических и физических возможностей людей. Гоббс утверждает, что по природе все люди равны – в предельном смысле они уравниваются возможностью убийства другого⁵⁴ (неравенство, наблюдаемое в повседневности, имеет лишь правовую природу; оно производится существующими законами). Отсюда никто не может быть уверен в собственном превосходстве над другими и, соответственно, в своей безопасности от внешних посягательств. Далее, в естественном состоянии постоянно возникают конфликты интересов. Людям часто нравятся одни и те же вещи, но в мире, где отсутствуют четко определенные права собственности, каждый имеет право на все, в том числе и на то, чем владеет другой (если у него, конечно, хватит сил добиться этого). Наконец, индивиды являются в достаточной степени рациональными, чтобы предполагать с той или иной степенью вероятности возможность агрессии со стороны окружающих. Но предсказать конкретный момент нападения и конкретного агрессора является куда более трудной задачей. Потенциальным противником является *любой* обитатель естественного состояния. В такой ситуации появляется стимул напасть первым – тогда можно 1) предупредить опасность агрессии и 2) получить материальную выгоду за счет имущества побежденного в случае успеха⁵⁵.

В этой связи некоторые современные авторы считают, что естественное состояние, каким его изображает Гоббс, можно моделировать с помощью теоретико-игровых построений. Г. Кафка, например, предлагает рассматривать естественное состояние Гоббса как вариант знаменитой «дилеммы заключенного»⁵⁶. Он утверждает, что в дополитическом мире у каждого индивида

⁵⁴Левиафан. С. 93. Ср. также комментарий в работе: Gauthier D. The Logic of Leviathan. P. 15.

⁵⁵Предлагаемое изложение причин неискоренимой неопределенности естественного состояния представляет собой упрощенную версию изложения Г. Кафки (Op. cit., pp. 293-296).

⁵⁶«Дилемма заключенного (или узника)» является одним из наиболее известных парадоксов теории игр – математической дисциплины, изучающей конфликтные взаимодействия рациональных индивидов. Предметная сфера теории игр – конфликты в сфере распределения – пересекается с важными проблемами политической теории, в том числе и с теми, которые находятся в фокусе внимания контрактарианцев. Элементы теории игр используют, например, и Ролз, и Готье. См. § 2.2. настоящей работы.

есть стимул нарушить соглашение о сотрудничестве с другим, так как в этом случае он получит больше, чем если бы следовал своим обязательствам (как пример: заверить кого-то в дружелюбных намерениях, а потом внезапно напасть – известный тактический прием, весьма выгодный в определенных ситуациях; нечто подобное имеет место и в естественном состоянии). Но другой думает так же, и в результате обоюдных нарушений они могут получить даже меньше, чем в случае честного взаимодействия⁵⁷. Такой механизм в итоге формирует самоподдерживающееся состояние перманентного противостояния, которое легко может перерасти в вооруженный конфликт, чреватый самыми печальными последствиями для вовлеченных сторон⁵⁸. В такой ситуации не существует никаких долгосрочных гарантий собственной безопасности: «... в силу указанного равенства сил и прочих человеческих возможностей люди, находящиеся в естественном состоянии, ... не могут надеяться на длительную безопасность. Поэтому истинный разум повелевает нам искать мира, пока есть хоть малейшая возможность его достижения; если же достичь его невозможно, нужно искать себе союзников в войне; это закон природы, как будет показано далее⁵⁹». По рассуждению Гоббса, страх и полное отсутствие уверенности относительно имущественных прав побуждают индивидов вступать в союз с себе подобными.

Относительно сути теории игр, а также применения ее в политической и моральной философии см. следующие работы: Braithwaite, R. *Theory of games as a tool for the moral philosopher*. Cambridge: Cambridge University Press, 1955. Kavka, G. *Hobbesian Moral and Political Theory*. Princeton: Princeton University Press, 1986. Barry, B. *Theories of Justice*. Vol. 1 Berkeley: University of California Press, 1989. Binmore, K. *Game Theory and the Social Contract*. Vol 1, 2. Cambridge: The MIT Press, 1994, 1998. Verbeek, B. and Morris, C. *Game Theory and Ethics* // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Edward N. Zalta (ed.). Summer 2010 Edition. Режим доступа:

<http://plato.stanford.edu/archives/sum2010/entries/game-ethics/>

⁵⁷Kavka, G. Op. cit.

⁵⁸А. Райан утверждает, что естественное состояние по Гоббсу не является в полном смысле слова “дилеммой заключенного”. По его словам, гоббсовский индивид не является максимизатором полезности (традиционная концепция человека в теории игр), а стремится избежать опасностей, порождаемых ситуацией неопределенности. Если игрок из “дилеммы” старается нажиться за счет своего контрагента, то у Гоббса индивид стремится не допустить обратного: чтобы не эксплуатировали его. Гоббс не фокусируется на стремлении людей к наживе; для него важно стремление человека к безопасности (Ryan, op. cit. P. 522-523). Это весьма важное замечание, которое идет в разрез с общепринятыми интерпретациями. Стоит заметить, однако, что Гоббс нигде не отрицает стремления человека к личной выгоде, и такая особенность поведения индивида вполне согласуется с остальной картиной естественного состояния, даже если основным стремлением человека является обеспечение безопасности.

⁵⁹Левиафан. С. 291.

Как создается государство? Люди в естественном состоянии договариваются делегировать полномочия применять силу для разрешения конфликтов некоторому внешнему органу, суверену, который получает неограниченное право принуждения к выполнению требований законодательства. После заключения соглашения индивиды теряют свою естественную свободу; они больше не имеют права на самостоятельное сопротивление как агрессивным действиям сограждан, так и тем действиям государства, которые нарушают их интересы ради поддержания всеобщей безопасности. Здесь необходимо отметить любопытный факт: для Гоббса, вопреки первому впечатлению, именно неограниченные полномочия политических институтов, а не их конкретный дизайн, имеют в данной связи приоритетное значение. Хотя сам он явно предпочитает монархическое правление, Гоббс в предисловии к «О Гражданине» признается, что «хотя в десятой главе я рядом аргументов пытался убедить, что монархия лучше остальных форм государства (я согласен, что в нашей книге это единственное положение не доказано, а лишь постулировано), однако я в ряде мест совершенно ясно говорю, что всякое государство в равной степени должно обладать верховной властью»⁶⁰.

Объединение в общество, хотя и представляется Гоббсом как результат добровольного соглашения, тем не менее, является необходимым процессом, вытекающим из естественного закона. Общество для индивида *a priori* является лучшей альтернативой, чем дополитическое состояние, так как, живя в обществе, он получает куда больше возможностей для удовлетворения своих природных потребностей. Естественное состояние не дает никаких гарантий; полития же дает стабильность. Тот же, кто отказывается от общежития, согласно Гоббсу, «впадает в противоречие с самим собой»⁶¹.

Таким образом появляется политическое сообщество (*commonwealth*), обладающее суверенным правом принуждения по отношению ко всем своим

⁶⁰О Гражданине. С. 282-283.

⁶¹О Гражданине. С. 293. Дж. Хэмптон в своей работе также акцентирует свое внимание на утверждении Гоббсом необходимости и даже неизбежности вступления в политический союз для рациональных индивидов. См.: Hampton, J. *Hobbes and the Social Contract Tradition*. Cambridge University Press, 1988. P. 65.

членам. Гоббс достаточно подробно описывает организацию государства, соотношение различных политических форм, взаимные права и обязанности суверена и граждан, но это не имеет непосредственного отношения к его видению общественного договора. Для настоящего исследования более важен тот факт, что Гоббс (впервые в истории политической философии) пытается аргументировать в пользу своего политического проекта, опираясь не на метафизические абстракции («божественное право королей», вечные и неизменные идеи и т. п.), а апеллируя к рациональному расчету отдельных индивидов. Он пытается доказать, что в предлагаемом мире жить было бы выгоднее всем. Более того, самым основанием этого мира является согласие индивидуальных волей, а не божественное вмешательство или же исторически сложившийся порядок. Конечно, Гоббс осознает, что для поддержания политического порядка одного лишь согласия будет недостаточно; именно поэтому он вводит фигуру государства-Левиафана, третейского судьи, который следит за неукоснительным соблюдением принципов политического общежития отдельными индивидами. Но Левиафан черпает свою силу не в страхе перед сверхъестественными материями или жажде вечной жизни. Дж. Локк так выразил эту интенцию Гоббса: «если спросить, почему человек должен держать свое слово, у христианина, который ожидает счастья или несчастья в иной жизни, в качестве основания он скажет: “Потому что этого требует от нас бог, имеющий власть над вечной жизнью и смертью”. Если же спросить у последователя Гоббса, он скажет: “Потому что общественное мнение требует этого и Левиафані накажет тебя, если ты этого не сделаешь”»⁶². В аргументации Гоббса государство из сакрального объекта, черпающего свою легитимность в метафизических сущностях, превращается в средство удовлетворения индивидуальной потребности в безопасности – и одновременно в эффективный инструмент, который позволяет обеспечить соблюдение общественного договора его участниками.

Тем не менее, естественный закон для Гоббса остается первичным по отношению к возникающим в результате договора социальным нормам.

⁶² Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк, Дж. Сочинения в трех томах: Т. 1. М.: Мысль, 1985. С. 118

Последние являются его логическим следствием, и в этом смысле они не произвольны и не зависят от переменчивых людских настроений. Гоббс рисует абсолютистскую картину мира, где нет места свободе (точнее, она заключается только в том, чтобы быть разумным, то есть следовать требованиям естественного закона – или же проявлять свою глупость, их игнорируя). Однако согласно природному закону, индивиды стремятся к собственному благу, и политические институты имеют по отношению к такому благу только инструментальную ценность – это как раз и является революционным моментом в учении Гоббса.

Идеи, впервые предложенные Гоббсом, были развиты и переосмыслены его младшим современником Джоном Локком. Локк также строит свою политическую теорию, основываясь на противопоставлении естественного и политического состояния, хотя, в отличие от Гоббса, превосходство политического бытия над анархией для Локка не является абсолютным: только определенные институты являются желаемыми, тогда как некоторые формы правления являются менее предпочтительными даже по сравнению с абсолютной анархией. В этом смысле естественный человек Локка обладает куда большей свободой выбора; возможно, это является результатом того, что видение естественного состояния у Локка значительно отличается от описания такового у Гоббса. Естественное состояние Локк определяет как «состояние полной свободы» в отношении своих действий и распоряжения своим имуществом и личностью⁶³. Другим его важнейшим измерением, помимо свободы, является равенство. Равенство для Локка – это естественная и неотъемлемая характеристика человеческих отношений. Как пишет философ, «существа одной и той же породы и вида, при своем рождении без различия получая одинаковые природные преимущества и используя одни и те же способности, должны также быть равными между собой без какого-либо подчинения или подавления»⁶⁴.

В состоянии естественной свободы власть между людьми распределяется равномерно, и никто не имеет возможности ограничивать свободу других, «если

⁶³ Локк, Дж. Два трактата о правлении // Локк, Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. М.: Мысль, 1988, II, II, 4. С. 264.

⁶⁴ Там же.

только господь и владыка их всех каким-либо явным проявлением своей воли не поставит одного над другим»⁶⁵. Интересно, что Локк вполне допускает значительные имущественные различия – равенство распространяется только на такой аспект свободы, который И. Берлин впоследствии обозначит как «негативная свобода», иначе говоря, только на возможность не подчиняться принуждению со стороны других. В отличие от Гоббса Локк утверждает, что поведению людей в естественном состоянии не свойственна агрессия в отношении друг друга. Напротив, над ними сохраняет свою силу природный закон, основным требованием которого является сохранение собственного благосостояния, но по мере сил, и благосостояния окружающих⁶⁶. Как отмечает Локк, «состояние свободы, это тем не менее не состояние своеволия»⁶⁷. Напротив, он определяет свободу как жизнь «в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленной законодательной властью, созданной в нем; это – свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека». Естественная свобода подразумевает только ограничения, накладываемые требованиями разума⁶⁸. Но в обоих состояниях свобода подразумевает какие-то ограничения (хотя Локк и пытается представить требования естественного закона как «руководство к действию», а не как ограничение⁶⁹).

Даже в дополитическом мире никто не имеет права уничтожать самого себя или посягать на жизнь и имущество другого человека, не нарушая высший закон. Естественный человек Локка является моральным созданием (если понимать мораль как систему ненасильственных ограничений поведения в отношении других людей) и обладает как неотчуждаемыми правами, так и обязанностями в отношении других. Необходимо отметить в этой связи, что Локк различает

⁶⁵ Там же, с. 264-265

⁶⁶ Два трактата, II, II, 4. С. 265.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Два трактата, II, IV, 22. С. 275-276.

⁶⁹ Ср. его формулировку: «Ведь закон в его подлинном смысле представляет собой не столько ограничение, сколько руководство для свободного и разумного существа к его собственным интересам и предписывает только то, что служит на общее благо тех, кто подчиняется этому закону.» (Два трактата, II, VI, 57. С. 293)

естественное состояние и состояние войны. Последнее возникает, когда кто-то идет против требований разума и природного закона и заявляет о своей готовности применить силу против окружающих в корыстных целях.⁷⁰ В естественном же состоянии вполне возможно функционирование различных социальных институтов.

Локк отмечает, что человек по природе своей существо общественное, и стремится к взаимодействию и сотрудничеству (а не вражде) с себе подобными⁷¹. Философ также выделяет несколько типов ассоциаций, которые могут существовать в естественном состоянии, хотя сегодня традиционно считаются элементами гражданского общества – в первую очередь, это брак/семья и различные экономические объединения⁷². Что интересно, локковская версия естественного состояния допускает более широкую трактовку, чем простое описание жизни людей вне государства. Дж. Симмонс утверждает, что локковский индивид находится в естественном состоянии по отношению ко всем людям и политическим организациям, с которыми он не заключал добровольных соглашений о подчинении единым законодательным нормам. Например, граждане или правители различных государств по отношению друг к другу, жители завоеванных территорий по отношению к победителям, или жители страны, раздираемой гражданской войной, – все они находятся в естественном состоянии⁷³. Данный концепт у Локка, таким образом, может трактоваться не только как абстрактное описание ситуации анархии, но и применяться к значительному числу случаев реального взаимодействия людей, не связанных общими юридическими нормами.

В любом случае, в естественном состоянии у Локка присутствует моральное измерение, что, является главным отличием описания естественного состояния у Локка от версии его предшественника. Тот, кто идет вопреки велениям морального закона, становится преступником и, фактически, теряет право на свою

⁷⁰ Два Трактата, II, III, 16. С. 271-272.

⁷¹ Два трактата, II, VII, 77. С. 307

⁷² См. их описание в главе VII Второго трактата (с. 307-318)

⁷³ Simmons, J. Locke's State of Nature // Political Theory. 1989. Vol. 17. N 3. P. 449-470

свободу – если, конечно, его смогут принудить его к подчинению. В естественном состоянии каждый обладает «исполнительной властью»; каждый имеет право вмешаться в ситуацию, которая является нарушением требований естественного закона. Локк, однако, оговаривает, что тот, кто вмешивается при нарушении естественного закона, обладает лишь правом наказать преступника, причем форма наказания должна соответствовать тяжести преступления. Право на возмещение ущерба имеет лишь непосредственно пострадавший.⁷⁴

Локк вполне допускает, что человеческая зависть, пристрастность и себялюбие могут проявляться в свободном взаимодействии людей и создавать значительные неудобства. Л. Штраусс позднее выразил эту мысль философа с помощью красивой метафоры, согласно которой «естественное состояние, как его понимает Локк, не тождественно ни состоянию невинности, ни состоянию после Грехопадения»⁷⁵; в естественном состоянии, даже если оно включает в себя моральное измерение, присутствуют все возможные человеческие страсти, которые часто приводят к нарушению требований высшего закона. Политические ограничения для Локка являются средством для преодоления негативных (с моральной точки зрения) последствий людских аффектов⁷⁶. Стремление избежать таких последствий является главным мотивом для объединения в политическое сообщество⁷⁷. Главное отличие последнего от естественного состояния заключается в том, что в природе человек ограничен лишь требованиями разума, тогда как в государстве – принятыми законами. Тем не менее, в обоих случаях индивид обладает свободой, но, повторимся, свободой не анархической, а согласованной с законом.

Любопытными представляются размышления Локка о реальных процессах возникновения политических сообществ. Он допускает, что общественный

⁷⁴ Два трактата, II, II, 8. С. 266-267.

⁷⁵ Штраусс, Л. Естественное право и история. М.: Водолей, 2007. С. 208.

⁷⁶ Два трактата, II, IX, 123. С. 301.

⁷⁷ Здесь мы встречаемся с противоречием в теории Локка. С одной стороны, он характеризует естественное состояние как «состояние мира, доброй воли, взаимной помощи и безопасности» (Два трактата, II, III, 19. С. 228), с другой – вполне в духе Гоббса утверждает, что основным мотивом заключения общественного договора является то, что в естественном состоянии право собственности «весьма ненадежно, и ему постоянно угрожает посягательство других» (Два трактата, II, IX, 123. С. 301). Примирить эти тезисы представляется весьма сложной задачей.

договор имел место на самом деле. Философ приводит примеры того, что может являться естественным состоянием: взаимодействие представителей различных народов, отношения монархов в межгосударственной сфере, жизнь на необитаемом острове. Локк признает, что история дает мало свидетельств о возникновении государства через договор. Он, однако, вполне корректно указывает на то, что отсутствие примеров не является достаточным опровержением его тезиса. Для Локка общественный договор – не просто абстракция, через которую он легитимирует какой-то идеальный образ правления. Напротив, для него это вполне убедительная эмпирическая теория происхождения государства. С другой стороны, Локк соглашается и с тем, что не только договор является основанием известных в истории государств. Дж. Уолдрон отмечает, что у Локка можно обнаружить две версии происхождения политического общества – в результате договора и в результате эволюционных изменений семейных групп (подобную теорию можно найти, например, у Аристотеля)⁷⁸.

Независимо от того, насколько договорная концепция Локка соотносится с реальными механизмами возникновения государств, она имеет самостоятельное значение в качестве способа легитимизации политических институтов. Для него единственным основанием подчинения установленным законам политического сообщества (Локк также использует в качестве синонимичного понятие «гражданское общество») является добровольное соглашение об объединении с другими людьми⁷⁹. Выгоды, которые получаются в результате – возможность спокойно пользоваться своим имуществом и распоряжаться собой в условиях мирного сосуществования. Важная характеристика локковского договора – индивиды обязуются соглашаться в будущем с решениями создаваемых политических институтов, даже если их позиция отличается от официальной (Локк вводит принцип большинства как основной способ принятия коллективных

⁷⁸Waldron, J. John Locke: Social Contract Versus Political Anthropology // The Review of Politics. 1989. Vol. 51. P. 3-28
О соотношении этих двух теорий у Локка см.: Два трактата, II, VI, 75-76. С. 305-307 (эволюция семейных групп) и VIII главу целиком (о реальности общественного договора).

⁷⁹Два Трактата, II, VIII, 95. С. 318.

решений⁸⁰). В этом смысле, они отчуждают часть своей свободы в пользу политического тела. Но это отчуждение является не настолько радикальным, как того требует Гоббс. Право собственности (которое Локк трактует очень широко) остается священным, и если политическое сообщество посягает на чье-то имущество, жизнь или свободу, то этот индивид имеет право на сопротивление. Более того, отмечает Р. Эшкрафт, в понимании Локка субъект, который отказывается от своих естественных прав, вообще не может претендовать на статус рационального существа⁸¹. Общественный договор у Локка не является единичным актом; право на сопротивление вполне можно трактовать как возможность модификации первоначального контракта, если он оказывается несправедливым и нарушает требования естественного закона. Индивид свободно может выйти из соглашения – если он готов отказаться от гарантий политического сообщества и вновь принять на себя все риски естественного состояния. Если вернуться к интерпретации Симмонса, то положение дел, при котором отдельные граждане подвергаются угнетению и дискриминации со стороны правительства, вполне можно квалифицировать как форму «войны», нарушения естественного закона. В таких условиях индивид освобождается от всяких обязательств, и общественный договор теряет свою силу⁸².

Для Локка общественный договор является не только элементом теории возникновения государства, но и во многом инструментом критики существующих политических установлений⁸³. Представляя свой политический проект, он в большей степени пытается опровергнуть современную ему картину политического мира, где право на власть считается принадлежащим монарху в силу божественного дара. Локк полагает, что политическая власть не является абсолютной. Напротив, для него, как указывает Дж. Данн, она зависит от согласия

⁸⁰ Два трактата, II, VIII, 96. С. 319

⁸¹ Ashcraft, R. Locke's State of Nature: Historical Fact or Moral Fiction? // The American Political Science Review. 1968. Vol. 62. N 3. P. 912-913.

⁸² Simmons, op. cit., p. 460.

⁸³ Подобная точка зрения высказывается, например, в следующей работе: Hindess, B. Locke's state of nature // History of the Human Sciences. 2007. Vol. 20. N 3. P. 1-20. Альтернативная позиция, согласно которой естественное состояние и общественный договор используются Локком в качестве внеисторической точки отсчета для его политической теории, защищается, в частности, Дж. Данном (см.: Dunn J. The Political Thought of John Locke. Cambridge University Press, 1982. P. 97, 112-113).

подчиняющихся ей людей⁸⁴ и имеет инструментальную ценность по отношению к их потребностям. Поэтому любые политические ограничения являются легитимными только в том случае, если они позволяют людям сохранить в неприкосновенности их собственность, жизнь и свободу. Кроме того, власть должна опираться на четко установленные законы – произвол верховного правителя Локком не допускается⁸⁵. В целом, в своей контрактарианской концепции он приходит к несколько иным результатам, чем Гоббс. Оба философа соглашаются в том, что первейшей потребностью людей является самосохранение (производным от чего является обладание любыми формами собственности), и что главной задачей политических институтов является способствовать реализации этой потребности, но в вопросе средств их взгляды значительно расходятся. Если Гоббс является апологетом неограниченной монархии, то Локк вошел в историю политической философии как один из пионеров либеральной и конституционалистской традиции.

Третий значительный мыслитель, принадлежащий к классической договорной традиции, французский философ Жан-Жак Руссо, пришел к еще более радикальным для его времени выводам и разработал на основе своей интерпретации контрактарианизма влиятельную концепцию демократии, сохраняющую свою актуальность до сих пор. Руссо разделяет исходные посылки своих предшественников, согласно которым [посылкам] люди полагаются по природе своей свободными от каких-либо политических ограничений, а государство рассматривается как результат добровольного соглашения индивидов. Его естественный индивид также имеет своей первичной потребностью самосохранение⁸⁶; как и Гоббса, границы свободы в естественном состоянии задаются лишь физическими способностями отдельных людей. Тем не менее, естественное состояние Руссо в значительной степени отличается от «моделей» Гоббса и Локка.

⁸⁴Ср.: Dunn J. Consent in the Political Theory of John Locke // The Historical Journal. 1967. Vol. 10. N 2. P. 159

⁸⁵Два трактата, II, XI, 134-142. С.339-347.

⁸⁶Об общественном договоре. С. 7. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства. С.107.

В строгом смысле, естественное состояние для Руссо – это «земля до начала времен», мир в котором отсутствуют собственность, искусство, наука; в предельном смысле, отсутствует общество как таковое. Это мир первобытных дикарей, которые живут тем, что дает им охота и собирательство; они крайне редко сообщаются друг с другом (только ради удовлетворения сексуального влечения⁸⁷) и чужды высокоинтеллектуальных форм деятельности. Французский мыслитель вступает в заочную дискуссию со своими предшественниками, заявляя о том, что «философы, которые исследовали основания общества, все ощущали необходимость восходить к естественному состоянию, но никому из них это еще не удавалось»⁸⁸. Руссо рисует свою картину естественного состояния, держа в уме строгое разделение между природным и социальным; для него в естественном состоянии не может быть никаких феноменов, которые имеют общественную природу, и поэтому он удаляет их все – в отличие от других авторов, использовавших концепт естественного состояния, которые опрометчиво переносили туда элементы окружающей их действительности.

Так как нет общества, то нет и социальных по своей природе эмоций, в том числе и негативных. Поэтому, несмотря на введение эгоистичного индивида, для Руссо естественное состояние не характеризуется как «война». Напротив, он замечает, что в этом мире у людей нет собственности, ведь индивидуальные потребности ничтожны в сравнении с доступным изобилием ресурсов. Соответственно, не может и быть конфликтов по этому поводу (именно имущество и является для Руссо основной причиной конфликтов⁸⁹). Кроме того, в силу малочисленности населения и полного отсутствия устойчивых социальных связей, личные контакты носят случайный характер.

Различные социальные структуры, философия и искусство, экономика, промышленность и прочие черты цивилизованных обществ, всевозможные

⁸⁷Такое описание мы видим в «Рассуждениях о неравенстве»; в «Общественном договоре» Руссо утверждает, что «самое древнее из всех обществ и единственное естественное - это семья». Тем не менее, даже здесь он сводит роль семьи только к воспитанию детей; по достижении ими взрослого состояния семейные узы разрушаются (Общественный договор. Глава II. См. также примечание 7)

⁸⁸Рассуждение о неравенстве. С. 46

⁸⁹ОД, глава 4. Еще в более явной форме Руссо утверждает это в «Рассуждении о неравенстве».

формы социальной дифференциации – все это возникает в ходе дальнейшего развития. Сначала появляются примитивные формы наподобие семейных пар или движимого имущества, потом они становятся все более сложными; параллельно идет эволюция интеллектуальных способностей человека, возникают различные чувства и эмоции (как позитивные, так и негативные). Наконец, возникают комплексные формы экономических отношений; первобытное равенство практически исчезает. Это сопровождается возникновением различных конфликтов в обществе, ростом насилия и агрессии.

В пренебрежении собственностью, открыто высказываемом Руссо, кроется еще одно важное различие между ним и предшествующими представителями договорной традиции. Если Локк и Гоббс считали владение собственностью важнейшим правом и отличительной чертой человека, то для Руссо собственность является источником многих негативных явлений в общественной жизни, она, если возможно так выразиться, «неестественна». Достаточно вспомнить его знаменитое высказывание из «Рассуждения о неравенстве»: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества» – а также последующий текст, где он связывает многочисленные беды человечества как раз с воздействием имущественных отношений.⁹⁰

Стремление к самосохранению как основная характеристика человека, вводимая Руссо, вовсе не противоречит такому осуждению собственности с его стороны. Как отмечает К. Брук, Руссо поступает тонко, вводя различие между двумя аспектами «любви к самому себе», *amour de soi* и *amour-propre*, где первое выступает как нечто, похожее на фукианскую «заботу о себе», стремление к самосовершенствованию, а второе является выражением частного экономического интереса в привычном смысле. Оба этих типа существуют в человеческой натуре, но *amour de soi* доминирует у естественного человека, в то время как развитие общественных отношений пробуждает и выдвигает на первый план *amour-propre*, порицаемую Руссо. По его мнению, именно этот тип «любви к

⁹⁰«Рассуждение о происхождении и истоках неравенства между людьми», с. 107

себе», а не просто стремление к самосохранению, становится затем катализатором социальных конфликтов⁹¹.

Необходимость выживать в условиях все возрастающего неравенства и порождаемых им негативных феноменов приводит к созданию политических институтов. Насколько можно понять из другой знаменитой формулировки Руссо (высказанной в «Общественном договоре»), в которой он характеризует цели создания политической ассоциации, основное стремление участников общественного договора заключается в том, чтобы создать такие формы общежития, которые могли бы предельно увеличить безопасность и выгоды от сотрудничества, при этом сохраняя максимально возможный уровень личной свободы⁹². Проще говоря, рациональные индивиды выбирают этот вариант как наилучший способ решения своих проблем, возникающих в результате необходимости совместного проживания.

С другой стороны, следует заметить, что в более раннем «Рассуждении...» Руссо воспроизводит точку зрения Гоббса и Локка, согласно которой основным мотивом для объединения в политическое сообщество является потребность индивидов в защите прав собственности⁹³. Примечательно также, что Руссо, подобно Локку, различает гражданское и политическое общество, откуда следует, что государство не является неотъемлемым элементом общества (т. е. могут существовать высокоразвитые общества, где нет политической власти) – хотя это может быть данью нормативному подходу Руссо к соответствующей проблеме: французский философ отказывается в статусе политического различным формам авторитарного правления. Тем не менее, для Руссо, как и его предшественников,

⁹¹ Brooke, C. Rousseau's Political Philosophy // The Cambridge Companion to Rousseau. Riley, P. (ed.) Cambridge University Press, 2006. P. 112-115. Согласно интерпретации Брука, возводящего указанную дилемму к Августину и стоической философии, развращающий эффект частного интереса проявляется в отчуждении людей от их подлинной природы и стремлений. По его мнению, политический проект Руссо нацелен на то, чтобы создать институциональный дизайн, который мог бы предохранять общество от деструктивного влияния частного интереса отдельных индивидов и фракций (этот момент позже будет играть важную роль и для «федералистов», во многом опиравшихся на идеи Руссо).

⁹²«Эта трудность, если вернуться к предмету этого исследования, может быть выражена в следующих положениях: "Найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силу личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде". Такова основная задача, которую разрешает общественный договор» (ОД, глава 6).

⁹³Рассуждение. С. 125.

общественный договор знаменует собой появление государства и является необходимым результатом эволюции человеческого рода. Он утверждает, что негативные внешние воздействия (неизбежные с того момента, как только человек вышел из первобытного состояния) становятся решающим стимулом для объединения в политическое сообщество⁹⁴ (также неизбежного). В этом смысле Руссо близок Гоббсу – для обоих создание политического тела является необходимым и неизбежным, пусть и в силу различных причин.

Какие формы принимает то идеальное политическое устройство, которое выводится Руссо в качестве результата договора? Выше было отмечено, что Руссо в отличие от предшествующих представителей контрактарианской традиции является радикально-демократическим мыслителем. Описывая политическую организацию, возникающую в результате договора, он указывает, что наиболее справедливым способом принятия решений является правило абсолютного большинства. Тем не менее, сам договор должен быть утвержден единогласно всеми его участниками. Последующие индивидуальные отклонения от норм договора не допускаются; не согласные с общей волей индивиды «силой принуждаются быть свободными». Тем не менее, Руссо указывает, что существующее соглашение может быть отвергнуто коллективным решением, и что иных оснований легитимности кроме индивидуального согласия у договора нет. Общий смысл договорной концепции, предложенной Руссо, толковать достаточно сложно – слишком много противоречий и неясностей обнаруживается в наследии этого философа. Представляется, однако, что можно выделить три основных момента, которые характеризуют общественный договор у Руссо: во-первых, предполагается, что он действительно имел место в действительности (то есть договорная теория Руссо может рассматриваться как политико-антропологическая концепция); во-вторых, он является единственным средством

⁹⁴Об общественном договоре. Глава VI. Это может представляется весьма противоречивым утверждением, учитывая склонность Руссо к идеализации естественного состояния. Тем не менее, в пользу подобного прочтения свидетельствуют многие фрагменты произведений Руссо. См.: Р. Нисбет. Прогресс: история идеи. М., 2007. С. 371 и далее; Malcolm, J. One State of Nature. Mandeville and Rousseau // Journal of the History of Ideas. 1978. Vol. 39. N 1. P. 407-432.

обеспечения легитимности политических институтов; в-третьих, договор представляется логическим следствием естественного развития человечества.

Руссо не стал изобретателем этих идей – в той или иной форме они высказывались и ранее. Однако он предложил несколько новых интересных моментов: например, оригинальную трактовку концепции естественного состояния. Руссо также переосмыслил роль собственности в отношениях между людьми, заложив тем самым основу для радикально иного понимания естественного права и вопросов справедливости; кроме того, своим обсуждением принципов принятия коллективных решений, лежащих в основе первоначального договора и создаваемой с его помощью конституции, он предвосхитил контрактарианскую теорию Дж. Бьюканана и Г. Таллока⁹⁵, в свою очередь заложившую основы современного понимания демократии и общественного договора. Наконец, идеи Руссо сыграли значительную роль и в политической практике “эпохи демократических революций”⁹⁶.

С другой стороны, общественный договор для Руссо, хотя и является наиболее адекватным средством учреждения государства, а также неизбежным результатом человеческого прогресса, остается лишь компромиссным вариантом, а приоритет философ отдает естественному состоянию – причем естественному состоянию в его нетронутым, первоначальном и диком виде. Л. Штраус писал об этом конфликте идеалов у Руссо следующим образом: «Руссо до конца верил, что даже правильный тип общества есть форма рабства. Следовательно, он не мог считать свое решение проблемы конфликта между индивидом и обществом более чем терпимым приближением к решению – приближением, которое остается открытым для легитимных сомнений»⁹⁷. Руссо отмечает в начале своего главного труда, что общественный договор может лишь придать легитимный статус тому

⁹⁵См. изложение данной концепции в §2.2 настоящего исследования

⁹⁶Имеются в виду Французская и Американская революции; использованное словосочетание – аллюзия на одноименную работу Р. Палмера: Palmer, R. R. *The Age of Democratic Revolution*. Princeton University Press, 1969

⁹⁷Штраус Л. Естественное право и история. С. 244. Вместе с тем, Штраус признает, что республиканские и демократические идеалы Руссо, хотя и уступают идеалу «благородного дикаря», все же превосходят в иерархии ценностей последнее стремление к наживе и вообще ориентированное на выгоду поведение и являются приоритетным ориентиром при создании политического общества (Там же:с. 243).

факту, что “рождающийся свободным“ человек повсюду находит себя в оковах⁹⁸; на решение более фундаментальных задач эта инструментальная концепция не претендует.

Учитывая влияние философии Руссо на политическую мысль своего времени, парадоксальным образом можно сказать, что теория общественного договора достигла расцвета именно в его творчестве, хотя и была для Руссо всего лишь средством лечения неизбежных недугов человечества. Вместе с тем классический период истории этой традиции уже подходил к своему завершению. Тем не менее, был еще один выдающийся мыслитель, который также внес значительный вклад в развитие договорных идей. Последним представителем классического контрактарианизма и вместе с тем зачинателем нового направления эволюции этой традиции политической мысли, стал немецкий философ Иммануил Кант.

В его учении можно выделить два различных аспекта понимания общественного договора. Первый продолжает традиционную интерпретацию, – предложенную Гоббсом и развитую Локком и Руссо, – согласно которой легитимность государственных институтов обосновывается через сравнение их с ситуацией анархии в естественном состоянии. Второй же является оригинальной разработкой Канта – имеются в виду его идеи, изложенные в «Основаниях метафизики нравственности» и «Критике практического разума», которые впоследствии легли в основание традиции, названной Дж. Ролзом «кантианским конструктивизмом»⁹⁹. Суть этой традиции заключается в попытке дедуцировать фундаментальные этические и политические принципы на основе конкретных концепций человека, принятых в том или ином обществе. В историю договорной теории Кант вошел именно благодаря тому, что заложил основы конструктивистского подхода в моральной философии. Однако чтобы понять базовые допущения этого подхода, необходимо прежде рассмотреть «классические» элементы теории договора в политической философии Канта.

⁹⁸См. первый абзац первой главы «Общественного договора».

⁹⁹Rawls, J. Kantian Constructivism in Moral Theory // Journal of Philosophy. 1980. Vol. 77. N 9. P. 515-572.

В своих работах «Метафизика нравов», «О поговорке» и «К вечному миру» немецкий мыслитель использует обычную схему противопоставления естественного и политического состояний, демонстрируя превосходство последнего. Он обосновывает легитимность создания государства через введение метафоры первоначального договора, когда каждый индивид соглашается принять на себя обязывающие нормы – причем такое решение, по Канту, априорно предопределено (многочисленными угрозами личному благосостоянию, присущими естественному состоянию). Он использует различные варианты описания естественного состояния. Так, применительно к сфере международных отношений он определяет естественное состояние в духе Гоббса, как ситуацию взаимодействия суверенных волей без вышестоящих контролирующих инстанций, наделенных правом принуждения. Например, в трактате «К вечному миру» он пишет: «Война есть печальное, вынужденное средство в *естественном состоянии* (когда нет никакой судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона¹⁰⁰) утвердить свои права силой, когда ни одна из сторон не может быть объявлена неправой... и лишь исход войны... решает, на чьей стороне право». Следом он отмечает, что главной характеристикой такого положения дел является не просто отсутствие суверена, ограничивающего произвол отдельных акторов, а именно постоянная враждебность индивидов-государств по отношению друг к другу, скрытая, либо явная: «Состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние, а последнее есть состояние войны, т. е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза.»¹⁰¹ Отношения между независимыми государствами для Канта являются воплощением классической концепции естественного состояния, он применяет ее практически в той же форме, что и Гоббс для отдельных индивидов; Кант даже замечает, что государства в данном смысле тождественны индивидам, не подчиняющимся никакому суверену.

¹⁰⁰Курсив мой – Б. С. См.: Кант, И. К вечному миру // Кант, И. Сочинения в 6 т. М., "Мысль", 1965. (Философ. наследие).- Т. 6. С. 266.

¹⁰¹Там же.

Когда он исследует вопрос о природе права и государства вообще, то естественное состояние интерпретируется уже в терминах, близких к локковской трактовке – как ситуация, в которой отсутствует единое обязывающее нормативное пространство (что не отменяет разнообразных взаимоотношений между людьми и не обязательно связано со скрытыми и явными проявлениями враждебности). В «Метафизике нравов» философ отмечает, что «естественному состоянию противоположно не общественное, а гражданское состояние: в естественном состоянии общество может существовать, но только не гражданское (гарантирующее мое и твое посредством публичных законов); поэтому право в естественном состоянии и называется частным»¹⁰². Кант утверждает, что существует априорный закон, согласно которому индивид «должен при отношениях неизбежного сосуществования со всеми другими людьми перейти из этого [естественного] состояния в состояние правовое»¹⁰³, то есть государство для него является предпочтительным состоянием по сравнению с анархией. Более того, он приводит практически те же аргументы в пользу перехода к гражданскому состоянию, что и Локк: хотя общество и может существовать без государства, но в таком состоянии «отдельные лица, народы и государства никогда не могут быть гарантированными от насилия друг над другом»¹⁰⁴.

Однако какой бы вариант естественного состояния им не использовался, в конце концов Кант утверждает, что «акт, через который народ сам конституируется в государство,... это первоначальный договор, согласно которому все... в составе народа отказываются от своей внешней свободы, с тем чтобы снова тотчас же принять эту свободу как члены общности, т. е. народа, рассматриваемого как государство»¹⁰⁵. Исходя из того, что принятие соглашения подразумевает и признание вытекающих из него обязательств его субъектами, Кант далее рисует свою картину идеального политического устройства – сочетающую различные элементы, но наиболее близкую к республике. Оставаясь

¹⁰²Кант, И. Метафизика нравов // Кант, И. Сочинения в 6 т. М., "Мысль", 1965. (Философ. наследие). - Т. 4. Ч. 2. С. 151.

¹⁰³Кант. Метафизика нравов С. 226.

¹⁰⁴Кант. Метафизика нравов. С. 232

¹⁰⁵Кант. Метафизика нравов. С. 236-237.

в рамках классического контрактарианизма Кант фактически занимается демонстрацией преимуществ политических установлений и поиском убедительных аргументов в пользу защиты порядка¹⁰⁶. Однако в творчестве Канта можно также обнаружить – хотя сам он это не манифестирует, но вполне возможно реконструировать предлагаемую далее интерпретацию, опираясь на многочисленные фрагменты его работ, – и иную версию теории общественного договора, которая значительно отличается от традиционного подхода.

Первое и, возможно, главное различие заключается в том, что модель соглашения о создании политических норм в этом случае является гипотетической. В реальность первоначального договора Кант не верит, даже когда остается в рамках предшествующей традиции¹⁰⁷; возможно, потому, что в силу давнего увлечения географией он был хорошо осведомлен в вопросах, связанных с жизнью примитивных народов. Он критически относится к романтизированному Руссо первобытному человеку, равно как и к его способностям в деле создания политических институтов. Кант указывает, что сам образ жизни дикарей свидетельствует в пользу того, что свое общежитие «они начинали с насилия»¹⁰⁸. Кант работает с абстрактной идеей договора, не облакая ее в какие-то реалистичные метафоры; в рамках этой идеи договор выступает в качестве базового критерия легитимности того или иного режима, или, как выражается сам философ, «пробного камня правомерности всякого публичного закона»¹⁰⁹. Правда, здесь эта идея действует другим образом – относительно любого установления необходимо проводить мысленный эксперимент, задаваясь вопросом о том, мог ли каждый отдельный гражданин согласиться с этим установлением или нет. Только в случае положительного ответа это последнее оказывается легитимным. Частным, но очень емким выражением этой идеи может служить формула из «Вечного мира», согласно которой «дефиниция моей

¹⁰⁶Относительно роли демонстрации и примеров у Канта в общем случае см.: Loudon, R. B. *Making the Law Visible: The Role of Examples in Kant's Ethics // Kant's Groundwork of the Metaphysics of Morals: A Critical Guide* / Jens Timmermann (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 63–81.

¹⁰⁷Кант, И. Опоговорке. С. 86.

¹⁰⁸Кант. *Метафизика нравов*, с. 266

¹⁰⁹Кант. *О поговорке*. С. 86.

внешней (правовой) свободы должна... гласить так: эта свобода есть правомочие не повиноваться никаким внешним законам, кроме тех, на которые я мог бы дать свое согласие»¹¹⁰, причем такое определение противопоставляется формулировке «делать все, что угодно, если только не нарушать чьего-либо права»¹¹¹.

В этой формулировке отчетливо прослеживается, что кантианская модель договора не требует ничего хотя бы отдаленно похожего на собрание или ассамблею индивидов с целью заключения соглашения; акт договора, фактически, совершается в индивидуальном сознании, когда моральный субъект задается вопросом относительно легитимности конкретного политического порядка. Вторым важным отличием этой версии договора, которое также отражено в представленной цитате, является противопоставление кантианского понимания свободы и традиционной трактовки этого термина – как возможности делать все, что не нарушает чьих-либо прав. Для Канта индивидуальная свобода заключается не в отсутствии ограничений на реализацию эгоистических интересов, а в следовании моральному закону. Другими словами, он пользуется принципиально иной концепцией индивида, которая несводима к рациональному субъекту, стремящемуся обеспечить свою безопасность и преумножить собственность, которого изображают предшествующие авторы, принадлежащие к договорной традиции.

В этом легко убедиться, если обратиться к общей теории морали Канта, из которой дедуцируются принципы его политической философии и по отношению к которой политика выступает лишь как производная. Немецкий философ предлагает рассматривать человека прежде всего как существо моральное; и именно моральное измерение является фундаментом для построения любых прикладных теорий, в том числе и теории политики. В этом смысле Кант начинает свой путь из радикально иной точки, нежели Гоббс, Локк и Руссо; тогда как его предшественники отталкиваются от человека, какой он есть, от его во многом аморальной повседневности, великий уроженец Кенигсберга пытается

¹¹⁰Кант. К вечному миру. С. 266

¹¹¹Там же

работать с человеком, каким он должен быть; он идет от идеального образа, а не от реального положения дел. Кант придает моральную ценность отдельным индивидуумам, и признает вытекающие из подобного исключительного статуса частные права, которые вместе с тем являются фундаментальными и неотчуждаемыми; в этом смысле он является индивидуалистом. Кант также признает, что для человека естественно и даже неизбежно стремиться к личному благу; что для человека последнее выступает в качестве «его естественной цели», от которой он «не может отказаться, ... как не может этого никакое конечное разумное существо вообще»¹¹². Он даже утверждает, что «способность... поступать сообразно своим представлениям называется жизнью»¹¹³, непосредственно определяя возможность следовать своим целям-представлениям в качестве субстанциальной характеристики человеческого бытия.

Однако на уровне общей теории морали Канта не интересуют разнообразные эмпирические проявления индивидуального, он ограничивается исследованием лишь универсальных сущностей, *a priori*, по его мнению, проявляющихся во всех и каждом, и в этом смысле его индивид подобен монаде Лейбница, в которой отражается вечный блеск морального закона. Индивид имеет онтологический моральный статус, но конституируется прежде всего обязанностями по отношению к себе подобным; практически все авторы, исследующие творчество Канта, сходятся в том, что его этика носит деонтологический характер, то есть центральным для нее является понятие долга, доминирующего над индивидуальными интересами¹¹⁴. Рациональный эгоизм в представлении немецкого мыслителя не может быть основанием морали и политики. Кант только допускает, что подобная установка может быть хитроумным установлением природы, подталкивающей людей к соблюдению морального закона, но не устает подчеркивать, что подобная мотивация находится вне сферы этического.

¹¹²Кант. О поговорке. С. 65.

¹¹³Кант. Метафизика нравов. С. 117

¹¹⁴Ср. схожее утверждение Т. Дональдсона: Donaldson, T. Kant Global Rationalism // Traditions of International Ethics / T. Nardin, D. Mapel, (eds). Cambridge University Press, 1992. P.142.

Индивидуальная воля, в которой в тот же момент отражаются все остальные индивидуальные воли мира, выраженные в качестве всеобщего закона, и которая в силу этого факта уже не является сугубо индивидуальной, которая становится в некотором смысле всеобщей – вот истинное основание морали и законов. Здесь стоит акцентировать внимание на скрытом допущении возможности конвергенции всех индивидуальных точек зрения; мыслитель предполагает, что при рассмотрении этических проблем возможно достижение универсальной перспективы, которое одновременно будет достижением истинного разумного порядка, воплощением морального закона. Вместе с тем категорический императив, точка зрения, задаваемая Кантом в качестве отправной при осмыслении моральных проблем, не дает сам по себе конкретных решений; скорее, он представляется некой разновидностью фильтра, позволяющего отсеивать достойное от недостойного в повседневной жизни¹¹⁵.

Это еще одна важная черта кантианской этики, которая лежит в основе того, что выше было обозначено как “кантианский конструктивизм” – формирование некоего механизма, позволяющего определить, что же является правильным в той или иной ситуации, отталкиваясь от конкретной концепции человеческой природы¹¹⁶. Гипотетический договор, предлагаемый Кантом в качестве предельного основания легитимности политических институтов, является разновидностью такого фильтра. Немецкий философ переносит идею, использованную при формулировании категорического императива¹¹⁷, на более низкий уровень абстракции, лишь слегка модифицируя её. В случае категорического императива не имеет место физическое принуждение; свою обязывающую силу последний черпает в соответствии требованиям разума. Государство же имеет право использовать принуждение для обеспечения

¹¹⁵См. более подробное описание такой «фильтрации», осуществляемой с помощью категорического императива в статье “Kant” (5.4) в «Стэнфордской философской энциклопедии»: Rohlf, M. Immanuel Kant // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.). Fall 2010 Edition. Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2010/entries/kant/>.

¹¹⁶ Rawls, J. Kantian Constructivism, p. 516.

¹¹⁷Подобную оценку дает ролзовскому «исходному состоянию» К. Бинмор; так как Ролз использовал кантианскую модель, представляется корректным перенести эту характеристику и на теорию самого Канта. См.: Binmore, K. The Origins of Fair Play // <http://else.econ.ucl.ac.uk/papers/uploaded/267.pdf> P. 3

следования законам; монополия на насилие является отличительным свойством государства как института. Необходимость применения насилия, однако, идет в разрез с постулированием моральной автономии и потому требует легитимации своего справедливого статуса.

Как и в своей этической теории, Кант выводит в качестве субъекта политики автономного и разумного индивида, которому предлагает рассмотреть различные варианты законодательства с максимально общей перспективы, т.е. представить их в качестве имеющих универсальную природу. Только те политические установления, по отношению к которым индивид готов выступать объектом¹¹⁸, пассивной стороной, являются легитимными и справедливыми. С другой стороны, категорический императив в большей степени ограничивает степень человеческой свободы (не в кантианском понимании, а в «негативной» трактовке понятия), так как требует принятия некоторой априорной точки зрения для оценки моральности тех или иных поступков. Но принятие такой точки зрения – в первую очередь, согласие с определением человека как цели, а не средства, то есть признание необходимости ограничения эгоистичных стремлений по отношению к другому, – само по себе является моральным поступком, и обоснование его необходимости через ссылки на автономию воли и приоритет моральной составляющей человеческого разума может представляться спорным допущением для не-кантианца.

Отсюда видно, что категорический императив основывается в том числе и на посылке, которая по сути своей противоположна базовому допущению классических теорий общественного договора, концепции эгоистичного рационального индивида, подталкиваемого к принятию моральных норм собственными интересами. Категорический императив требует, чтобы индивид рассматривал свое поведение в универсальной перспективе (применяя его к самому себе как объекту) и воздерживался бы от тех поступков, которые, как он

¹¹⁸Ср. формулировку Канта: «каждая воля, даже собственная воля каждого лица, направленная на него самого, ограничена условием согласия ее с автономией разумного существа, а именно не подчиняться никакой цели, которая была бы невозможна по закону, какой мог бы возникнуть из воли самого подвергающегося действию субъекта». Кант, И. Критика практического разума. Сочинение в 6 т. М., «Мысль», 1965. (Философ. наследие). Т. 4. Ч. I. С. 414.

предполагает, могут, будучи содеяны другими, причинить ему вред. Такой образ мысли вычеркивает из списка допустимых значительное число деяний, которые вполне приемлемы для «аморального» индивида, являющегося типичным обитателем контрактарианского мира.

Кант не предъявляет столь нормативно нагруженных требований к гражданину политического сообщества. Напротив, он указывает на то, что последний *по праву* остается первым и для самого себя единственным судьей правительства; именно его согласие дает силу законам и предшествует им. В принципе, такое же право есть у человека Гоббса, Локка и Руссо, хотя бы в естественном состоянии; но для этих философов оно не является правом в строгом смысле слова. Скорее, оно рассматривается как возможность, которая ничем не ограничена, кроме соотношения сил самого субъекта и его окружения. Кант же наделяет своего индивида именно правом, которое становится мерилom любой частной нормативной системы. Принятие договорной модели для сортировки допустимых форм политического устройства в кантовской теории не является политическим актом в том смысле, как принятие категорического императива для сортировки морально допустимых действий является моральным действием. Напротив, оно *a priori* является основанием политического процесса. Такая версия гипотетического общественного договора является своего рода внеполитическим «судилищем», рассмотрением политических процессов с более высокого уровня абстракции.

Еще одним отличием политического договора от категорического императива является то, в качестве мотивов для заключения соглашения могут использоваться не только соображения нравственности (т.е. абсолютные требования практического разума), но и более приземленные основания, связанные с техническими аспектами политической деятельности. Моральная составляющая и здесь остаётся на первом месте, однако гипотетический договор все же оставляет больше пространства для проявлений индивидуальности. По крайней мере, Кант не прописывает между этими видами мотивов строгого различия, как он это делает для категорического императива. На этом уровне

отличия кантианской версии контрактарианизма от предшествовавших ей представляются не столь радикальными. Однако между обеими представленными интерпретациями теории общественного договора у Канта имеются серьезные противоречия.

Для самого Канта политическим идеалом является республиканское правление. Соответственно, можно предположить, что такой вариант политического устройства должен быть одобрен в результате гипотетического соглашения. Однако Кант не разбирает подробно, как мог бы быть сделан такой выбор. Кроме того, он, подобно Гоббсу, отчетливо акцентирует внимание на абсолютной власти суверена над отдельными гражданами: суверенное политическое тело имеет по отношению к последним, говорит он, только «права, но не обязанности»¹¹⁹; при этом насильственные выступления против существующего строя не допускаются¹²⁰. Любое изменение конституции возможно только со стороны правителя/правителей (в случае несоответствия конституции идеальному образу, ее можно изменять, но, опять-таки, только сверху и только ненасильственными методами). С другой стороны, Кант, в отличие от Гоббса, ставит во главу угла власть не исполнительную, а законодательную.

Кант ничего не говорит о том, как выбирается предписываемое им политическое устройство; иначе говоря, как соотносится защищаемый им политический идеал с его представлениями о человеке как о моральном субъекте. Он никак не использует заложенный в его идеях конструктивистский потенциал расчета идеального государства, соответствующего его концепции человеческой природы. Учитывая, что для Канта идеальное государство (как и любая другая моральная идея), скорее всего, является вневременной структурой в духе Платона¹²¹, отказ от расчетов концепции справедливости «здесь и сейчас» вполне

¹¹⁹Кант. Метафизика нравов. С. 241

¹²⁰См., например: О поговорке, с. 91-92.

¹²¹См., например, его рассуждения в «Метафизике нравов» (с. 233): «...форма государства есть форма государства вообще, т. е. государства в идее, такое, каким оно должно быть в соответствии с чистыми принципами права, причем идея эта служит путеводной нитью... для любого действительного объединения в общность». Схожую позицию по поводу видения Кантом природы политического идеала высказывает П. Райли: P Riley. On Kant as the Most Adequate of the Social Contract Theorists // Political Theory. Vol. 1, No. 4, Nov., 1973. P. 450-471

ожидаем. Однако у критика может возникнуть вопрос: в чем же тогда заключается смысл введения идеальной ситуации договора, которая подразумевает некоторую релятивизацию политических норм?

Возможно, Кант просто пытается примирить две важные интенции своей политической философии – претензии на универсализм в установлении законов социального бытия и придание моральной ценности индивиду как свободному существу. Здесь стоит сделать небольшое отступление и рассмотреть, как соотносятся в мысли Канта универсалистские и индивидуалистские/партикуляристские воззрения. Х. Арендт отмечает, что можно выделить три основных аспекта понимания человеческой природы в кантовской философии. Во-первых, «человечество» как элемент природы и субъект истории (которая у Канта носит телеологичный характер). Во-вторых, «индивид» (man) как автономное и разумное существо, способное постигать моральные и (до определенных границ) естественные законы. Наконец, «люди» (men) как социальные создания, с необходимостью стремящиеся к кооперации¹²². Индивид находится в центре кантовской философии морали; человеческая раса составляет основной объект его философии истории. Политическая теория Канта интегрирует оба эти элемента. Предполагаемая Кантом принципиальная возможность представления политического устройства как результата выбора свободных и разумных индивидов и как воплощения универсальной идеи гражданского общества выполняет функцию связующего звена между историей и нравственностью. Индивиды, следующие требованиям категорического императива, способствуют разворачиванию телеологически понятого исторического процесса¹²³. Действительно свободные (то есть живущие в соответствии с моральным законом) люди не могут выбрать что-то иное, нежели самый совершенный из возможных вариантов упорядочения их совместного бытия¹²⁴. Такая аргументация может показаться тавтологичной, но все же

¹²² Arendt, H. Lectures on Kant's Political Philosophy. The University of Chicago Press, 1992. P. 27.

¹²³ Op. cit., p. 58

¹²⁴ См. также рассуждения Г. Уильямса по этому вопросу: Williams, Howard. Kant's Political Philosophy. Blackwell, 1983. P. 182-187.

теоретические достижения Канта, равно как и влияние его идей на многочисленные практические проекты политических институтов, трудно оспорить.

В рамках настоящего исследования, однако, основной интерес представляет идея Канта о том, что общественный договор может быть представлен в абстрактной форме безо всяких отсылок к эмпирической реальности, и тем не менее вполне корректно использоваться в политико-философской аргументации. Эта интуиция немецкого философа оказалась весьма продуктивной, правда, в полной мере ее потенциал оценили лишь два столетия спустя. “Перекличка” классических и современных договорных теорий, однако, будет отдельно рассмотрена далее¹²⁵, в контексте философии того времени, которое для классиков контрактарианизма было отдаленным будущим; в ближайшем же будущем договорную традицию ждал период серьезного упадка.

Как было показано в первом разделе данной главы, развитие такого направления политической философии, как теория общественного договора, было тесно связано с формированием представлений, которые можно обозначить как индивидуализм и инструментализм (т.е. особый тип концепции целерациональности). Эти концепции были актуализированы в философии начала XVIIIв.; следом за их распространением в интеллектуальном пространстве того времени началось и становление контрактарианизма. После Великой французской революции (которая сама во многом стала результатом реализации нормативных идеалов рационалистического взгляда на мир, нашедшего своё выражение в политической философии Просвещения) началась интеллектуальная реакция, приведшая как к расцвету антирационалистских представлений с одной стороны, так и к доминированию общих абстрактных понятий над частными с другой стороны. Эти процессы радикальным образом воздействовали на положении договорной традиции.

Индивидуализм являлся доминирующим трендом в политической мысли эпохи, предшествовавшей Французской революции; концепция индивидуальных

¹²⁵См. § 3.1. настоящей работы

прав, неотъемлемо связанная с договорной традицией, была одним из краеугольных камней новой политической теории и практики той времени. Современная теория демократии и современная либеральная идеология, сформировавшиеся в конце XVIII в., многим обязаны классикам договорной теории: так, в политической философии Локка видят не только основание всего современного либерализма, но и источник вдохновения для создателей американского государства, традиционно рассматривающегося в качестве эталона демократического политического устройства¹²⁶. Но после великой эры демократических революций индивидуальное растворяется во универсальном, в политической философии на первый план выходят такие общие категории, как «класс», «нация», «человечество».

Наивно полагать, что на протяжении XVII-XVIII вв. теории, основанные на подобных категориях (можно обозначить их термином «холистические» – в противовес основывающимся на принципах методологического индивидуализма теориям), не оказывали значительного влияния на эволюцию политической мысли. Как указывает З. Рау, договорная традиция во многом развивалась именно в противоборстве с различными холистическими доктринами. Так, полемика с Р. Филмером, стоящим на позициях холизма, является ключевой для понимания контрактарианской концепции Локка¹²⁷. Тем не менее, аргументация авторов, придерживавшихся холистических воззрений, значительно уступала по силе, изысканности и убедительности «индивидуалистическим» теориям и в целом скорее создавала фон политико-философских дискуссий, нежели задавала их тон. Каким образом стал возможен триумф холизма в XIX столетии?

Представляется, что в этом особую роль сыграла философия Гегеля с ее установкой на синтез и универсализм, преодоление различий и подчинение конкретного абстрактному и частного всеобщему. Хотя Гегель допускает наличие

¹²⁶Огромное влияние, которое наследие Локка оказало на политические воззрения отцов-основателей США и, соответственно, на формирование американской политической системы, подчеркивают С. Нортроп, Л. Харц, Б. Бейлин и многие другие специалисты по американской истории: Бейлин, Б. Идеологические истоки американской революции. М.: Новое издательство, 2010. 308 с. Hartz, L. The Liberal Tradition in America: An Interpretation of American Political Thought since the Revolution. Harcourt, Brace, 1955. 329 p.

¹²⁷Rau, Z. Contractarianism versus holism: reinterpreting Locke's Two treatises of government. Lanham, Maryland: University Press of America, 1995. P. 1-4

свободы воли у индивида и даже рассматривает волю как одно из оснований морального порядка¹²⁸, он не использует концепцию автономного субъекта в сфере политического, «сфере совсем иной и более высокой по своей природе». Он недвусмысленно утверждает, что «...не состоит в договорном отношении природа государства, независимо от того рассматривается ли государство как договор всех со всеми или их как их договор с государем или правительством».¹²⁹ Жизнь в государстве является «разумным назначением человека», а «если еще нет государства, то есть требование разума, чтобы оно было основано»¹³⁰. Для Гегеля государство является необходимым и неизбежным результатом развертывания мирового духа, и потому оно не может основываться на таком шатком фундаменте, как произвол частных лиц. Немецкий философ осознает необходимость примирения концепции государства как совершенной и необходимой формы политической организации и концепции индивида как субъекта, способного к совершению морального выбора и к рациональному поведению в частной жизни. Однако для этой цели он обращается не к идее договора, равно как и не к органицистским метафорам представителей консервативной мысли, а к понятию сообщества. Гегель полагает, что жизнь в рамках конкретной политики способствует развитию специфического типа идентичности, задающего специфические установки индивидов по отношению к сообществу. Эти установки можно описать с помощью метафоры влюбленности, а не договора: влюбленный прощает объекту своего чувства многие недостатки, которые с формальной точки зрения являются причиной для разрыва контракта между двумя рациональными партнёрами. Подобным образом граждане обычно не ставят под сомнение легитимность даже несовершенного политического устройства, в сфере юрисдикции которого они находятся¹³¹. Ключевым институтом, который позволяет осуществить проект «примирения» индивида и

¹²⁸ Riley, P. How Coherent is the Social Contract Tradition? // *Journal of the History of Ideas*. 1973. Vol. 34. N 4. P. 557-558. Riley, P. Hegel on Consent and Social-Contract Theory: Does He "Cancel and Preserve" the Will? // *The Western Political Quarterly*. 1973. Vol. 26. N 1. P. 130-161.

¹²⁹ *Философия права*, С. 129.

¹³⁰ Там же, с. 130.

¹³¹ Haddock, B. Hegel's Critique of the Theory of Social Contract // *The Social Contract from Hobbes to Rawls* / D. Boucher and P. Kelly (eds.). Routledge, 1994., p. 154-155.

государства, Гегель считает гражданское общество. А. Веллмер отмечает, что для Гегеля сама идея сообщества равных индивидов, в качестве собственников взаимодействующих на рынке в рамках единого законодательного пространства, не только предполагает, что эти индивиды признают друг друга свободными и равными, но и с необходимостью означает существование политических и юридических институтов, функционирование которых нельзя объяснить, исходя только из условий стратегической рациональности. В этих институтах находит свое место рациональная свобода в коммунитаристском смысле слова: свобода, связанная с заинтересованностью в общем благе, гражданских добродетелях, общественной деятельности, публичных дебатах и политическом контроле над экономикой. Гражданское общество предстает как измерение нравственной жизни современного государства, благодаря которому «право особенного лица, “отрицательная” свобода индивида получает свое институциональное воплощение»¹³².

К. Маркс, наиболее значительный политический мыслитель XIX в. и один из наиболее оригинальных интерпретаторов Гегеля, также критически относится к договорной традиции. Хотя он не уделяет в своих работах значительного внимания непосредственному разбору трудов классиков договорной традиции, Маркс тем не менее активно критикует либеральную экономическую теорию (сформулированную в трудах Смита и Рикардо) и современные ему конституционные монархии, устроенные во многом согласно принципам, сформулированным ведущими теоретиками контрактарианизма. Л. Уайльд формулирует основные противоречия между марксовой политической теорией и договорной традицией следующим образом¹³³.

Во-первых, Маркс не разделяет индивидуалистические посылки договорного подхода. Он полагает, что методологический индивидуализм

¹³²Через полтора столетия идея Гегеля о роли сообщества в формировании гражданской идентичности будет положена философами-коммунитаристами в основание критики нового поколения договорных концепций. Связь философии Гегеля и коммунитаристской теории анализируется в следующих работах: Haddock, B. *Op. cit.*, p. 156-162. Schwarzenbach, S. A. Rawls, Hegel, and communitarianism // *Political Theory*. 1991. Vol. 19. N 4. P. 539-571.

¹³³Представленный анализ соотношения творчества Маркса и договорной традиции основывается на работе Wilde, L. *Marx against the social contract* // *The Social Contract from Hobbes to Rawls* / D. Boucher and P. Kelly (eds.). Routledge, 1994. P. 166

способствует универсализации и приданию внеисторического характера конкретной концепции человеческой природы, порожденной капиталистическим обществом и используемой для того, чтобы легитимизировать этот тип социального устройства. Представление об атомистическом индивиде, который вступает в общество как полноправная сторона соглашения, является для него идеологической фикцией. Во введении к «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (Rohentwurf)» Маркс прямо утверждает, что «Пророкам XVIII века... этот индивидуум ... — продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой — развития новых производительных сил, начавшегося с XVI века, — представляется идеалом, существование которого относится к прошлому; он представляется им не результатом истории, а её исходным пунктом, потому что, согласно их воззрению на человеческую природу, соответствующий природе индивидуум представляется им не исторически возникшим, а данным самой природой. Это заблуждение было до сих пор свойственно каждой новой эпохе»¹³⁴

Во-вторых, Маркс полагает, что в обществе, основанном на принципах формальной либеральной свободы, подавляющее большинство людей обладает лишь ограниченной фактической свободой. Люди, не имеющие никаких рыночных ресурсов за исключением собственного труда, оказываются в таком обществе в состоянии почти тотального отчуждения. У них нет никаких стимулов к заключению и соблюдению договора, так как им нечего терять «кроме своих цепей». Таким образом, даже несмотря на то, что главная интенция нормативной программы Маркса заключается в «подлинном» освобождении человечества, классическое либеральное понимание свободы (равно как и природы государства и его взаимоотношений с гражданами) для него оказывается неприемлемым.

В-третьих, Маркс полагает, что любая нормативная теория должна быть укоренена в эмпирической реальности, а не выводиться из мысленных экспериментов. Философ, заявивший, что «философия и изучение

¹³⁴Маркс, К. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов) / Маркс, К. и Энгельс, Ф. Сочинения (2-е издание). Т. 12 (Апрель 1856 — январь 1859). М.: Издательство политической литературы, 1958. С. 709–710

действительного мира относятся друг к другу, как онанизм и половая любовь»¹³⁵, вряд ли принимал в качестве убедительных аргументы, основанные на таких абстрактных сущностях, как концепция естественного состояния – которая является краеугольным камнем в фундаменте классических договорных теорий.

Кропотливый анализ окружающей социальной действительности приводит Маркса к убеждению о том, что основными субъектами политики являются большие социальные группы – классы, а не отдельные индивиды. Ключевой политический институт – государство – рассматривается в марксовской теории не как инструмент обеспечения безопасности, а как инструмент подавления и отчуждения в руках господствующего класса. Сам вопрос о необходимости легитимизации политического порядка, – вопрос, ключевой для контрактарианства, – для Маркса не имеет смысла: государство должно в конце концов отмереть.

Аргументация Маркса в той или иной форме (и с определенными модификациями) воспроизводилась большинством левых философов XIX-XX в. Тесная связь теории общественного договора с либеральной идеологией, однако, явилась поводом для критики не только со стороны социалистов, но и вызвала ожесточенные нападки представителей консервативных течений в политической философии: Бёрка, де Местра, Бональда и других авторов, во многом разделявших холистические воззрения и рассматривавших государство и общественный порядок в качестве сущностей, намного превосходящих по своему значению отдельных граждан и тем более несводимых к сумме индивидуальных волей. Другое направление холистической критики договорной традиции было представлено идеологами зарождавшихся национальных движений, которые воспринимали индивидуальные «я» лишь в качестве эманации «духа нации» и упирали на приоритет коллективных прав и целей народа над интересами отдельных его представителей. Холистическая интенция имплицитно представлена даже в работах Дж. Бентама и Дж. С. Милля, которые

¹³⁵Маркс, К. Немецкая идеология / Маркс, К. и Энгельс, Ф. Сочинения (2-е издание). Т. 3 (1845 — апрель 1847). М.: Издательство политической литературы, 1955. С. 225

сформулировали принцип максимизации совокупной полезности, лежащий в основании утилитаризма – одного из главных современных конкурентов контрактарианизма. Согласно данному принципу, основным критерием оценки политического действия является эффект, который оно оказывает на средний уровень общественного благосостояния. Одним из прямых следствий установки на максимизацию совокупной полезности в данном случае является признание того, что в случае столкновения интересов общего блага и прав отдельных граждан, последние оказываются в заведомо проигрышном положении¹³⁶.

Конечно, в общественной мысли XIX века встречаются отдельные яркие представители индивидуализма – в анархической традиции (Штирнер и Прудон) или же в романтизме (Карлейль). В какой-то мере индивидуализм присутствует и в юридической мысли; сохраняется у представителей английской либеральной мысли (Спенсер). Однако работы указанных авторов находились фактически за кулисами великого театра политической теории позапрошлого столетия, где главным актером все-таки был Маркс, а главным спектаклем – революция во славу универсальных и универсализирующих ценностей. Интеллектуальным большинством индивид был принесен в жертву человечеству; другая, менее многочисленная, но достаточно влиятельная группа философов и писателей в качестве идола выбрала нацию.

Утратила популярность и та форма рационализма, которая позволяла представить политические институты в качестве инструмента достижения внеполитических индивидуальных целей. Конечно, с одной стороны, Дж. Бентам, а с другой стороны А. Смит и его последователи начинают формальную разработку того, что позже станет известно как теория рационального выбора. Но на тот момент это не становится доминирующей концепцией человека в политической философии. Рационализм в целом преломляется в сторону прогрессистских и утопических проектов переустройства общественного устройства по неким научным законам (Конт, Сен-Симон, Фурье, Маркс – список

¹³⁶ Интересно, что это парадоксальным образом обосновывается в гедонистических (т.е. изначально индивидуалистических) терминах соотношения боли и наслаждения.

можно продолжать)¹³⁷ – знакомая картина, против которой протестовал еще Руссо. Такой взгляд, как ни странно, продолжал оставаться популярным, можно даже сказать, добавил в популярности и после революции, несмотря на мощную критику с романтических и иных анти-прогрессистских позиций.

Индивидуализм и рационализм того толка, который ассоциируется с договорной традицией, продолжали существовать в определенных формах на протяжении всего XIX в., но 1) они не были доминирующими трендами общественно-политической мысли, и 2) более не предпринимались попытки нового синтеза этих концепций. В теории господствующие позиции занял классовый подход; классовая борьба и стремление рабочих к улучшению своих позиций стали основными доминантами актуальной политической борьбы того времени. Также большое значение стало придаваться вопросам национальной идентичности; именно в то время “изобретаются” современные европейские нации. С другой стороны, концептуальные возможности общественных наук, только зарождавшихся, не могли предоставить эффективных средств для совершенствования договорной парадигмы; можно сказать, что она к тому времени попросту достигла пределов своего развития. Такие средства появились только в середине XX в., уже после крушения политических идеалов предшествующего столетия, после того, как стал понятен огромный деструктивный потенциал рационалистического универсализма, этатизма, и других антииндивидуалистских воззрений. Тогда же принципиально нового уровня достигла социальная теория: в частности, следует выделить становление теории игр, как первой формальной модели описания рационального индивидуального поведения. Появление новых методологических инструментов наряду с фиксируемым большинством авторов сильнейшим кризисом в политической философии создали благоприятные условия для возрождения интереса к договорной традиции.

¹³⁷Насколько были популярными тогда подобные взгляды, хорошо иллюстрирует тот факт, что в своей работе «Politics and Vision» Ш. Уолин использовал для обозначения соответствующего периода термин «Эпоха организации» (Age of Organisation): Wolin S. S. Politics and Vision. Continuity and Innovation in Western Political Thought. Expanded edition. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2009. P. 315-392

ГЛАВА II. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА

2.1. Кризис политической философии, новые достижения методологии социальных наук и возрождение договорной традиции в 1950-1960х гг.

По распространенному мнению, в середине XX в. политическая философия переживала серьезный кризис¹³⁸. Даже авторы, которые вопреки этому популярному взгляду утверждают, что политическая философия активно развивалась в первой половине минувшего столетия, отмечают, что данная дисциплина представляла собой скорее совокупность отдельных, самодостаточных и практически никак не связанных между собой школ, возглавляемых своего рода «гуру» от политической теории. Несмотря на то, что эти влиятельные «гуру» (Х. Арндт, И. Берлин, М. Оукшотт, Л. Штраус, Л. Фон Мизес, Ф. фон Хайек и другие авторы) были хорошо осведомлены о творчестве друг друга, в своих работах они, как правило, развивали собственные теории, а не полемизировали с представителями альтернативных традиций политико-философской мысли¹³⁹. Соответственно, даже появление ряда классических трудов на протяжении 50-60-х годов не может рассматриваться как признак того, что политическая теория на тот момент представляла полноценную и единую область научного (или философского) знания; напротив, здесь, вероятно, будет уместна аналогия с феодальной Европой, раздробленной на удельные «философские» княжества. Более того, в результате позитивистской критики появилась даже точка зрения о том, что моральные высказывания являются бессмысленными.

Эти причины продемонстрировали необходимость поиска новых путей для решения политико-философских проблем. В этот же период, пока политическая философия эволюционировала в рамках отдельных школ, значительных успехов

¹³⁸Easton D. The Decline of Modern Political Theory // The Journal of Politics. 1951. Vol. 13. N 1. P. 36-58. Cobban A. The decline of Political Theory // Political Science Quarterly. 1953. Vol. 68. N 3. P. 321-337. Gunnell J.G. The Descent of Political Theory. The Genealogy of an American Vocation. Chicago and London, 1993.

¹³⁹Парех Б. Политическая теория: политико-философские традиции // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 478-494. Ср. также Павлов А. В. Гражданская война политической теории // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2010. № 4. С. 43

достигла методология социальных наук. Запрос на разработку формализованных и точных методов анализа человеческого поведения, во многом вызванный потребностями военного времени¹⁴⁰, способствовал развитию таких [взаимосвязанных] дисциплин, как теория рационального выбора, теория общественного выбора и теория игр. Основные допущения новых подходов к анализу человеческого поведения: рационализм и методологический индивидуализм – тесно перекликались с базовыми посылками классических договорных теорий¹⁴¹, что открыло возможности для построения сложных теоретических конструкций, обогатило философов новыми данными и позволило улучшить структуру аргументации¹⁴².

При этом теория рационального выбора сама по себе стала лишь инструментом, позволившим возродить договорную традицию, причем отнюдь не единственным. Указывая на интеллектуальные корни современного контрактарианизма, нельзя обойти стороной традицию аналитической философии, бросившей вызов классическим способам размышления о политических материях. Как полагают многие представители этого направления, в политической философии всегда существовала проблема определенной произвольности, причем не только в выборе исходных посылок, но и вывода следствий¹⁴³. Применение формальной логики (в виде теории игр, теории

¹⁴⁰Которые, впрочем, сохранили свою актуальность и после окончания Второй мировой – противостояние капиталистической и коммунистической системы в никем не предвиденных и не изученных условиях ядерной эпохи уже не позволяло генералам по старой традиции готовиться к прошедшей войне, а заставляло тратить все больше средств и сил на разработку новых стратегических и тактических принципов. Это же относилось и к сфере идеологии: как утверждает С. Амаде, развитие современного либерализма было в том числе вызвано потребностью найти достойный ответ коммунистической идеологии, весьма привлекательной для низших слоёв капиталистических обществ, противостоявших Советскому Союзу. Amadae S. M. *Rationalizing capitalist democracy: The cold war origins of rational choice liberalism*. University of Chicago Press, 2003.

¹⁴¹Фактически, большую часть современных концепций общественного договора (вероятно, за исключением предложенной Хабермасом) можно представить как специальную версию теории рационального выбора, применяемую к анализу вопроса о справедливости политических институтов. Ср., например, высказывание Ролза: «Теория справедливости есть часть, вероятно, наиболее значимая, теории рационального выбора» (Ролз, Дж. Теория справедливости. С. 30).

¹⁴²Подробное изложение соотношений между проблемными сферами и методологией современной экономики и теории морали дается в работах Hausman D. M., McPherson M. S. *Taking ethics seriously: economics and contemporary moral philosophy* // *Journal of Economic Literature*. 1993. Vol. 31. N 2. P. 671-731. Hausman D. M., McPherson M. S. *Economic analysis, moral philosophy and public policy*. Cambridge University Press, 2006.

¹⁴³См., например, критику Гегеля Карнапом (Карнап, Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // <http://www.philosophy.ru/library/carnap/01.html>) и Поппером в соответствующих главах «Открытого общества», а также работу Д. Харсани: Harsanyi J. C. *The logical structure of philosophical errors* // *Economics and Philosophy*. 2007.

социального выбора, или же в каких-либо других формах) позволяет избежать или хотя бы минимизировать негативные последствия подобной произвольности и существенно облегчает реализацию интенции Макса Вебера, утверждавшего, что социология не может претендовать на большее, чем просто показать людям все логические следствия, вытекающие из их жизненных целей и тех средств, которые они собираются применить для их достижения¹⁴⁴.

Так или иначе, общественный договор вновь становится популярной идеей. Уже в 50-е гг. XX в. были сформулированы основные концепции и методологические подходы, которые затем легли в основание наиболее известных современных договорных концепций. В 1950 г. была опубликована статья К. Эрроу, в которой впервые было предложено использовать методы современного экономического анализа для изучения процессов голосования. В 1951 г. увидела свет диссертация Эрроу, в которой эти идеи были раскрыты более подробно, и с их помощью была доказана невозможность существования универсальной функции общественного благосостояния (этот результат вошел в историю социальных наук как «Общая теорема о возможности» или просто «теорема невозможности Эрроу»). В 1953-1955 гг. выходят статьи Д. Харсаньи, в которых вводятся понятия завесы неведения и исходного состояния (т.е. формализованной версии классической концепции естественного состояния)¹⁴⁵, ключевые для всех последующих дискуссий в области договорной теории. В 1954 г. Р. Брэйтуэйт выступает с публичной лекцией «Теория игр как инструмент для морального философа», в которой указывает, что значительный круг проблем, связанных с вопросами [распределительной] справедливости, может быть переформулирован в терминах теории некооперативных игр (только

Vol. 23.N 3.P. 349-357). В контексте общественного договора можно привести противоречия в концепциях Локка и Канта (см. выше, § 1.2. и 1.4).

¹⁴⁴Вебер, М.. Смысл “свободы от оценки” в социологической и экономической науке // Избранные произведения. М., «Прогресс», 1990.С. 557, 566

¹⁴⁵Harsanyi, J. C. Cardinal utility in welfare economics and in the theory of risk-taking // The Journal of Political Economy. 1953. Vol. 61. N 5. P. 434. Harsanyi, J. C. Cardinal Welfare, Individualistic Ethics, and Interpersonal Comparisons of Utility // TheJournal of Political Economy. 1955. Vol. 63.N 4.P. 309-321. Если быть точным, то Харсаньи вводит соответствующие идеи, но не сами названия, которые появляются уже позднее (у Ролза).

представленной к тому времени Дж. Нэшем)¹⁴⁶. В 1957-1958 гг. Дж. Ролз публикует наброски договорной концепции, которые впоследствии лягут в основу его его знаменитой работы «Теория справедливости» – наиболее влиятельной книги в контрактарианской традиции¹⁴⁷. Наконец, в 1965 г. Б. Бэрри публикует «Политическую аргументацию» – первую систематическую попытку применить экономическую методологию к нормативному анализу политики.¹⁴⁸

Однако потенциал методологических и содержательных заимствований из экономики и других социальных дисциплин был вовсе не очевиден моральным философам того времени. Еще в 1957 г. Дж. Куф (Cough) утверждал, что «история договорной теории закончилась на Канте»¹⁴⁹. Он был отчасти прав: на тот момент Кант действительно являлся последним значительным представителем договорной традиции. На протяжении более чем полутора столетий, последовавших за смертью немецкого мыслителя, ни одной фундаментальной работы, которую можно было бы отнести к этому направлению, так и не появилось¹⁵⁰. Период застоя в теории общественного договора завершился с выходом в свет книги «Расчёт согласия»¹⁵¹ американских экономистов Дж. Бьюканана и Г. Таллока. Эта работа стала первым после долгого перерыва трактатом по политической теории, в которой была предложена полноценная контрактарианская концепция. Модель, предлагаемая в ней, является достаточно простой¹⁵². Авторы акцентируют свое внимание на том, как может быть организовано политическое сообщество, основывающееся на договоре. Они

¹⁴⁶Braithwaite R. V. *Theory of Games as a Tool for the Moral Philosopher*. Cambridge University Press Archive, 1955.80 p. Ср. оценку его работы в Verbeek, B. and Morris, C. *Game Theory and Ethics* // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / E. N. Zalta (ed.). Summer 2010 Edition. Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/sum2010/entries/game-ethics/>.

¹⁴⁷Rawls J. *Justice as Fairness* // *Journal of Philosophy* 1957. Vol. 54 (October). P. 653-662. Rawls J. *Justice as fairness* // *The Philosophical Review*. 1958. Vol. 67. N 2. P. 164-194.

¹⁴⁸Barry, B. *Political Argument*. Humanities Press, 1965. 364 p.

¹⁴⁹Cough, J. W. *The social contract: a critical study of its development*. Oxford: Clarendon Press, 1957. P. 183. Цит. по Paz-Fuchs, A. *The Social Contract Revisited: The Modern Welfare State* // *Overview and Critical Report*. The Foundation for Law, Justice and Society, 2011. Режим доступа: <http://www.fljs.org/sites/www.fljs.org/files/publications/Paz-Fuchs-SummaryReport.pdf>

¹⁵⁰Хотя отдельные авторы указывают на то, что контрактарианские элементы присутствуют в политических теориях многих мыслителей XIX столетия – от Гегеля до Милля.

¹⁵¹Buchanan, J., Tullock, G. *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Ann Arbor, 1962 (Рус. пер: Бьюкенен Дж., Таллок Г. *Расчет согласия: логические основания конституционной демократии* // Бьюкенен Дж. *Сочинения* / Серия: "Нобелевские лауреаты по экономике". Т.1./ Фонд экономической инициативы. М.: Таурус Альфа. 1997. Т.1. 556 с.)

¹⁵²По поводу дальнейшего изложения см.: Бьюкенен Дж., Таллок Г. *Расчет согласия*. Гл. 6-9.

описывают некоторое догосударственное состояние, в котором рациональные индивиды пытаются определить правила, регулирующие социальные взаимодействия, или, иными словами, создать политическую ассоциацию. Предполагается, что любая подобная ассоциация должна конструироваться по следующей схеме: сначала выбирается система конституционных правил, определяющих его институциональную структуру. Важнейшим на этом этапе является определение принципа принятия повседневных решений; затем помощью предварительно сформированных конституционных механизмов упорядочиваются менее существенные элементы политического порядка.

По мнению Бьюканана и Таллока, при осуществлении конституционного выбора с необходимостью должен применяться принцип единогласия. Действительно, не вызывает особых сомнений утверждение о том, что все индивиды, вступающие в сообщество, должны одобрить его структуру. Однако для принятия решений относительно насущных проблем более адекватным представляется уже правило абсолютного большинства. Бьюканан и Таллок обосновывают данный тезис с помощью концепции рационального индивиду-избирателя, который стремится к минимизации своих издержек, возникающих в процессе сосуществования с другими людьми. Подобный индивид не может изначально знать, будет ли он всегда попадать в решающее множество по той или иной интересующей его проблеме, и правило абсолютного большинства представляет ему максимально возможную [среднюю] вероятность благоприятного исхода по сравнению с любым другим.

Другим достоинством данного принципа голосования является то, что он позволяет оптимизировать транзакционные (то есть направленные на достижение коллективного соглашения) издержки сообщества. Ученые демонстрируют это с помощью элементарной пространственной модели: транзакционные издержки всегда возрастают вместе с требуемым для принятия количеством голосов решений. Принцип единогласия требует максимальных затрат, в то время как индивидуальное решение имеет нулевой уровень издержек. Но, с другой стороны, действия одного индивида, в случае, если они противоречат интересам всех

других членов общества, могут встретиться с сопротивлением остальных; если же решение принято единогласно, то внешние издержки действия отсутствуют. Если изобразить все это в обычной двухмерной системе координат (по одной оси откладываются издержки, по другой – количество голосов, требуемое для принятия решения, и строятся два графика, показывающие зависимость обоих типов издержек от числа избирателей; график для внешних издержек будет иметь отрицательный наклон, для транзакционных – положительный), получается, что правило абсолютного большинства дает минимальный совокупный уровень издержек по сравнению со всеми остальными¹⁵³.

Бьюканан и Таллок используют идею, схожую с той, которая лежит в основании кантианской концепции договора¹⁵⁴. Они имплицитно подразумевают, что легитимные политические институты могут возникнуть только в результате осознанного выбора свободных и рациональных индивидов. Они также признают, что такая ситуация является чисто гипотетической. Тем не менее, они идут дальше, чем Кант – если немецкий философ произвольным образом утверждает, что идеальным политическим устройством является республика, то Бьюканан и Таллок претендуют на то, чтобы дедуцировать результаты подобного абстрактного выбора, базируясь на определенных посылах о человеческой природе. Это, пожалуй, является первым примером использования такого подхода в истории политической мысли. Ни один из более ранних сторонников договорной традиции не предоставил строгого обоснования предлагаемых им политических проектов (хотя все они смогли относительно убедительно показать, что политическое состояние является более предпочтительной альтернативой по сравнению с естественным). У всех них реконструкция политического процесса после заключения первоначального договора грешит многочисленными логическими недостатками. Пытаясь детализировать свои политические теории (т. е. описать структуру конкретных властных институтов в обществах, создаваемых с использованием договора), они скорее основываются на личных

¹⁵³Ibid. P. 107.

¹⁵⁴ Судя по всему, к этой идее они пришли независимо от Канта; по крайней мере, прямых ссылок на него в «Расчёте согласия» нет.

ценностных предпочтениях, чем выводят их непосредственно из представленных ими концепций человеческой природы.

Бьюканан и Таллок смогли аргументированно показать, что при принятии некоторых (вполне реалистичных) посылок относительно мотивов индивидуального поведения, обосновываемый ими проект является наилучшей альтернативой в абстрактной ситуации договора. В этом смысле, конечно, можно считать их сторонниками определенного политического строя (а именно, демократии) – как и всех предыдущих представителей контрактарианской традиции. Тем не менее, без ущерба для понимания предложенной ими концепции нельзя отвергнуть ее “расчетную” составляющую: ключевым для этих авторов является допущение о том, что результат гипотетического договора можно теоретически предсказать. Отсюда прямо вытекает предположение о том, что можно рассчитывать различные возможные выбранные варианты идеального политического строя для разных концепций человеческой природы. Эта идея Бьюканана и Таллока не нашла в то время широкого отклика среди политических теоретиков¹⁵⁵ (в отличие от идей Ролза, изложенных в «Теории Справедливости» и «Кантианском конструктивизме»), но в этом отношении им следует отдать приоритет, равно как и в вопросе о том, кто является основателем современной договорной традиции. Однако в ретроспективе вклад этих американских экономистов все же оказывается в тени заслуг Дж. Ролза, наиболее влиятельного политического философа XX века.

¹⁵⁵ Возможно, это является результатом того, что Бьюканан и Таллок являются специалистами из другой области социальных наук, и в момент появления их работы междисциплинарные связи еще не были так развиты. С другой стороны, они ограничивают свое рассмотрение довольно узкой трактовкой политики только лишь как сферы принятия коллективных решений, исключая многие классические темы политической философии – в частности, они практически не обсуждают ключевую для политико-философских дискуссий тему справедливости. Подобное сужение предметной сферы исследования ограничивает и его аналитическую применимость. Необходимо отметить, то впоследствии Бьюканан (уже без соавтора) развил обозначенные выше идеи применительно к более широкому классу политико-философских проблем в работе «Пределы свободы: между Левиафаном и анархией».

2.2. «Теория справедливости» Дж. Ролза и ее воздействие на современную политическую философию.

Американскому философу Джону Ролзу принадлежит самый известный политический проект современности. Его работа «Теория справедливости»¹⁵⁶ стала определяющей для развития политико-философской мысли XX столетия; после её появления все значительные авторы в рамках дисциплины были вынуждены в той или иной форме обращаться к проблемам, поставленным в этой книге. Ролз кладет в основание своей концепции именно договорную идею. Его главная цель – выяснить, какие принципы должны лежать в основании «вполне упорядоченного» (well-ordered) общества, то есть общества, отвечающего требованиям справедливости (в равной степени эти нормы и будут принципами справедливости)¹⁵⁷. По Ролзу, основной предмет теории справедливости – это «базисная структура общества... способы, которыми основные социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности и определяют разделение преимуществ социальной кооперации»¹⁵⁸.

Чтобы определить природу подобных правил/способов, Ролз предлагает мысленный эксперимент, основывающийся на обобщенной «до более высокого уровня абстракции» теории общественного договора. Вслед за Кантом¹⁵⁹, он обращается к некой абстрактной ситуации, которую называет “исходное состояние” (original position¹⁶⁰) и исследует вопрос о том, какие принципы могут принять в качестве справедливых рациональные индивиды, находящиеся в таком состоянии. Основными параметрами этого изначального (исходного) положения вещей являются следующие. Во-первых, все индивиды свободны и равны (т.е. независимы друг от друга). Ключевая характеристика индивидов в исходном

¹⁵⁶Rawls, John. Theory of Justice. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press, 1971. Рус. пер.: Ролз, Дж. Теория справедливости. М.: ЛКИ, 2010. 536 с.

¹⁵⁷По поводу точного определения вполне упорядоченного общества см.: Теория справедливости. С. 20.

¹⁵⁸Там же, с. 22.

¹⁵⁹Ролз сам отмечает то влияние, которое на него оказали кантовские взгляды на общественный договор. Там же, примечание 5, с. 58.

¹⁶⁰Как было отмечено выше (с. 67 настоящего исследования), концепцию исходного состояния ввел Дж. Харсаньи (см. его статью: Harsanyi, J. Cardinal Utility in Welfare Economics and in the Theory of Risk-Taking // Journal of Political Economy. 1955. Vol. 61. № 5. P. 434-435. Однако сам Харсаньи не использовал термин «исходное состояние»; его придумал именно Ролз.

состоянии – узко понятый эгоизм (self-interest), то есть установка на максимизацию собственной функции полезности (т. е. стремление к удовлетворению максимального возможного числа собственных потребностей). Интересы других людей для таких индивидов безразличны; они прежде всего заботятся о личном благосостоянии. Это является главным фактором, обуславливающим выбор институтов в исходном состоянии – приоритетной альтернативой для любого индивида будет политическое устройство, которое в наибольшей степени удовлетворяет его интересам¹⁶¹.

Ролз предполагает, что в исходном состоянии возможна свободная дискуссия по поводу того, какие институты являются наиболее справедливыми. Однако количество информации, доступной для принятия решения, какие принципы должны быть положены в основание политической ассоциации, фундаментальным образом ограничено (что является одним из наиболее существенных отличий модели Ролза от всех предыдущих договорных теорий). Для описания структуры ограничений, наложенных на знания о мире, доступные участникам конституционного соглашения, философ вводит специальный термин – «завеса (или вуаль) неведения» (veil of ignorance). Данное понятие необходимо разобрать подробно¹⁶². Идею, которую выражает с его помощью Ролз, можно описать следующим образом. Завеса неведения создает такое положение дел, в котором никто не знает конкретного содержания индивидуальных интересов – как своих собственных, так и окружающих людей. Известно только, что эти интересы существуют. Отсюда следует, что никто не может предсказать, какие жизненные цели будут для него самого приоритетными, равно как и то, какое положение/социальный статус смогут обеспечить ему его личные способности. Таким образом, каждый индивид вынужден рассматривать будущее общество и свое место в нем с максимально общей и абстрактной точки зрения. В своей

¹⁶¹В качестве правила голосования в условиях конституционного выбора Ролз также утверждает единогласие. Ролз, Дж. Ук. соч.. С. 113, 123.

¹⁶²По поводу описания «завесы неведения» самим Ролзом см.: Теория справедливости. С. 127-131. Также см.: Литвиненко, Н. Концепция справедливости Джона Ролза // Логос. 2006. Т. 52. № 1. С. 28. Freeman, Samuel, Original Position // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / E. N. Zalta (ed.). Spring 2009 Edition. Режим доступа: <<http://plato.stanford.edu/archives/spr2009/entries/original-position/>>.

ранней статье, где даже еще не использовался сам термин «завеса неведения» Ролз четко сформулировал ключевую интенцию, лежащую в основании этой идеи: «... ни у кого не будет возможности подгонять принятые принципы под свое особое положение, а затем отказываться от них, когда они уже более не соответствуют его цели. Следовательно, каждое лицо будет предлагать только общие принципы, которые в значительной степени будут наполняться смыслом в ходе их конкретного применения в отдельных случаях, специфические обстоятельства которых пока остаются неизвестными»¹⁶³.

В таких условиях для всех участников исходного соглашения, как полагает Ролз, представляется рациональным при выборе принципов распределительной справедливости действовать в соответствии с так называемым правилом максимина. Правило максимина (минимакса) – это одна из базовых концепций решения в теории игр (разделе математики, изучающем стратегические взаимодействия). Согласно этому методу, оптимальным решением игры (как правило, игры с нулевой суммой, в которой один из участников выигрывает N очков, а другой проигрывает такую же сумму: $-N$) является следующие: победитель выбирает максимальный из минимально возможных в разных стратегиях выигрышей. Только тогда возможно схождение расчетов обоих игроков, и получаемый результат будет оптимальным: убыток проигравшего будет минимальным, а выигрыш победителя – максимальным. Суть данной идеи заключается в том, что победитель при выборе стратегии зависит от расчета своего менее удачливого соперника (следует помнить, что в играх такого типа победитель определен *a priori*; важно лишь рассчитать оптимальное решение при заданных изначально соотношениях прибыли и убытка). Последний же своим решением легитимирует то состояние, в котором его проигрыш будет наименьшим.

Применительно к вопросам конституционного дизайна эта концепция используется следующим образом. Если предположить, что всеобщее равенство невозможно (а для Ролза оно, судя по всему, даже не является значимым

¹⁶³Ролз Дж. Справедливость как честность // Логос. 2006 Т. 52. № 1. С. 41.

ориентиром), то для индивидов, начинающих с нуля и ничего не знающих о своих сравнительных преимуществах и наиболее вероятной социальной траектории, представляется рациональным заранее обезопасить себя на случай неудачи. Ролз предполагает, что вводимые им принципы позволяют каждому получить гарантии минимального уровня благосостояния, позволяющего вести достойную жизнь. Необходимость обеспечивать и поддерживать эти принципы, которые, безусловно, ограничивают возможности самых успешных представителей общества, как раз и является той ценой, которую победители платят за признание проигравшими легитимности установившегося порядка. Согласно принципу максимина, оптимальным выбором для индивидов, находящихся за завесой неведения, является набор принципов, позволяющих осуществить следующие задачи: во-первых, обеспечить всем равные возможности для преследования своих целей, заранее не ограничивая множество этих целей, и, во-вторых, максимизировать положение тех, кто окажется аутсайдером. Ролз полагает, что в наибольшей степени подобным требованиям удовлетворяют следующие два базовых принципа справедливости, на основе которых должно строиться любое хорошо организованное общество:

– «Каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схем свобод для других»;

– «социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех, и б) доступ к положениям (positions) и должностям был бы открыт для всех»¹⁶⁴.

В последовавших за «Теорией справедливости» работах Ролз развил свою договорную концепцию и применил ее к ряду практических вопросов, в частности, для анализа нормативных аспектов международных отношений¹⁶⁵. Со

¹⁶⁴Теория справедливости. С. 66.

¹⁶⁵Rawls J. The Law of Peoples. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999, pp. viii + 199. Относительно попыток распространить подход Ролза, основанный на модели исходного состояния, для разработки принципов справедливости, регулирующих международные отношения, см. также влиятельные работы Ч. Бейтса и Т. Погга. Beitz, C. R. Political theory and international relations. Princeton: Princeton University Press, 1979. Pogge T. W. Realizing Rawls. Cornell University Press, 1989.

временем, под воздействием критики со стороны представителей различных течений политической мысли, Ролз существенно модифицировал многие аспекты своей версии контрактарианизма¹⁶⁶. Тем не менее, базовая идея осталась фактически неизменной¹⁶⁷ – попытаться рассчитать, какие принципы выбрали в качестве наиболее рациональных свободные и разумные индивиды в максимально абстрактной начальной ситуации. Все дальнейшие разработки в области договорной теории так или иначе восприняли эту интенцию (кантовскую в своей основе), ключевую для всего творчества Ролза.

Выход «Теории справедливости» произвел революцию в политической теории того времени. Эта книга была сразу же замечена, и уже в первые годы, последовавшие за её изданием, появилось значительное количество публикаций, в которых с критических позиций разбирались различные положения концепции Ролза. В обширном спектре комментаторской литературы, посвященной теории справедливости, можно выделить несколько крупных направлений. Во-первых, это критика внутренних противоречий, присущих концепции Ролза; во-вторых, критика использованной им модели исходного состояния; в-третьих, фундаментальная критика концепции индивида, лежащего в основании построений американского философа¹⁶⁸.

Первая (исторически) группа критических замечаний в адрес теории Ролза касается в основном формальных аспектов теоретико-игровой модели,

¹⁶⁶Концепции политического либерализма и кантианского конструктивизма, развивающие исходную модель общественного договора Ролза, изложенную в «Теории справедливости», разбираются в § 2.3 настоящего исследования.

¹⁶⁷Представляется, что основные усовершенствования своих концепций, предложенные Ролзом впоследствии, были лишь модификациями идей, изложенных в «Теории справедливости», но не принципиальными ее изменениями. «Политический либерализм» можно рассматривать (в контрактарианском смысле) как расширение первичной абстракции исходного состояния для разрешения более широкого круга практических проблем, связанных с легитимностью и стабильностью политических институтов. Соответственно, понятия «перекрывающего консенсуса» и «публичного разума» допустимо трактовать просто как более широкую и социологически обоснованную картину хорошо обустроенного общества (по поводу такой интерпретации см.: Wenar, L. John Rawls // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / E. N. Zalta (ed.). Spring 2009 Edition. Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2009/entries/rawls/>).

«Право народов», в свою очередь, является всего лишь попыткой распространить идеи Ролза на сферу международного права, не сопряженной с фундаментальным пересмотром основных посылок его интерпретации договорной традиции..

¹⁶⁸Ч. Кукатас и Ф. Петтит в своей работе также выделяют три направления критики «Теории справедливости», однако увязывают их с идеологическими воззрениями конкретных авторов (либертарианская и коммунитаристская критика), а также с корректировкой основных положений данной работы, выполненной самим Ролзом. См. Pettit P., Kukathas C. Rawls: A Theory of Justice and its Critics. Stanford: Stanford University Press, 1990. 169 p

использованной в его концепции общественного договора¹⁶⁹. В частности, указывается на то, что максимин (минимакс) – это концепция решений некооперативных игр с нулевой суммой. Модель, предлагаемая Ролзом, не вполне вписывается в традиционную структуру таких игр. Во-первых, в ней речь идет об отчетливо выраженной ситуации социальной кооперации, во-вторых, сумма выигрышей от сотрудничества ненулевая – возможен и положительный итог для всех участников. Поэтому возникают вопросы относительно корректности переноса терминологии, заимствованной из другой предметной сферы, в область политической философии. Кроме того, отмечает Дж. Харсаньи, что если в качестве концепции решения задачи выбора в исходном состоянии используется принцип максимина¹⁷⁰, то с формальной точки зрения наиболее рациональной стратегией для индивидов в исходном состоянии является выбор утилитаристского принципа максимизации средней ожидаемой полезности. Метод Харсаньи, однако, во многом основан на допущении о том, что существует универсальная шкала полезности, позволяющая упорядочить всех индивидов по уровню полезности, получаемой от той или иной альтернативы и затем рассчитать средний уровень полезности для всего сообщества. Однако многочисленные результаты невозможности, полученные в теории общественного выбора, показывают, что любой метод агрегирования индивидуальных предпочтений имеет свои ограничения¹⁷¹. Таким образом,

¹⁶⁹Arrow, K. J. Rawls's principle of just saving // *The Swedish journal of economics*. 1973. Vol. 75. N 4. P. 323-335. Dasgupta P. On some problems arising from Professor Rawls' conception of distributive justice // *Theory and Decision*. 1974. Vol. 4. N 3-4. P. 325-344. Sen, A. Rawls versus Bentham: an axiomatic examination of the pure distribution problem // *Theory and Decision*. 1974. Vol. 4. N 3-4. P. 301-309. Solow, R. M. Intergenerational Equity and Exhaustible Resources // *Review of Economic Studies*. 1974. Vol. 41. N 5. P. 29-45. Harsanyi, J. C. Can the maximin principle serve as a basis for morality? A critique of John Rawls's theory // *Ethics, Social Behavior, and Scientific Explanation*, Dordrecht, Holland: Reidel Publishing Company, 1976. P. 37-63. Calvo G. Some notes on time inconsistency and Rawls' maximin criterion // *The Review of Economic Studies*. 1978. Vol. 45. N 1. P. 97-102. Ролз частично ответил на эту критику в своей статье 1974 г.: Rawls J. Some reasons for the maximin criterion // *The American Economic Review*. 1974. Vol. 64. N 2. P. 141-146. См. также Strasnick S. The problem of social choice: Arrow to Rawls // *Philosophy & Public Affairs*. 1976. Vol. 5. N. 3. P. 241-273.

¹⁷⁰Harsanyi, J. C. Can the maximin principle serve as a basis for morality? A critique of John Rawls's theory // *Ethics, Social Behavior, and Scientific Explanation*, Dordrecht, Holland: Reidel Publishing Company, 1976. P. 37-63

¹⁷¹Здесь можно упомянуть не только общеизвестные результаты наподобие теоремы невозможности Эрроу, которая все же относится к агрегированию предпочтений относительно дискретных альтернатив, а не кардинальных полезностей, и поэтому не может рассматриваться как весомый аргумент против тезисов Харсаньи; см. Ng Y. K. A case for happiness, cardinalism, and interpersonal comparability // *The Economic Journal*. 1997. Vol. 107. N 445. P. 1854. Существуют и специфические парадоксы, возникающие при попытках агрегировать индивидуальные полезности: например, парадокс «просто добавления», описанный Д. Парфитом в работе

адекватность использования принципа максимизации совокупной полезности как базового принципа распределительной справедливости в обществе, может быть поставлено под сомнение¹⁷². Вместе с тем, гипотеза Харсаньи относительно того, что в исходном состоянии Ролза участники исходного соглашения будут с большей вероятностью выбирать утилитаристский принцип максимизации агрегированной полезности, а не принцип различия, подтверждается результатами экспериментальных данных¹⁷³.

Другим важным противоречием в «Теории справедливости», на которое указывают критики, является попытка совместить аргументацию, основанную на идее личного интереса и попытку Ролза встроить в свою концепцию деонтологические элементы кантианской этики, а именно придание договору моральной ценности *per se*.¹⁷⁴ Р. Дворкин отмечает, что подобная интенция Ролза в конечном счете делает договорную аргументацию излишней: «Можно, конечно, утверждать, как делают многие философы, что в интересах самого человека выполнять свой долг, подчиняясь нравственному закону, либо потому, что иначе Бог его накажет, либо потому, что, выполняя определенную роль в естественном порядке вещей, человек получает наибольшее удовлетворение от своей деятельности, либо, как полагал Кант, потому что человек может быть свободным, только соблюдая нормы, которые он, не впадая в противоречие, хотел бы иметь в качестве всеобщих. Но это не означает, что обязанности определяют интересы человека, а не наоборот. Этим не доказывается, что человеку при решении вопроса о том, в чем состоят его обязанности, разрешено соотносить их с собственными интересами; напротив, человек должен оставить в стороне любые соображения личной выгоды и принимать во внимание лишь соображения долга.

«Reasons and Norms» (см. Parfit, Derek. *Reasons and Persons*, ch. 17 and 19. Oxford University Press, 1986; критика допущений, на которых основывается парадокс Парфита, излагается в работах Temkin L. S. *Intransitivity and the mere addition paradox* // *Philosophy & public affairs*. 1987. Vol. 16. N 2. P. 138-187. Chan K. *Intransitivity and future generations: Debunking Parfit's mere addition paradox* // *Journal of applied philosophy*. 2003. Vol. 20. N 2. P. 187-200. Qizilbash M. *The mere addition paradox, parity and critical-level utilitarianism* // *Social Choice and Welfare*. 2005. Vol. 24. N 3. P. 413-431).

¹⁷² Помимо парадоксов агрегирования, здесь необходимо также указать и на сложности, связанные с измерением кардинальной полезности.

¹⁷³ См. § 2.4 настоящего исследования.

¹⁷⁴ Подобная коллизия наблюдается и непосредственно в договорной теории Канта. См. выше, с. 54-56 настоящего исследования.

Следовательно, таким образом нельзя обосновать роль договора Ролза в глубинной теории, основанной на долге»¹⁷⁵.

Помимо указаний на внутренние логические противоречия в теории Ролза, были предприняты попытки подвергнуть содержательной критике защищаемые им принципы справедливости, главным образом – принцип различия. Эти попытки во многом вдохновлялись идеологическими соображениями – «Теория справедливости» многими воспринималась как апология сложившегося в тот момент в западных обществах социал-демократического (или, согласно американской традиции, «либерального») политического консенсуса, который тем не менее часто оспаривался как справа (либертарианскими мыслителями), так и слева (марксистами; в частности, представителями аналитического марксизма)¹⁷⁶. Критика, высказанная в рамках данного направления, в целом принимала базовую концепцию индивида, использованную Ролзом и касалась лишь его интерпретации естественного состояния. Первой серьезной теоретической альтернативой договорной теории Ролза стала работа американского философа Р. Нозика «Анархия, государство и утопия»¹⁷⁷.

Ролз имплицитно подразумевает, что люди стремятся к совместному бытию; именно отсюда происходит его интерес к исследованию принципов, которые могут обеспечить справедливое взаимодействие между индивидами в обществе. Нозик начинает свое исследование с более фундаментального вопроса: а именно, необходимо ли вообще в какой-то форме регулировать межличностные отношения политическими установлениями. Он отмечает, что существует очевидная альтернатива всем существующим политическим проектам –

¹⁷⁵ Дворкин, Р. О правах всерьез. М.: РОССПЕН, 2005. С. 242..

¹⁷⁶ Кукатас и Петтит идентифицируют Ролза как «либерала в современном смысле слова», т.е. в их терминах, сторонника более обширного вмешательства государства в социальную жизнь, чем простое исполнение функции «ночного сторожа» (что полагалось основой задачей государства «классическими либералами»): *op. cit.*, p.74. Похожей точки зрения придерживаются также Б. Бэрри и Р. Дворкин: Barry, V. *The liberal theory of justice*. Oxford: Oxford University Press, 1973. 178 p. Дворкин, Р. О правах всерьез / Пер. с англ.; ред. Л. Б. Макеева. — М.: РОССПЕН, 2005. С. 210

¹⁷⁷ Не все авторы относят Нозика к контрактарианской ветви теории общественного договора. Так, С. Фримэн указывает, что Нозик развивает идеи Локка, поэтому его следует отнести к особой версии договорной традиции, которую Фримэн называет «основанной на правах» (right-based)– как, впрочем, и самого Ролза. Freeman S. *Social Contract Approaches // The Oxford Handbook of Political Philosophy / D. Estlund (ed.)*. Oxford University Press, 2012. P. 145-146.

отсутствие государства и политического взаимодействия вообще. Поэтому в первоначальной ситуации выбора (договора) надо сравнивать не альтернативные варианты политического устройства, а состояния анархии или государства. У Ролза в исходной позиции выбор происходит между различными концепциями справедливости, которые должны лечь в основание государственной политики; затем он описывает институциональный дизайн, который в наибольшей степени соответствует выбранным принципам. Нозик же в первую очередь рассматривает выбор между всего альтернативами: политическим сообществом и его отсутствием.

Он показывает (правда, без отсылки к волеизъявлению конкретных индивидов), что анархия, по большому счету, невозможна – в естественном состоянии основной потребностью является обеспечение безопасности, что с неизбежностью приводит к возникновению «минимальных» государственных институтов¹⁷⁸. Нозик берет за отправную точку описание естественного состояния, предложенное Локком. Здесь обнаруживается существенное отличие его концепции от взглядов Ролза, опирающегося на кантианскую версию естественного состояния. Естественный человек Нозика, в отличие от ролзианского, вполне осознает свои нужды и потребности; при этом он может иметь определенные моральные качества (что отличает его от человека Гоббса)¹⁷⁹. Кроме того, необходимость введения политических ограничений для него не представляется очевидной.

Еще одно расхождение между Ролзом и Нозиком заключается в том, что первый пытается рассчитать (хотя бы формально)¹⁸⁰, какие принципы могли бы

¹⁷⁸Нозик так описывает этот процесс. В условиях естественного состояния обеспечение собственной безопасности является слишком затратным делом, отвлекающим индивидов от производственной деятельности. Поэтому неизбежно возникнет разделение труда в этой сфере – появятся частные охранные предприятия, клиентами которых станет большая часть населения. Между этими организациями неизбежны конфликты, если они будут сосуществовать на одной территории. Поэтому с высокой вероятностью в конкретных ареалах проживания людей будет доминировать только одно охранные агентство – но так как оно единственное обладает реальными средствами принуждения и финансируется за счет платежей своих клиентов, то фактически оно удовлетворяет веберовским критериям государства (Нозик называет подобную структуру «ультраминимальным государством»). Р. Нозик. «Анархия, Государство и Утопия», с. 31-39.

¹⁷⁹Описание естественного состояния у Нозика см. в Главе 2: Р. Нозик. «Анархия, государство и утопия», с. 29-48. Относительно его ориентации на модель Локка см. с. 27, 29-31.

¹⁸⁰ При чтении «Теории справедливости» вполне может показаться, что сложная система аргументации, разработанная Ролзом, предназначена для апологии конкретных принципов справедливости, которые (если выйти

быть выбраны в качестве основополагающих конституционных норм, а Нозик просто приводит аргументы в пользу определенного варианта политического устройства. Он практически не обращается к проблеме легитимности, которая является ключевой для остальных теоретиков общественного договора; если быть точным, он вообще не говорит о ситуации договора, останавливаясь на сравнении естественного и политического состояний. Основная интенция Нозика лишь ограниченным образом соотносится с проблематикой общественного договора – он всего лишь стремится показать необходимость минимального государства, за пределы которого, однако, идти не следует¹⁸¹. Для достижения этой цели он «минимальным» образом использует договорную теорию¹⁸². Тем не менее, его анализ естественного состояния, хотя и опирается во многом на локковское видение, вполне может претендовать на оригинальность и глубину.

Другая влиятельная попытка пересмотреть теорию справедливости Ролза, оставаясь на позициях теории рационального выбора, была предпринята

за рамки теории) очень похожи на принципы, лежащие в основании американской политической системы. Это утверждение не вполне корректно – логические ошибки в выводе принципов справедливости из ситуации выбора в естественном состоянии не являются достаточным основанием для подобных заявлений. Поэтому более взвешенным будет решение остановиться на той интерпретации, которую предлагает сам Ролз: его исходная позиция вполне может рассматриваться как мысленный эксперимент, направленный на то, чтобы рассчитать те справедливые принципы, которые мы бы выбрали в качестве конституционных норм нашей жизни с максимально непредвзятой точки зрения.

Нозик же нигде не анонсирует подобную задачу. Хотя он и стремится показать преимущества защищаемого им проекта, даже делает это последовательно – по сравнению с основными возможными альтернативами на новых уровнях конкретизации – но у него нет буквальных указаний на стремление представить это как априорный расчет (хотя подобная интерпретация Нозика также возможна).

¹⁸¹Ср.: Нозик. «Анархия, государство и утопия», С. 189.

¹⁸²Формально Нозик пользуется концепцией естественного состояния; ситуация конституционного соглашения им не рассматривается. В этом смысле он не является “чистым” контрактарианцем: в современных обзорах Нозик практически нигде не упоминается в числе представителей теории общественного договора. Однако у всех рассмотренных нами авторов естественное состояние и общественный договор составляли неразрывное теоретическое единство; своеобразную «связку», позволявшую эффективно решать проблему легитимизации того или иного политического устройства. Нозик работает с той же задачей: он пытается показать, что защищаемый им политический порядок будет рациональным выбором в естественном состоянии, даже более того, логическим следствием развития человеческих взаимоотношений. Он следует той же логике рассуждения, что и теоретики общественного договора; именно поэтому он и попал в сферу рассмотрения данной работы. Однако напрямую о договоре как об основании легитимности такого устройства он все же не говорит.

Тем не менее, в латентном виде идея договора у Нозика все же присутствует. Когда он описывает функционирование частных охранных агентств как альтернативы государству в естественном состоянии, то указывает, что единственным основанием сотрудничества индивида и подобного агентства может быть только контракт. Так как государство (если бы такая ситуация на самом деле имела место) является результатом эволюции подобных охранных предприятий, то его полномочия все-таки ограничены рамками договора с отдельными индивидами.

Последний пассаж все же является реконструкцией возможного рассуждения, согласующегося с тезисами Нозика, а не прямым цитатой; тем не менее, такая интерпретация, как представляется, является корректной (учитывая либертарианские взгляды Нозика – а для либертарианцев контрактные отношения являются основанием многих социальных взаимодействий).

канадским философом Д. Готье. Наиболее полно его договорная теория изложена в работе «Мораль по соглашению»¹⁸³. Основная задача, которую ставит перед собой Готье, заключается в том, чтобы показать рациональность принятия людьми различных моральных ограничений. Главным для него является даже не конкретное содержание этих ограничений, а их соответствие эгоистическим интересам отдельных индивидов¹⁸⁴. Готье указывает, что существует два способа легитимации моральных ограничений (для него мораль – это прежде всего определенные поведенческие ограничения): моральный и делиберативный (*moral and deliberative justification*). Первый тип аргументации базируется на имманентных моральным теориям посылках, представляющих их в качестве трансцендентных сущностей по отношению к человеческому миру. Однако подобные доводы в современной ситуации, считает Готье, находятся в глубоком кризисе (который впервые зафиксировал Ницше). Поэтому необходимо предложить новый способ защиты моральной точки зрения, а именно, базирующийся на рациональном расчете конкретных индивидов. Иначе говоря, моральные ограничения могут быть действительны, только если они конгруэнтны эгоистическим устремлениям людей; или, как выразился Юм, когда следование им становится личным интересом. Так как, помимо этого, мораль обычно распространяется на все общество, то для создания действенной концепции морали требуется показать принципиальную возможность соглашения относительно некоторых ограничивающих норм между эгоистически настроенными рациональными существами. Отсюда и следует интерес Готье к контрактарианизму¹⁸⁵. Аргументация в терминах договорной традиции, по мнению философа, наилучшим образом отвечает его целям. Действительно, контрактарианизм предполагает, что рациональные индивиды соглашаются с теми или иными моральными/политическими ограничениями только тогда, когда

¹⁸³Gauthier, D. *Morals by Agreement*. Clarendon Press, Oxford University Press, 1986. Позже Готье развил свои идеи в работе: Gauthier, D. *Moral Dealing: Contract, Ethics, and Reason*. Ithaca: Cornell University Press, 1990..

¹⁸⁴*Morals by Agreement*. P. 2, 7.

¹⁸⁵ Gauthier, D. *Why Contractarianism?* // *Contractarianism and Rational Choice: Essays on David Gauthier's Morals by Agreement*, Cambridge University Press, 1991. P. 15-30. Также см.: Morris, C. *Moral Standings and Rational-Choice Contractarianism* // *Ibid*. P.76-96.

те представляются им выгодными (хотя предшествующие философы данной традиции вводили моральные ограничения, открыто или в латентной форме), что и пытается доказать Готье. Он предлагает представить некоторое состояние, подобное идеальному рынку экономистов. В условиях “чистой” конкуренции индивидуальные взаимодействия приводили бы к оптимальному для всех участвующих сторон результату, однако реальный мир очень далек от подобного состояния. Основным предназначением моральных и политических норм в интерпретации Готье является обеспечение искусственной гармонии там, где “естественная” невозможна¹⁸⁶.

Для возникновения норм требуется некоторая “архимедова” (Archimedean) точка опоры. В качестве таковой Готье предлагает свою версию традиционного концепта естественного состояния, которую он называет “ситуация изначального торга” (initial bargaining position). В его описании естественного состояния можно выделить три основных параметра: 1) характеристика участников (parties) соглашения; 2) картины мира (beliefs), которыми они обладают; 3) цели (desires), которых они стремятся достичь¹⁸⁷. В отличие от концепции Ролза, индивиды Готье существуют в социальном контексте; они обладают собственностью и способны взаимодействовать с другими людьми. Из числа потенциальных участников соглашения исключены дети, больные и все, кого можно отнести к социальным аутсайдерам – «голосом» обладают только индивиды, способные к взаимовыгодному сотрудничеству с другими людьми. Эти индивиды обладают полной информацией о самих себе, своих жизненных интересах и своих отношениях с окружающими – чтобы соглашение по-настоящему базировалось на рациональном расчете, необходимо, чтобы использовались все релевантные данные. Готье утверждает (здесь он соглашается с Ролзом), что индивиды в общем случае не заинтересованы в благополучии других; соответственно, они безразличны ко всем представлениям о благе, кроме своих собственных, и никакие существующие вовне моральные концепции не имеют для них значения.

¹⁸⁶Morals by Agreement. P. 13-14

¹⁸⁷Vallentyne, Peter. Gauthier's Three Projects // Contractarianism and Rational Choice: Essays on David Gauthier's *Morals by Agreement* / P. Vallentyne (eds.). Cambridge University Press, 1991. P. 4

Как происходит соглашение? Философ критикует распространенную трактовку ситуации договора как игры с некооперативным исходом¹⁸⁸: так как в этом случае вполне могут быть проигравшие, то подобная спецификация вовсе не гарантирует наличия приемлемых для всех ее участников мотивов принятия моральных ограничений. Взамен он предлагает альтернативную концепцию. Результаты торга в начальной ситуации, представленной как некооперативная игра безо всяких ограничений, искажаются, по мнению Готье, воздействием властных отношений (*power effects*), или, проще говоря, возможностью принуждения со стороны более сильных участников в отношении слабейших¹⁸⁹. Как можно избежать подобного? Готье утверждает, что эта проблема может быть решена путем введения определенных ограничений на возможность совершения насильственных действий в отношении индивидов, участвующих в торге¹⁹⁰. Он называет этот принцип «оговоркой Локка» (*Lockean Proviso*); содержание его заключается в том, что никто не может добиться выгоды для себя за счет того, что ухудшит тем или иным образом положение другого¹⁹¹.

Таким образом, множество альтернатив (принципов справедливости) в ситуации начального торга существенно ограничивается. Чем индивиды руководствуются при выборе принципов справедливости в такой ситуации? Готье не удовлетворяет использование правила максимина, которое применяет Ролз,

¹⁸⁸Впервые предложенную Джеймсом Бьюкананом в «Пределах свободы».

¹⁸⁹Обсуждение Готье исходной ситуации даётся в: *Morals by Agreement*. P. 193-198.

¹⁹⁰Готье прямо утверждает, что в исходной ситуации должно отсутствовать принуждение (*Ibid.*, p. 200). Однако способ, которым он добивается этого, вступает в противоречие со стремлением показать необходимость принятия моральным принципам *всеми* участниками соглашения, которые живут в реальном мире в условиях значительного неравенства прав и возможностей. Его «оговорка Локка» является таким же произвольно вводимым ограничением на концепцию индивида как рационального максимизатора полезности, какие использовали и предыдущие контрактарианцы. И хотя эта оговорка представляется вполне разумной в картине мира, которую, безусловно, разделяют большинство современных авторов, касающихся вопросов справедливости, тем не менее, естественные права в строгом смысле являются отходом от чистого описания естественного же состояния – если они, конечно, представляются как универсальная черта природы индивидов, его населяющих, а не как их представление о самих себе; в последнем случае использование данной абстракции может быть оправдано. Хотя неясно, может ли это привести к тому теоретическому результату, который имеет своей целью Готье. Но тот тип аргументации, который он избрал в своей работе, определенно приводит к противоречиям и поэтому может быть принят лишь ограниченно. См. также критику «локковской оговорки» с либертарианских позиций свободного рынка в Danielson, P. *The Lockean Proviso // Contractarianism and Rational Choice: Essays on David Gauthier's Morals by Agreement*. Cambridge University Press, 1991. P. 99-111

¹⁹¹Приведенное краткое определение «оговорки Локка» заимствовано в работе: Vallentyne. *Op. cit.* P. 7. Используемый здесь перевод термина *Lockean Proviso* опирается на перевод этого понятия в русском издании «Анархии, Государства и Утопии» (с. 224). Собственно, Нозик и ввел этот термин в оборот современной политической философии (*Morals by Agreement*, p. 202). Относительно трактовки «оговорки Локка» самим Готье см.: *Morals by Agreement*, p. 200-223.

равно как и другие способы решения теоретико-игровых задач (в первую очередь, равновесие по Нэшу). Вместо этого он разрабатывает собственную схему расчета выгод в ситуации изначального торга, которая базируется на концепции минимальных относительных уступок (*minimal relative concessions*). Согласно этой концепции, оптимальным решением игры является не набор индивидуальных выигрышей, которые участники соглашения не могут улучшить путем одностороннего отклонения от равновесия¹⁹², а набор т.н. минимальных «относительных уступок». «Относительная уступка» представляет собой отношение между разностью полезностей, предполагаемых наиболее предпочтительным для индивида вариантом и всеми альтернативными ему вариантами, и разностью полезностей, предполагаемых наиболее предпочтительным для индивида вариантом и исходным состоянием¹⁹³.

Согласно Готье, рациональным в естественном состоянии представляется выбрать не самый «полезный» с точки зрения извлечения выгоды принцип справедливости, а требующий минимальных уступок по сравнению со всеми остальными системами моральных ограничений¹⁹⁴. Совмещение концепций минимальных относительных уступок и «локковской оговорки» порождает общество «ограниченных максимизаторов» (*constrained maximizers*), все члены которого согласны с установлением некоторых моральных норм, регулирующих их взаимоотношения. Готье, однако, не останавливается подробно на описании природы этих норм; для него более важной задачей представляется демонстрация принципиальной возможности достижения конституционного соглашения.

Следует отметить, что концепции Нозика и Готье, во многом построенные на критике теории справедливости Ролза, тем не менее используют практически ту же самую концепцию индивида: рационального и автономного существа, способного к заключению и выполнению соглашений. Эти авторы видоизменяют

¹⁹²Так традиционно определяется понятие «равновесия по Нэшу» – наиболее распространенной концепции решения в теории игр

¹⁹³*Morals by Agreement*. P.134-146.

¹⁹⁴Hampton, J. *Equalizing Concessions in the Pursuit of Justice: A Discussion of Gauthier's Bargaining Solutions // Contractarianism and Rational Choice: Essays on David Gauthier's Morals by Agreement*, Cambridge University Press, 1991. P. 150.

непосредственное содержание термина «рациональное» и придерживаются различающихся концепций автономии, но несомненно, что между их моделями человека больше сходств, чем различий.

Третья категория критических замечаний в адрес той версии контрактарианизма, которая была представлена Ролзом в 1971 г., направлена именно на концепцию человеческой природы, лежащую в основании договорной теории, и ассоциируется с политической философией коммунитаризма (и наследовавшего ему мультикультурализма), изложенной в работах А. Макинтайра, Ч. Тэйлора, М. Уолцера и ряда других авторов¹⁹⁵. Основное содержание их возражений заключается в том, что представление о человеке как рациональном и автономном индивиде является порождением специфического типа мышления, возникшего в протестантской Европе в начале Нового времени; основываясь на этом представлении, полагают приверженцы коммунитаризма, невозможно построить универсальную теорию справедливости.

Они защищают точку зрения, согласно которой принципы справедливости и различные нормы морального и политического действия глубоко укоренены в культуре тех социумов, в которых они действуют. Поэтому практически невозможно представить себе реальную ситуацию абстрагирования от повседневности, которая является основным инструментом договорных теорий при определении принципов справедливости. Кроме того, как полагают коммунитаристы, философские послыки контрактарианизма: индивидуализм и рационализм – являются продуктом лишь одной из многих существующих на земле культур, поэтому вызывает сомнение попытка распространить их на другие общества. В наиболее радикальной формулировке этот аргумент может быть представлен как разновидность морального релятивизма, отрицающая

¹⁹⁵См., например, следующие работы: Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали / Пер. с англ. В.В. Целищева – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с. Walzer, M. Spheres of Justice, Oxford: Blackwell. 1983. Sandel, M. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 199 p. Young, I. M. Justice and the Politics of Difference, Princeton: Princeton University Press. 1990. Benhabib, S. Situating the Self: Gender, Community and Postmodernism in Contemporary Ethics. Cambridge: Polity Press, 1992

принципиальную возможность достижения консенсуса относительно принципов справедливости между носителями различных культурных идентичностей.

Вслед за Гегелем коммунитаристы видят основание политического порядка в сообществе. Они развивают гегелевскую интенцию на примирение людей с их миром¹⁹⁶. Истоком справедливости для них является не гипотетический договор, а аккумулированное в ходе исторического процесса множество моральных представлений и нравственных императивов, органично вплетенное в повседневную жизнь членов сообщества. Это множество «... не выверяется в соответствии с системой предпочтений людей, но само является стандартом, по которому оцениваются эти предпочтения. ... вес, придаваемый предпочтениям индивида, зависит от того, насколько он подчиняется или способствует общему благу»¹⁹⁷. Теория справедливости Ролза призвана минимизировать несправедливые различия в положении людей, порожденные социальным неравенством. Коммунитаристы, однако, полагают, что каждый человек является носителем конкретной социальной идентичности, которая и задает его иерархию блага¹⁹⁸. Различия в индивидуальных ситуациях для них не могут быть сведены исключительно к проблеме справедливого распределения ресурсов и возможностей. Схожесть индивидуальных концепций блага является основанием стабильности сообщества; однако эта схожесть сама является результатом доминирования определенного типа идентичности, сформированного в ходе эволюции сообщества и внедренного в сознание индивидов в процессе социализации. Понятия справедливого и несправедливого могут различаться в конкретных сообществах; более того, они могут быть несовместимыми. Таким образом, стремление установить единую концепцию справедливости даже в рамках одного государства, согласно аргументации коммунитаристов, с необходимостью вступает в противоречие с тем фактом, что какие-то картины

¹⁹⁶ См. § 1.2 настоящего исследования.

¹⁹⁷ Кимлика, У. Современная политическая философия: введение. М.: Издательский дом ГУ – ВШЭ, 2010. С. 287.

¹⁹⁸ Макинтайр, А. После добродетели: Исследования теории морали/ Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. С. 207.

мира должны быть признаны менее последовательными и, соответственно, отвергнуты.

Однако если человеческое «я» конституируется сообществом, то возможно ли в принципе изменить индивидуальные представления о благе, предзаданные некоторой коллективной идентичностью? М. Сэндел утверждает, что индивид не может выйти за пределы заложенной в него иерархии блага и подвергнуть ее критике с каких-то внешних позиций¹⁹⁹. Данный тезис прямо противоречит либеральной концепции человеческой природы. Дискуссия о том, способны ли индивиды к пересмотру своих концепций блага и модификации собственной идентичности в целом (как полагает Ролз и другие современные последователи Канта), или же остаются пленниками идентичности того сообщества, в котором они проживают (что является общей позицией коммунитаристов), стала одним из центральных направлений развития политической философии в 1980-х гг. Несмотря на обоснованность своей критики, коммунитаристы данный спор проиграли; не в последнюю очередь из-за того, что не смогли сформулировать полноценную концепцию человеческой природы и ограничились критикой своих оппонентов. Несмотря на все недостатки, либеральное представление о индивиде как рациональном агенте, способном абстрагироваться от локального контекста при определении того, что является для него благом, оказалась более адекватным и цельным, нежели разрозненные попытки коммунитаристов²⁰⁰. Тем не менее, их аргумент относительно того, что отвержение специфических культурных ценностей, занимающих важное место в некоторых индивидуальных концепциях блага, лишь на основании того, что эти потребности не отвечают либеральному видению иерархии человеческого потребностей (нашедшей отражение как в ролзовской концепции «первичных благ», так и защищаемом большинством либералов кантианского толка в качестве ценности *per se* праве человека на определение собственной жизни), является необоснованным, стало серьезным вызовом как для либеральной теории в целом, так и для договорной парадигмы.

¹⁹⁹ Sandel, M. *Liberalism and the Limits of Justice*. Cambridge, Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 133-134.

²⁰⁰ Данный вопрос подробно обсуждается в §2.3 настоящего исследования .

В самом деле, как указывает Ч. Тэйлор, подобная позиция, доведенная до логического завершения, предполагает отвержение и самих либеральных представлений об индивидуальном благе: свободный в либеральном («негативном», если пользоваться терминологией И. Берлина) смысле слова индивид не имеет стимула выбрать какую-либо конкретную концепцию блага²⁰¹. Поэтому свобода выбора (имплицитно заложенная в базовую для договорных теорий концепцию индивида) должна рассматриваться скорее как инструментальная ценность – в силу того, что она дает нам возможность реализовывать собственные жизненные цели и проекты, которые, в свою очередь, определяются теми представлениями о должном, которые распространены в нашем сообществе.

Критика договорной теории коммунитаристами во многом перекликалась с возражениями, выдвинутыми представителями феминизма и философами т. н. “расового сознания” (race-conscious), которые утверждают, что базовая концепция индивида, лежащая в основе договорных теорий – рациональный максимизатор полезности, стремящийся к собственной выгоде – является отображением сугубо мужского взгляда на мир, более того, взгляда мужчины, жившего в конкретную эпоху в конкретном обществе (Англии семнадцатого столетия). В силу столь явной гендерной и исторической детерминации, положения теории договора требуют как минимум значительного пересмотра²⁰². И феминисты, и противники расовой дискриминации обычно возражают против того, что интересы некоторых социальных групп (женщины, афроамериканцы, индейцы или религиозные меньшинства²⁰³) оказываются обойденными при заключении социального контракта. К. Пэйтман, например, считает, что в западном обществе сложился негласный “сексуальный контракт” между лицами мужского пола,

²⁰¹Taylor, C. *Hegel and Modern Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 157. Cp. Sandel, M. *Op. cit.*, p. 161-165

²⁰²Williams, P. *On Being the Object of Property // The Alchemy of Race and Rights*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. P. 216-238

²⁰³Eberle, C. *Religious Conviction in Liberal Politics*. New York: Cambridge University Press, 2002

направленный на то, чтобы держать женщин в подчинении²⁰⁴. Она пишет о том, что индивидуализм, на котором основывается концепция общественного договора, на деле представляет собой манифестацию андрогинного начала, поскольку предполагает независимость индивида от забот об удовлетворении физических потребностей, возможную лишь в том случае, когда их берет на себя кто-то другой²⁰⁵. Ч. Миллз развивает эту аргументацию применительно к расовым отношениям.²⁰⁶

Если суммировать разнообразные доводы критиков контрактарианизма, то можно выделить две принципиальные позиции, показывающие уязвимость теории общественного договора: 1) сомнение в универсальности её исходных допущений о природе человека и 2) требование вывести из сферы договора некоторые ограничения морального толка, которые традиционно снимаются в моделях исходного состояния. Доводы, относящиеся к последнему типу, как уже неоднократно отмечалось выше, страдают существенным недостатком: все теории, предлагаемые в качестве дополнения или ограничения свободы выбора в исходной ситуации, сами требуют легитимации, и (в принципе) могут быть поставлены под сомнение с некоторых “внешних” точек зрения²⁰⁷. Первый тип аргументов, в свою очередь, действительно является серьезным возражением; попытка представителей договорной традиции ответить на возражения подобного рода привела к появлению целого класса концепций, в которые эксплицитно были введены переменные, характеризующие не только модель рациональности, но и культурный бэкграунд, определяющий возможные ценностные и моральные приоритеты участников исходного соглашения

²⁰⁴Pateman, C. *The Sexual Contract*. Stanford University Press, 1988. P. 163. Richardson, J. *The classic social contractarians: critical perspectives from contemporary feminist philosophy and law*. Farnham: Ashgate Publishing, Ltd., 2013. 174 p.

²⁰⁵Ibid, p. 463

²⁰⁶Mills, Charles. *The Racial Contract*. Cornell University Press, 1997.

²⁰⁷Именно эту проблему имеет в виду в уже цитировавшемся выше высказыванию Юм (который использует этот аргумент для критики классических версий договорной теории. Современные контрактарианисты прекрасно осознают слабость аргументов, построенных на подобных “деонтологических ограничениях” (термин Г. Уотсона). См.: Watson, G. *Some Considerations in Favor of Contractualism// Contractarianism, Contractualism / S. Darwall. (ed.)*. Blackwell, 2003. P. 254

2.3. «Делиберативный» поворот в теории общественного договора

Если представить, что конституционное соглашение заключается не между людьми, которые разделяют общие ценности и обладают более-менее схожими интересами, а между представителями различных обществ, которые совершенно по-разному смотрят на мир, то становится очевидным: для того, чтобы быть успешным, подобное соглашение должно подкрепляться наличием точек опоры, пересекающихся смыслов, позволяющих наладить диалог между носителями различных идентичностей. Узкая «эгоистическая» (максимизаторская) концепция рациональности не может выступать в качестве такой точки опоры, так как в различных обществах могут существовать различные представления о том, какие потребности/интересы должны выступать в качестве базовых. Какой-либо договор между представителями этих обществ возможен только в том случае, если они смогут аргументированно объяснить друг другу свои интересы и показать, что те имеют право на существование даже в системе координат своих оппонентов. Соответственно, чтобы преодолеть коммунитаристскую критику в этом отношении, требуется продемонстрировать принципиальную возможность достижения соглашения между носителями различных мировоззрений и ценностей. Осознание этой мысли теоретиками-контрактарианцами привело к развитию новой парадигмы внутри договорной традиции, в рамках которой акцент делался не на моделировании ситуации рационального выбора, в которую вовлечены индивиды, описываемые единой концепцией личности, а на анализе возможностей достижения консенсуса между представителями различных культурных идентичностей. В рамках этой парадигмы особое внимание было уделено коммуникативным аспектам человеческой деятельности и вопросам моральной аргументации.

Первую влиятельную концепцию подобного рода предложил немецкий мыслитель Ю. Хабермас. Его взгляд на проблему значительно отличается от предлагавшихся ранее интерпретаций договорной теории. Идеи Хабермаса имеют фундаментальное философское обоснование: его политические взгляды органично вплетены в его социологическую теорию; можно даже сказать, в его

философскую систему (созданием которых не увлекался ни один крупный политический философ минувшего столетия)²⁰⁸. В отличие от Бьюканана, Нозика и Ролза, он не просто предлагает расчет неких абстрактных принципов справедливости в начальной ситуации – он концентрирует свое внимание на реальном протекании социальных интеракций во времени. Для него общество – не ригидная структура, подчиненная неизменным нормам; регулятивные институты могут постоянно меняться в зависимости от внешней ситуации и баланса сил в социуме. Соответственно, задача политических и моральных теоретиков заключается в том, чтобы разработать наиболее справедливые принципы, позволяющие контролировать процесс подобных изменений. Хабермас прежде всего интересуется вопросом о том, как индивиды могут, – и могут ли вообще, – трансформировать правила своих взаимодействий; поддается ли этот процесс регулировке, и какие конституирующие его нормы должны быть определены прежде всего?

Он принимает основной тезис контрактарианизма, согласно которому решение о содержании таких норм должно приниматься всеми, кого оно касается – то есть быть результатом договора заинтересованных лиц; только в этом политические нормы могут обрести свою легитимность. Однако какими должны быть условия заключения подобного договора? Хабермаса не устраивает необходимость полного абстрагирования от жизненных интересов и потребностей людей, как на том настаивает Ролз²⁰⁹. Хабермас считает, что по-настоящему справедливым будет только то решение, которое принимается индивидами, владеющими полной информацией о целях всех агентов, вовлеченных в ситуацию договора, – то есть целях как своих собственных, так и окружающих людей. Он отмечает, что завеса неведения фактически полностью аннигилирует потенциал теории Ролза – так как непонятно, как совместить требование неведения и знание альтернатив (которые надо будет еще и оценить).

²⁰⁸ Дж. Ролз отмечает, что теория Хабермаса охватывает «многие проблемы, выходящие за рамки предметной сферы политической философии...»: Rawls, J. Reply to Habermas // *Political Liberalism. The John Dewey Essays in Philosophy*, New York: Columbia University Press, 1993. P. 376

²⁰⁹ Критику исходного состояния Ролза можно найти в следующем эссе Хабермаса: Примирение посредством публичного употребления разума // *Вовлечение Другого. Очерки политической теории*. М., Наука, 2008. С. 122-135

Хабермас также не требует принятия раз и навсегда установленных принципов справедливости, которые не могут быть после подвергнуты пересмотру. Напротив, он настаивает на необходимости постоянного обновления регулирующих социальные взаимодействия норм; последние должны быть объектом постоянного обсуждения заинтересованными сторонами²¹⁰.

Хабермас утверждает принципиальную возможность решения поставленных им задач. Он полагает, что людям свойственна не только стратегическая (практически тождественная описываемой теорией рационального выбора интенции на максимизацию полезности) рациональность, но также и рациональность коммуникативная, направленная на формирование устойчивых связей с Другими²¹¹. Человек Хабермаса является не эгоистом-максимизатором, но своего рода современным вариантом *zoon politikon*; общественное бытие является ключевым аспектом его существования как человеческого существа. Хабермас считает, что проблема понимания действий других может быть успешно решена через некоторые координирующие социальные институты (в первую очередь, язык), задающие единые для всех правила игры. Он утверждает, – со ссылкой на разработки К.- О. Апеля, – что можно представить себе некоторые прагматические предпосылки аргументации (которая выделяется в качестве основной формы дискурса, направленной на донесение до другого своей позиции), которые нельзя опровергнуть, не вступая в противоречие с самим собой. Именно эти базовые формы закладывают основание для успешной межличностной коммуникации²¹². Если удастся показать, что существуют неустранимые посылки определенных видов дискурса, это будет достаточно

²¹⁰Ср., например, его завершающее замечание в статье: «Разумное» или «истинное» – мораль картин мира // Вовлечение другого. С. 196.

²¹¹Различение инструментального/рационального/стратегического и коммуникативного действия детально разрабатывается Хабермасом в самой известной его работе «Теория коммуникативного действия».

²¹²Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С. 125-129. Хабермас обосновывает свой тезис с помощью введенного Яако Хинтиккой и детально разработанного Апелем аргумента от «перформативного противоречия». Иллюстрировать это понятие можно на следующем классическом примере. Обратиться к знаменитому выражению Декарта «Ego cogito ergo sum». Человек, отвергающий его, претендует на истинность противоположного высказывания: «Я не существую», однако уже самим фактом произнесения его он неявно принимает экзистенциальную посылку, пропозициональное содержание которой можно выразить, как «Я существую (здесь и теперь)» и приходит к противоречию. Подобную схему, по мнению немецкого философа, можно распространить и на обоснование моральных суждений, в том числе вводимых им принципов U и D.

сильным аргументом в пользу того, что существует возможность для различных индивидов найти общий язык – и чем более общим является этот вид дискурса, тем весомее становится аргумент²¹³. Опираясь на это и некоторые другие положения своей социологической концепции, Хабермас строит этику дискурса, которая должна стать базисом справедливого общества. Суть его идеи в том, что можно вывести определенные процедурные правила, регулирующие дискурс, касающийся моральных вопросов – и в коммуникативном пространстве, ограниченном этими правилами, станет возможным нахождение устраивающего всех решения. В основе этики Хабермаса лежат два подобных процедурных принципа²¹⁴:

1) Принцип D («дискурса»). Согласно этике дискурса, та или иная норма может лишь в том случае претендовать на значимость, если все, до кого она имеет касательство, как участники практического дискурса достигают (или могли бы достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу²¹⁵.

2) Принцип U («универсализации»). Всякая действенная норма должна удовлетворять следующему условию: те прямые и побочные действия, которые так или иначе вытекают из всеобщего следования ей в отношении удовлетворения интересов (предположительно) каждого отдельного лица, могли быть приняты всеми, кого они касаются (и оказались бы для них предпочтительнее результатов других известных им форм урегулирования межличностных конфликтов)²¹⁶.

По мнению философа, эти два принципа должны лежать в основе любой системы общественных взаимодействий, претендующей на статус справедливой. Люди могут прийти к обоюдовыгодному соглашению в любой сфере, только если у них есть возможность обсудить свои проблемы в справедливых условиях. Вопросы распределения благ (интересовавшие Ролза и Нозика), правила

²¹³Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С. 132.

²¹⁴Формально, основание этики дискурса Хабермас называет только принцип D; принцип U относится к правилам аргументации, которые сами по себе этического значения не имеют. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С. 147

²¹⁵Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С. 104

²¹⁶Там же.

принятия коллективных решений (на чем сосредоточены Бьюканан и Таллок) и конкретный политический дизайн общества (находящийся в центре внимания авторов классических договорных концепций) являются для Хабермаса проблемами второго порядка, успешное разрешение которых зависит от создания справедливых условий дискурса.

Еще одной значимой чертой его этики является диахронный характер – общественный договор воспроизводится каждый раз, по поводу каждой новой проблемы, и все это происходит в реальном времени среди конкретных людей с их вполне осязаемыми проблемами, потребностями и интересами. Любые правила справедливости, выходящие за рамки ее процедурного аспекта, не могут быть постулированы в качестве неизменных. Более того, теоретически, даже предлагаемые им принципы процедурной справедливости могут быть подвергнуты критике. Хабермас, однако, допускает, что существует возможность конвергенции разнообразных представлений о справедливости и формирование универсальной концепции (что следует из единообразия дискурсивных и рациональных способностей людей)²¹⁷. Кроме того, на основании его дискурс-этики могут быть разработаны и детализированные справедливые регулятивные правила для специфических областей жизнедеятельности людей. Важнейшей сферой применения дискурсивной этики для Хабермаса является политика – т. к. решение конфликтов с помощью различных форм насилия (специфическая особенность политических отношений) на практике преобладает над методом, ориентированным на достижение консенсуса²¹⁸.

Значительную часть своего дальнейшего творчества Хабермас посвятил приложению принципов своей этической системы к актуальным политическим проблемам современности: межнациональным конфликтам, развитию демократических институтов, правам человека, борьбе с терроризмом. Концепция Хабермаса стала одной из первых разработок в теории делиберативной

²¹⁷Здесь он опирается прежде всего на теорию морального развития Л. Кольберга. См. его одноименное с названием сборника эссе «Моральное сознание и коммуникативное действие»: там же, с. 173-286, а также Б. Марков. Послесловие // Моральное сознание и коммуникативное действие. С. 354-366.

²¹⁸Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С. 167-168.

демократии – одного из наиболее влиятельных политико-философских проектов последних двух десятилетий. Идеи немецкого философа также вызвали масштабную дискуссию в рамках собственно договорной традиции. В частности, Дж. Ролз в ответ на критику Хабермаса пересмотрел и значительно дополнил свою интерпретацию контрактарианской доктрины, представленной в «Теории справедливости». Обновленная договорная концепция Ролза в наиболее цельном виде изложена в трактате «Политический либерализм»²¹⁹. Основное внимание в ней уделяется дискурсивным и коммуникативным аспектам определения конституционных принципов, регулирующих общественные взаимодействия. Ролз открыто признает, что ограничивает сферу своего рассмотрения политической организацией либерально-демократических государств (подобная интенция с очевидностью присутствует и в «Теории справедливости», хотя и не обсуждается подробно). Он, однако, допускает, что даже внутри таких сообществ могут существовать люди с совершенно различными культурными идентичностями и иерархиями первичных благ. Тем не менее, сохранение сообщества как единого целого с необходимостью подразумевает выработку конституционного соглашения, которое позволит в равной мере учесть основные потребности групп с несовпадающими картинками мира, разрешить ключевые ценностные конфликты и обеспечить приемлемый уровень стабильности.

В «Политическом либерализме» Ролз фокусируется не столько на принципах распределительной справедливости, сколько на доказательстве того, что в плюралистичном обществе либерально-демократические властные институты могут быть легитимными и устойчивыми. В мире, описываемом в данной работе, нет места информационным ограничениям, которые накладывает «завеса неведения». Концепция индивида, используемая Ролзом в данной работе, значительно отличается от той, что была представлена в «Теории справедливости». Вместо рационального (rational) эгоиста-максимизатора Ролз кладет в основание своей теории «разумного» (reasonable) гражданина. Характеристика «разумный» в данном случае не тождественна классическому для

²¹⁹Rawls J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press, 2005. 576 p.

договорной традиции понятию рациональности; «разумным» считается индивид, который стремится к тому, чтобы жить в справедливом обществе, устроенном по принципам, приемлемым для всех его членов²²⁰. По замечанию Т. Нагеля, для такого индивида заключение общественного договора является не только средством реализации частных интересов, но и целью, обладающей самостоятельным ценностным содержанием²²¹. Разумные граждане могут обладать различными представлениями о своем месте в мире, о добре и зле, о собственно благе. Но в силу самого статуса «разумных» они оставляют за другими людьми право иметь взгляды, отличающиеся от их собственных. Для Ролза терпимость является не столько априорным нормативным постулатом, сколько требованием практического разума: мировоззренческие вопросы столь сложны, что по-настоящему разумный индивид не может с уверенностью претендовать на окончательное их разрешение и должен признать за другими способность выносить самостоятельные суждения по фундаментальным проблемам, равно как и согласиться с необходимостью уважать эти суждения.

Чтобы учесть возможный плюрализм идентичностей в политическом сообществе, Ролз вводит два новых понятия: «перекрывающий консенсус» и «публичный разум». В самом общем смысле слова, концепция «публичного разума» является своеобразной концепцией гражданства, определяющей пределы пространства коммуникации, на которое распространяются и в котором коллективными усилиями устанавливаются основные принципы политического сообщества²²². Ш. Уолин интерпретирует концепцию публичного разума как аналог руссоистской «всеобщей воли в век академического либерализма», отмечая при этом, что Ролз не стремится «принудить людей быть свободными», а пытается создать механизм, который позволил бы инкорпорировать инакомыслящие меньшинства в гражданское общество²²³. Данная концепция формулирует требования к процедуре обоснования легитимности политических

²²⁰Ibid., p. 48-54.

²²¹Nagel, T. Moral conflict and political legitimacy // *Philosophy & Public Affairs*. 1987. Vol. 16. N 3. P. 220.

²²²Ibid., p. 213.

²²³Wolin, S. The liberal/democratic divide. On Rawl's political liberalism // *Political Theory*. 1996. Vol. 24. N 1. 1996. P. 103.

норм в плюралистическом сообществе. Ролз настаивает на том, что любой принцип, претендующий на всеобщую значимость, должен обязательно обосновываться перед носителями альтернативных мировоззрений с помощью аргументов, которые имеют публичный характер – то есть 1) являются интуитивно понятными и приемлемыми для большинства граждан²²⁴ и 2) дают соответствующему принципу оценку в терминах общего блага.

Под перекрывающим консенсусом Ролз подразумевает набор принципов справедливости, относительно которых может быть достигнуто соглашение между носителями различных идентичностей²²⁵. Мотивы, по которым представители различных групп считают конкретный принцип соответствующим их интересам, могут быть различными. Необходимым условием здесь является лишь возможность построить логически непротиворечивую аргументацию в пользу принятия этого принципа, которая была сопоставима с общей картиной мира той или иной группы. Люди, исповедующие различные религии, могут тем не менее согласиться с тем, что каждый из них имеет право верить в того бога, в которого считает нужным, даже несмотря на то, что посылки, лежащие в основании их признания права на свободу вероисповедания, существенно различаются²²⁶.

Подобно Хабермасу, Ролз отказывается от притязаний на то, что содержание «перекрывающего консенсуса» должно быть установлено единственно возможным способом; философ признает, что набор базовых принципов, которые полагаются приемлемыми гражданами плюралистического либерального государства, может изменяться в зависимости от внешних и внутренних обстоятельств. Тем не менее, Ролз все же перечисляет набор основных институтов, по его мнению обеспечивающих эффективную реализацию принципов, на которых устроено либеральное общество, и которые его граждане,

²²⁴В том смысле, что не отсылают к каким-то специфическим практикам отдельной группы, будь то религиозные представления о допустимости каких-то действий или аристократические кодексы чести. Ibid.

²²⁵Ibid., p. 134.

²²⁶Пример заимствован у Л. Венара. См. Wenar, L. John Rawls // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), Spring 2009 Edition. § 3.5. Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2009/entries/rawls/#LegLibPriLeg>

независимо от их частных картин мира, могут принять в качестве разумных политических установлений. Этот набор представляет собой расширенный список принципов справедливости, сформулированных в работе 1971 г. Кроме необходимости справедливого распределения ресурсов и предоставления равных прав и (относительно) равных возможностей, Ролз упоминает даже такие специфические механизмы, как универсальная система здравоохранения, государственное финансирование выборов и пособие по безработице. Подобные частности, однако, имеют лишь опосредованное отношение к тем аспектам его работы, которые представляют интерес с точки зрения теории общественного договора.

Помимо «Политического либерализма», в рамках развития делиберативного проекта были также предложены несколько концепций, развивающих те или иные версии принципа публичного обоснования (*public justification*) – практически направленной реализации интенций дискурса-этики Хабермаса²²⁷. Один из наиболее интересных проектов подобного рода предложил Т. Скэнлон. В его теории «контрактуализма» делается оригинальный ход «от противного»: он использует в качестве морального «фильтра» (т.е., мета-принципа, который, согласно второй версии общественного договора в философии Канта, служит для проверки морального «статуса» разнообразных этических и политических норм²²⁸) не согласие всех заинтересованных индивидов, а невозможность отвержения того или иного императива на разумных началах. По Скэнлону, любой принцип, регулирующий индивидуальные (и групповые) поступки может претендовать на нормативный статус, если ни один человек из числа тех, на кого распространяются какие-либо последствия, вызванные применением этого принципа, не может предоставить рациональные доводы против его принятия²²⁹. Легко заметить, что подобный мета-этический фильтр обладает повышенным порогом толерантности и позволяет гораздо большему числу частных

²²⁷Gaus G. *The Order of Public Reason*, New York: Cambridge University Press, 2011. Quong, J. *The Scope of Public Reason* // *Political Studies*. 2004. Vol. 52. N 2. P. 233–250.

²²⁸См. выше, раздел 2 главы 1.

²²⁹Scanlon T. *What We Owe to Each Other*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. P. 135

нормативных систем претендовать на статус базовых принципов справедливости: этот фильтр требует не схождения преимуществ, предполагаемых неким принципом, индивидуальной концепции рациональности, а подробного описания того, почему этот принцип является строго неприемлемым.

Концепция контрактualизма Скэнлона сильно повлияла на развитие договорной традиции. Н. Саутвуд предпринял попытку совместить контрактualистский подход и элементы дискурс-этики Хабермаса с целью преодолеть трудности, связанные с понятием «разумного отвержения» у Скэнлона, и вернуть концепту договора позитивную направленность (акцент на соглашение, а не невозможность отвержения)²³⁰. Идеи Скэнлона также активно используются Д. Парфитом в работе «On What Matters»²³¹ – трактате, который, вероятно, является наиболее важной работой в сфере нормативной политической мысли, появившейся после «Теории справедливости».

Еще одним перспективным направлением развития договорной парадигмы сегодня является т. н. «кантианский конструктивизм» – методология философского анализа человеческих представлений о должном, основанная на современной интерпретации этической теории Канта, которую предложил в 1980 г. Дж. Ролз²³². В данном случае термин «конструктивизм» не должен вводить в заблуждение. Хотя сторонники этого направления разделяют общее для всех разновидностей конструктивизма, появившихся в течение XX в., убеждение в том, что социальные нормы формируются в ходе социальных интеракций, они вместе с тем не рассматривают регулятивные принципы в качестве «изобретенных» идей. «Конструктивистский» характер этих принципов заключается лишь в том, что они выводятся с помощью дедуктивных методов из определенной концепции человеческой природы. Ролз указывает, что в рамках кантианской версии конструктивистского подхода создается только содержание этической теории; сама же процедура обоснования и легитимации не является

²³⁰Southwood N. Contractualism and the Foundations of Morality. Oxford: Oxford University Press, 2010.

²³¹Parfit D. On What Matters, Oxford: Oxford University Press, 2011. Краткое изложение теории Парфитасм. ниже, в примечании 288

²³²Rawls J. Kantian Constructivism in Moral Theory // Journal of Philosophy. 1980. Vol. 77. N 9. P. 515-572

предметом конструирования. Напротив, она составляет «фундамент» или, если угодно, «строительный материал», без которого невозможен весь процесс²³³. Таким образом, «конструирование» реальности в данном случае оказывается скорее реконструированием общепринятых моральных представлений и попыткой укоренить их в определенных врожденных характеристиках человеческого разума.

Как и в других разновидностях контрактарианизма, в кантианском конструктивизме предельным основанием легитимности политических или этических норм является всеобщее согласие; однако согласие здесь не обязательно понимается как некий, пускай даже гипотетический, акт договора между рациональными и автономными индивидами. В конструктивистской парадигме универсальная перспектива может достигаться с помощью иного приема, использованного, например, в категорическом императиве Канта²³⁴: индивиду при размышлении о статусе некоторого нормативного принципа предлагается вынести суждение относительно возможности использования данного принципа в качестве всеобщего закона. Если конкретная норма проходит соответствующий фильтр, т.е. принимается (или не может быть отвергнута) всеми релевантными агентами, то она не может быть квалифицирована как ошибочная или неправильная с моральной точки зрения. Такая процедура не подразумевает необходимость торга (как в договорных концепциях Бьюканана и Таллока, Ролза или Готье) или даже совместного обсуждения индивидами для легитимизации того или иного принципа; таким образом, идея договора присутствует в данной традиции лишь в латентной форме.

Кантианский конструктивизм отличается от других современных версий контрактарианизма еще в нескольких важных отношениях. Если в большинстве договорных концепций предполагается, что основанием легитимности [политических] норм является их конгруэнтность с индивидуальными

²³³Rawls, J. *Themes in Kant's Moral Philosophy // Kant's Transcendental Deductions* / E. Forster (ed.). Stanford: Stanford University Press, 1989. P. 98-99.

²³⁴Который, собственно, и является первым примером использования методологии, лежащей в основании кантианского конструктивизма, как было отмечено выше. См. §1.2 настоящего исследования.

интересами, то сторонники кантианского конструктивизма настаивают на том, что причины, по которым следует подчиняться требованиям морали или политическим институтам, заложены в самой природе человека как рационального агента. Данная концепция развивает кантианское представление о том, что моральные нормы могут быть обоснованными только в том случае, если они выводятся из требований практического разума и являются автономными от каких-либо внешних источников легитимности.

Другим важным отличием проекта, лежащего в основании кантианского конструктивизма, от современных интерпретаций договорной парадигмы (особенно от делиберативных версий) является универалистский, если не сказать телеологический, характер. В этот проект имплицитно заложено представление о том, что результатом «конструирования» должно стать множество принципов, каждый из которых будет интуитивно понятен любому индивиду. Но в таком случае для обоснования этих принципов не требуются ни отсылка к традициям локального сообщества (на чем настаивают коммунитаристы), ни использование «перекрывающего консенсуса» (что предлагает сам Ролз в «Политическом либерализме»). Так как содержание и мотивация к принятию системы норм очевидны каждому, то использования дополнительных источников легитимности становится излишним²³⁵.

Влиятельную версию кантианского конструктивизма предложила К. Корсгор. Как и Ролз, и сторонники делиберативных интерпретаций договорной теории, Корсгор подходит к вопросу обоснования легитимности норм с процедурной точки зрения. Она полагает, что «ответы на моральные вопросы существуют, если существуют корректные процедуры, позволяющие их получить»²³⁶. В силу того, что Корсгор до определенной степени признает существование моральных истин, она определяет свою концепцию как разновидность «процедурного реализма». Тем не менее, сама Корсгор указывает,

²³⁵Ср. O'Neill, O. Constructivism in Rawls and Kant // *The Cambridge Companion to Rawls* / S. Freeman (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 359. Как уже отмечалось выше, подобная проблема возникает и в кантовской, и в ролзианской политической теории. См. с. 54-56 и 78-79 настоящего исследования.

²³⁶ Korsgaard, C. M. *The Normative Question* // *The sources of normativity* / Korsgaard C. M., O'Neill O. (eds.). Cambridge University Press, 1996. P. 36-37.

что ее теорию следует отличать от ортодоксального морального реализма, т.е. допущения того, что универсальные моральные истины существуют независимо от любых процедур их установления или постижения²³⁷. Она полагает, что единственным основанием легитимности каких-либо норм является их соответствие требованиям практического разума, сформулированным в категорическом императиве. Важным преимуществом подобного подхода является то, что он позволяет обойти возражения со стороны морального скептицизма, поскольку предоставляет интуитивно очевидные причины в пользу следования нормам, тогда как фундаментальный реализм может лишь ограничиться постулированием их существования и – в некоторых версиях – обоснованием их с помощью ссылок на метафизические сущности. Но подобные ссылки являются недоказуемыми и поэтому аргументация реалистов уязвима для критики со скептических позиций²³⁸.

В целом, в рамках договорной традиции сегодня можно выделить три главных направления. Первое, представленное в «Теории справедливости» Ролза, а также в работах Бьюканана, Нозика и Готье, основывается на классической контрактарианской концепции индивида как рационального автономного существа, максимизирующего свою полезность. В рамках этого направления акцент делается на проблемах распределительной справедливости. Ко второму направлению можно отнести Хабермаса, позднего Ролза, Саутвуда, а также разнообразных представителей концепций делиберативной демократии и «эпистемической» демократии. Эти авторы дополняют «эгоистическую» модель человеческой природы коммуникативными аспектами и фокусируются на изучении принципов достижения консенсуса относительно базовых конституционных принципов мультикультурного общества. Наконец, в центре внимания представителей третьего направления (к которому относятся Корсгор,

²³⁷Ibid.

²³⁸Korsgaard, C. M. The constitution of agency: Essays on practical reason and moral psychology. Oxford University Press, 2008. P. 30-31. Ср. также Bagnoli, C. Constructivism in Metaethics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), Winter 2011 Edition. § 2.2. Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/win2011/entries/constructivism-metaethics/>

О'Нил и отчасти Скэнлон²³⁹), известного как «кантианский конструктивизм», находится проблема поиска неких универсальных принципов, выступающих в качестве предельного морального стандарта, позволяющего оценивать повседневные поступки с точки зрения нравственности и основанного на требованиях практического разума.

2.4 Теория общественного договора и эмпирические исследования.

Современная теория общественного договора во многом основана на позитивистских научных принципах. Большинство ключевых ее допущений и содержательных выводов могут быть переформулированы в виде гипотез, поддающихся эмпирической проверке. Попытки выйти за рамки формальных дискуссий и подтвердить (или опровергнуть) отдельные положения договорных теорий со ссылкой на эмпирические данные были предприняты уже вскоре после появления на свет «Теории справедливости». Большая часть таких попыток основывалась на экспериментальном методе и осуществлялась в русле поведенческой экономики – направления современной экономической науки, посвященного изучению того, как функционирует человеческая рациональность в ситуациях реальных социальных взаимодействий. В рамках этого направления были получены фундаментальные результаты, заставившие пересмотреть базовые положения теории рационального выбора. Следствием этого стало формирование альтернативных традиционной утилитаристской модели концепций рациональности, таких как теория перспектив (prospect theory) Д. Канемана и А. Тверски²⁴⁰, байесовская теория принятия решений, концепция ограниченной рациональности Г. Саймона, равно как и многочисленные попытки аккумулировать накопленные в экспериментальных исследованиях данные в имеющиеся теоретико-игровые методы моделирования рационального поведения.

²³⁹О. О'Нил, например, отмечает, что «парадоксальным образом Ролз, который называет себя конструктивистом, может обоснованно рассматриваться как контрактуалист, тогда как Скэнлон, пользующийся термином "контрактуализм", не использует... концепцию соглашения и поэтому может быть назван конструктивистом». O'Neill, O. Constructivism vs. Contractualism // Ratio. 2003. Vol. 16.N 4. P.330-331

²⁴⁰130. Kahneman, D., and Tversky, A. Prospect Theory: An Analysis of Decision Under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47. N 2. P. 263–291.

Эта тенденция нашла своё отражение и в (политической) философии – заимствованное в социологии понятие агентности (agency) все чаще используется в качестве альтернативной модели рационального и автономного индивида концепции личности²⁴¹. Использование рассмотренных выше теорий коммуникативной рациональности также было вызвано стремлением преодолеть недостатки и противоречия классической модели рациональности, обнаруженные в ходе эмпирических исследований. Кроме того в недавних работах К. Листа и Ф. Дитриха была предложена пропозициональная теория рациональности (reason-based theory of rational choice), в рамках которой традиционная модель выбора, основанного на сравнении полезности различных альтернатив, дополняется анализом внутренней непротиворечивости суждений относительно различных качеств, присущих этим альтернативам²⁴².

Среди прочих моделей рациональности, появившихся в рамках переосмысления классической теории рационального выбора в свете новых экспериментальных данных, можно также выделить оригинальную «гоббсовскую» концепцию личности Дж. Айнсли. В рамках этой концепции индивид представляется как набор конфликтующих единичных интересов, различающихся по своей интенсивности, степени полезности и временному горизонту и находящихся в состоянии анархической борьбы за «выживание» (т.е. за собственную реализацию), подобного гоббсовской «войне всех против всех»²⁴³.

Вместе с тем исследования общих принципов, которыми люди руководствуются при принятии решений, лишь косвенно соотносились с теорией общественного договора. Тем не менее, был проведен ряд экспериментов, в которых проверялась базовая идея всех договорных теорий – о том, что индивид, чье поведение определяется некоторыми [социально заданными] предпочтениями

²⁴¹ Pettit P. A theory of freedom: from the psychology to the politics of agency. Oxford: Oxford University Press, 2001. 193 p. Pettit P. Agency-freedom and Option-freedom // Journal of Theoretical Politics. 2003. Т. 15. №. 4. С. 387-403. Pettit P. Rationality, reasoning and group agency // Dialectica. 2007. Vol. 61. N. 4. P. 495-519. Pettit P. Responsibility Incorporated // Ethics. 2007. Vol. 117. N 2. P. 171-201.

²⁴² Dietrich F., List C. A Reason-Based Theory of Rational Choice // Nous. 2013. Vol. 47. N 1. P. 104-134. См. также Dietrich F., List C. Reason-Based Rationalization. Режим доступа: <http://personal.lse.ac.uk/list/PDF-files/Rationalization.pdf>.

²⁴³ Ainslie, G. Picoeconomics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. Ainslie, G. Breakdown of Will. Cambridge: Cambridge University Press, 2001

и соответствует определенной концепции рациональности, согласится с требованиями теории справедливости, дедуктивно выводимой из этой концепции.

Пионерами в этом направлении исследований выступили Н.Фролих, Д. Оппенгеймер и Ш. Иви. В своих работах 1987 г. они показали, что в ситуации, воспроизводящей ролзианский выбор за завесой неведения, действительно может быть достигнуто единогласное решение относительно принципов разделения благ в коллективе²⁴⁴. Ими, однако, было установлено, что содержание такого «экспериментального» общественного договора отличается от предсказаний как самого Ролза, так и основной альтернативы его модели, утилитаризма (представленного в виде принципа максимизации средней полезности сообщества). Наиболее популярным выбором в экспериментах Фролиха, Оппенгеймера и Иви стал так называемый интуиционистский принцип, представляющий собой компромисс между ролзовскими принципами справедливости и ортодоксальным утилитаризмом: максимизацию среднего уровня дохода группы с представлением фиксированных гарантий минимального дохода тем, кому не повезет после поднятия «завесы неведения»²⁴⁵.

Эти результаты были в общих чертах воспроизведены в серии последующих работ²⁴⁶. Наиболее распространенным выбором в исходной ситуации в большинстве исследований оказывались различные комбинированные принципы справедливого перераспределения. К подобным выводам пришли и авторы, работавшие с использованием т.н. модели «беспристрастного

²⁴⁴Frohlich N., Oppenheimer J., Eavey C. Laboratory results on Rawls distributive justice // *British Journal of Political Science*. 1987. V. 17. N 1. P. 1-21. Frohlich N., Oppenheimer J. A., Eavey C. L. Choices of principles of distributive justice in experimental groups // *American Journal of Political Science*. 1987. Vol. 31. N 3. P. 606-636.

²⁴⁵Согласно защищаемому Ролзом принципу различия, благосостояние группы может увеличиваться только при увеличении дохода самых бедных; утилитаристская доктрина акцентирует внимание на повышении среднего уровня доходов по группе без ограничений на минимальный или максимальный доход

²⁴⁶Frohlich N., Oppenheimer J. A. Choosing justice in experimental democracies with production // *The American Political Science Review*. 1990. Vol. 84. N 2. P. 461-477. Lissowski G., Tyszka T., Okrasa W. Principles of Distributive Justice Experiments in Poland and America // *Journal of Conflict Resolution*. 1991. Vol. 35. N 1. P. 98-119. Bond D., Park J. C. An empirical test of Rawls's theory of justice in Korea and the United States // *Simulation & Gaming*. 1991. Vol. 22. N 4. P. 443-462. Frohlich N., Oppenheimer J. A. Choosing justice: An experimental approach to ethical theory. University of California Press, 1992. Vol. 22. Jackson M., Hill P. A fair share // *Journal of Theoretical Politics*. 1995. Vol. 7. N 2. P. 169-179. Dela Cruz-Dona R., Martina A. Diverse groups agreeing on a system of justice in distribution: Evidence from the Philippines // *Journal of Interdisciplinary Economics*. 2000. Vol. 11. N 1. P. 35-76. Oleson, P. 2001. An experimental examination of alternative theories of distributive justice and economic fairness. Ph.D. diss., University of Arizona. Herne, K., Suojanen M. The role of information in choices over income distributions // *Journal of Conflict Resolution*. 2004. Vol. 48. N 2. P. 173-193.

наблюдателя»²⁴⁷. Особый интерес в этом отношении представляют работы К. Херне с соавторами²⁴⁸, в которых не просто рассматривается выбор принципов справедливости в ситуации, воспроизводящей эпистемические ограничения исходного состояния по Ролзу, а напрямую сравниваются различные модели естественного состояния. В частности, в рамках экспериментов, поставленных Херне и её коллегами, завеса неведения Ролза сравнивалась с моделью с полной информацией, предложенной Т. Скэнлоном²⁴⁹, а также с моделью «беспристрастного наблюдателя». Любопытно, что, согласно результатам этих исследований, принцип различия, предложенный Ролзом, чаще выбирался в модели исходного состояния, описанной Скэнлоном. За завесой неведения мнения испытуемых чаще всего сходились к выбору утилитаристского принципа максимизации полезности (с определенными гарантиями минимального дохода для членов группы).

Таким образом, экспериментальные данные подтверждают критическое замечание Д. Харсаньи относительно того, что именно традиционный принцип максимизации, а не принцип различия, является наиболее рациональным выбором в ролзовской модели общественного договора. В целом, лабораторные

²⁴⁷Модель беспристрастного наблюдателя основывается на идеях Д. Юма и А. Смита. Согласно этой модели, если выбор принципов справедливости должен делаться безотносительно к какому-либо конкретному контексту, то наилучшим образом такой выбор может произвести человек, который обладает абсолютной рациональностью и доступом ко всей релевантной информации и при этом никоим образом не соотносится с тем сообществом, для которого устанавливаются принципы справедливости. В силу того, что в данной модели отсутствуют трансакционные издержки (для выбора не требуется проводить переговоры между членами группы – его совершает один-единственный индивид), она представляется более простой для реализации в лаборатории, чем воспроизведение «завесы неведения». В экспериментальных исследованиях, использующих модель беспристрастного наблюдателя, вместо гипотезы о достижении единогласия относительно наилучшего принципа перераспределения тестируется гипотеза о сходимости выборов испытуемых. См. Konow J. Adam Smith and the modern science of ethics // *Economics and Philosophy*. 2012. Vol. 28. N 3. P. 333. Konow J. Which is the fairest one of all? A positive analysis of justice theories // *Journal of economic literature*. 2003. Vol. 41. N 4. P. 1188-1239. Konow J., Earley J. The Hedonistic Paradox: Is “homo economicus” happier? // *Journal of Public Economics*. 2008. Vol. 92. N 1. P. 1-14. Traub S., Seidl C., Schmidt U., Levati, M. V. Friedman, Harsanyi, Rawls, Boulding—or somebody else? An experimental investigation of distributive justice // *Social Choice and Welfare*. 2005. Vol. 24. N 2. P. 283-309. Scott J. T. et al. Just deserts: an experimental study of distributive justice norms. Режим доступа: http://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1184&context=psychfacpub&seid=1&referer=http%3A%2F%2Fscholar.google.ru%2Fscholar%3Fq%3DScott%2Bet%2Ba%2B%2BJustice%2BExperiment%2B2001%26btnG%3D%26hl%3Dru%26as_sdt%3D0%252C5#search=%22Scott%20et%20al%20Justice%20Experiment%202001%22

²⁴⁸Herne K., Suojanen M. The role of information in choices over income distributions // *Journal of Conflict Resolution*. 2004. Vol. 48. N 2. P. 173-193. Herne, K., Mård T. Three versions of impartiality: an experimental investigation // *Homo Oeconomicus*. 2008. Vol. 25. N 1. P. 27-53.

²⁴⁹Имеется в виду не его классическая работа *What we owe to each other*, а более ранняя статья: Scanlon, T.M. *Contractualism and Utilitarianism // Utilitarianism and Beyond / Sen, A. and B. Williams (eds.)*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 103-108.

исследования в области контрактарианской теории говорят о том, что условия, в которых происходит выбор базовых принципов справедливости, могут влиять на содержание этого выбора. Соответственно, спецификация исходного состояния (которая неизбежно предшествует выбору самих принципов справедливости) является определяющей для построения цельной теории справедливости, основанной на договорном подходе. В этом смысле значительный интерес представляет дальнейшее [экспериментальное] изучение того, как меняются представления об идеальных принципах справедливости в зависимости от характеристик исходной ситуации. Можно предположить, что черты подобных представлений, которые остаются инвариантными при изменении условий выбора, являются наиболее фундаментальными свойствами понимания людьми проблем справедливости. Соответственно, новые экспериментальные результаты могут продвинуть теоретические изыскания по данному вопросу, предоставив дополнительные свидетельства как относительно реалистичности посылок, используемых в договорных концепциях, так и относительно правомерности содержательных умозаключений, основывающихся на этих посылках.

Другим направлением поиска эмпирических свидетельств валидности теории общественного договора являются работы в области эволюционной социологии, фокусирующиеся на изучении процессов формирования и изменения общественных институтов. Как и в эволюционной биологии, в этой области широко распространены теоретико-игровые методы, что делает её формальный аппарат очень близким к тому, который используется в договорных теориях. Первым примечательным исследованием в данной сфере стала работа Р. Сагдена «Экономика прав, кооперации и благосостояния»²⁵⁰, в которой математические методы использовались для анализа процессов возникновения ключевых экономических институтов (отраженных в названии книги) и различных форм

²⁵⁰Sugden R. The economics of rights, co-operation and welfare. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 191 p

альтруистического поведения как побочного результата спонтанных человеческих взаимодействий²⁵¹.

Возможно, наиболее масштабной и влиятельной попыткой рассмотреть теорию общественного договора с эволюционной точки зрения является двухтомный труд К. Бинмора «Теория игр и общественный договор» (и дополняющая его книга «Естественная справедливость», в которой даётся нетехническое изложение соответствующих идей)²⁵². Бинмор пытается придать концепции «справедливости как честности» динамическое измерение и указывает, что она является естественным решением задачи нахождение равновесия в бесконечно повторяющихся кооперативных играх²⁵³. Он придает соответствующей формальной задаче конкретный смысл через посредство использования двух метафор: игры «жизнь» (Game of Life) и игры «мораль» (Game of Morals). Первая «игра» является отражением фундаментальной задачи человеческих обществ – обеспечить собственное выживание. Эта игра целиком и полностью играется по правилам природы, которые люди не в силах изменить. Моральные нормы, согласно Бинмору, являются формой адаптации человеческих коллективов к изменяющимся внешним условиям. Так как социум может существовать только в том случае, если всего его члены придерживаются одних и тех же правил, то на каждом новом этапе игры «жизнь» необходимо выбрать базовые принципы, регулирующие общественное взаимодействие (т.е. метод нахождения равновесного решения в игре, если следовать оригинальной терминологии). Для координации представлений индивидов относительно правил взаимодействия вводится игра «мораль» (которая представляет собой

²⁵¹Подход Сагдена во многом основывается на идее спонтанного рыночного порядка, столь важной для либертарианской политической философии фон Мизеса и фон Хайека. В этом отношении он может рассматриваться как попытка дать политической теории либертарианства формальную интерпретацию в духе договорной традиции. См. Sugden R. Normative judgments and spontaneous order: The contractarian element in Hayek's thought // Constitutional Political Economy. 1993. Vol. 4. N 3. P. 393-424. Sugden R. Spontaneous order // The Journal of Economic Perspectives. 1989. Vol. 3. N 4. P. 85-97.

²⁵²Binmore K. Game theory and the social contract: Volume 1. Playing fair. Cambridge, MA: MIT Press, 1994. Binmore K. G. Game theory and the social contract: Volume 2. Just playing. Cambridge, MA: MIT Press, 1998. Binmore, K. Natural justice. Oxford University Press, 2005.

²⁵³Binmore K. G. Game theory and the social contract: Volume 2. Just playing. Cambridge, MA: MIT Press, 1998. Vol. 2. P. 59-142

разновидность общественного договора): люди сообща выбирают институты, определяющие их поведение в более фундаментальной игре на выживание. Так как эти институты выбираются единогласным решением, то представители социума, противостоя природе, исходят из того, что их товарищи действуют схожим образом и руководствуются схожими мотивами в своем поведении. Это дополнительное знание позволяет снизить трансакционные издержки и получить определенные гарантии на случай выбора неудачной индивидуальной стратегии в игре «жизнь». Таким образом, установление некоего нормативного порядка (как инструмента координации общественных процессов) представляется рациональным выбором для отдельных индивидов, стремящихся обеспечить собственное выживание.

Несмотря на охват широкого круга проблем и несомненную новизну, подход Бинмора был подвергнут серьезной критике. В частности, как указывает Б. Скимс, концепция равновесия по Нэшу, совершенного относительно подыгр, которую Бинмор использует в качестве основного способа решения кооперативных игр, не всегда позволяет отобрать единственное равновесие из множества (что характерно для повторяющихся кооперативных игр), по крайней мере за приемлемое время. Таким образом, утверждение о том, что «справедливость как честность» является универсальным решением, может быть поставлено под сомнение и уж точно требует более обстоятельного доказательства, нежели предоставленное Бинмором²⁵⁴. Кроме того, Р. Сагден отмечает, что непонятно, зачем возникает необходимость во введении игры второго порядка, а именно игры «мораль», если устанавливаемые в результате принципы справедливости являются одновременно наилучшим способом решения проблемы координации в игре «жизнь». Почему тогда просто не ограничиться поиском оптимального решения для более широкой игры?²⁵⁵

Альтернативный вариант эволюционного обоснования договорной теории был предложен в работах Б. Скимса, который показал с помощью теории

²⁵⁴Skyrms, B. Ken Binmore's Natural Justice // *Analyse & Kritik*. 2006. Vol 28. N 1. P. 99-101

²⁵⁵Sugden R. Ken Binmore's evolutionary social theory // *The Economic Journal*. 2001. Vol. 111. N 469. P. 231 (213-243)

повторяющихся кооперативных игр, как формируются социальные конвенции в таких разных сферах, как принципы распределительной справедливости, отношения собственности и даже языковые нормы²⁵⁶. Одним из наиболее важных результатов его книги «Эволюция общественного договора» является вывод о том, что на практике социальные нормы не всегда являются наиболее рациональным выбором; напротив, вполне возможно, что в конкретном социуме будут установлены субоптимальные принципы справедливости, которые (в силу чрезвычайной инертности общественных норм) будут достаточно устойчивыми в долгосрочной перспективе и смогут противостоять попыткам заменить их на более эффективные²⁵⁷. С другой стороны, подобная устойчивость конвенций, возникших в результате спонтанных социальных взаимодействий, может рассматриваться как дополнительный аргумент против возражений тех авторов, которые указывают на уязвимость норм, предписываемых различными договорными теориями, по отношению к кратковременным стимулам к хищническому или эгоистическому поведению.

В своей недавней работе «Источники морали» К. Бём, этолог и социальный антрополог из Университета Южной Калифорнии, показал на основе данных по нескольким десяткам примитивных обществ, что возникновение перераспределительных институтов на определенном этапе человеческой истории было вызвано к жизни причинами, весьма схожими с теми мотивами, которые в договорной традиции рассматриваются в качестве основных при заключении конституционного договора: стремлением минимизировать риски от неудачной

²⁵⁶Skyrms B. *Evolution of the social contract*. Cambridge University Press, 1996. См. также Skyrms B. *The stag hunt and the evolution of social structure*. Cambridge University Press, 2004.

²⁵⁷Одним из примеров устойчивости норм, кажущихся нам сегодня совершенно иррациональными, но тем не менее обладавших определенной эффективностью, является разновидность «Божьего суда», предусмотренная Кодексом Хаммурапи и многими последующими законодательными сводами в различных обществах: обвиненного в тяжком преступлении бросали связанным в реку для проверки его виновности (доказательством которой являлась гибель человека). Однако если человеку удавалось выжить, то обвинитель/доносчик в свою очередь приговаривался к смерти. С современной точки зрения, Божий суд основывается на крайне спорном суеверии и позволяет злонамеренным людям оговаривать других с целью завладеть их имуществом, либо получить какие-то иные предпочтения. Однако можно показать, что широкое распространение среди населения убежденности в истинности таких суеверий является достаточным средством, позволяющим предотвратить массовые злоупотребления и обеспечить относительную эффективность данной правовой нормы. См. Fudenberg, D., Levine, D. 2004. *Steady state learning and the code of Hammurabi* // Harvard Institute of Economic Research. Discussion paper No. 2034. Ржим доступа:

http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=564263.

охоты и повысить благосостояние всех членов социума, а не только самых физически развитых индивидов (что в конечном счете способствовало бы выживанию всего коллектива)²⁵⁸. В более раннем исследовании Бём отмечает, что одной из причин установления эгалитарных институтов в первобытных группах явились коллективно разделяемые их членами опасения оказаться в ситуации индивидуальной зависимости от более способных соплеменников в случае сохранения «права сильного» как основного принципа регулирования социальных отношений. Как указывает Бём, несмотря на то, что каждый отдельный представитель группы стремится к индивидуальному доминированию (как и любой биологический организм), риск оказаться проигравшим, а не победителем во внутривидовой конкуренции достаточно велик. В силу этого члены группы предпочитают подчиняться авторитету обезличенной группы, а не переменчивой воле конкретного человека²⁵⁹. Обращает на себя внимание, что описанная реконструкция происхождения идей равенства и приоритета коллективной воли над индивидуальной (как основного инструмента защиты равенства, а вместе с ним и относительной личной свободы) в первобытных обществах во многом перекликается с гоббсовским пониманием общественного договора как акта отчуждения собственной анархической свободы в пользу суверена (которым может являться не только индивид, но коллективный орган, и группа в целом) – ради обеспечения более высокого уровня безопасности по сравнению с естественным состоянием. Представляется, что эта модель, опирающаяся на большой массив этнографических данных, может рассматриваться как свидетельство того, что традиционные представления об общественном договоре основываются не только на специфических идеологических установках, возникших в Европе Нового времени, но также и отражают фундаментальную логику макроэволюции человеческих обществ.

В целом, однако, эволюционные договорные концепции относятся к сфере социологии, а не нормативной теории, так как объясняют, почему возникают те

²⁵⁸Boehm, C. *Moral origins: The evolution of virtue, altruism, and shame*. Basic Books, 2012.

²⁵⁹Boehm, C. *Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior*. Harvard University Press, 2009. P. 65

или иные моральные системы, а не предписывают некие нормы в качестве наилучших, и являются, таким образом, теориями происхождения морали, а не моральными теориями²⁶⁰. По большому счету, эволюционные аргументы показывают лишь, что моральный порядок может быть установлен как некий компромисс (равновесное состояние), обусловленный структурой потребностей, доминирующих в некотором сообществе, балансом основных социальных групп и давлением внешней среды. С другой стороны, эволюционная необходимость обеспечить выживание вида – и повысить тем самым шансы на индивидуальное выживание – представляется вполне корректным аргументом, который может быть использован в дискуссии о легитимности той или иной моральной или политической нормы. В большей части контрактарианских концепций предполагается, что процесс рационализации норм происходит мгновенно (по историческим меркам), в рамках кратковременного торга/соглашения. Вместе с тем очевидно, что практический разум людей функционирует далеко не так эффективно, как предполагается теоретиками; тем не менее в долгосрочной исторической перспективе, как показывает практика, общества либо постоянно меняют свои институты на более эффективные (и справедливые – если рассматривать справедливость как нормативное измерение эффективности), либо проигрывают в эволюционной борьбе за выживание. Таким образом, эволюционный аргумент может быть представлен как своего рода свидетельство в пользу реальной применимости максимы, которая лежит в основании теории общественного договора, а именно тезиса о том, что создание нормативного порядка способствует более эффективному удовлетворению индивидуальных интересов.

²⁶⁰Skyrms B. Evolution of the social contract. Cambridge University Press, 1996, x.

ГЛАВА III ДОГОВОРНАЯ ТРАДИЦИЯ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

3.1. Сравнение классических и современных договорных теорий.

Возрождение в середине XX в. теории общественного договора произошло во многом благодаря появлению в арсенале социальных наук новых методологических инструментов, в основании которых лежали посылки, тесно перекликавшиеся с ключевыми постулатами классических контрактарианских концепций. Несмотря на разрыв в полтора столетия, преемственность современных и классических интерпретаций договорной традиции не вызывает сомнений. Сегодня договорные теории сохраняют изначально присущую им индивидуалистическую ориентацию: предполагается, что основным субъектом политического процесса (в широком понимании этого термина) является отдельный индивид, а не какие-то более масштабные социальные единицы. В общих чертах концепция человека в различных интерпретациях контрактарианизма схожа – это рациональный субъект, стремящийся к удовлетворению своих потребностей. Сохраняется инструментальная направленность договорных концепций, рассматривающихся в качестве способа легитимизации определенных политических институтов; однако отличается объект, по отношению к которому применяется аргументация, основанная на идее договора. Если раньше в центре внимания находились различные типы политических институтов, то сегодня степень абстракции выросла: некоторые современные версии договорной традиции обращаются уже к универсальным моральным принципам²⁶¹. Кроме того, многие контрактарианцы интересуются прежде всего процедурной, а не распределительной справедливостью, то есть теми принципами, которые определяют процесс принятия решений в сообществе: Бьюканан, Хабермас и Готье обосновывают именно справедливые процедуры, и только Ролз и Нозик на первый план выводят проблемы распределения.

²⁶¹Ср.: Cudd, A. Op. cit. Представляется, что сегодня контрактарианизм является одной из немногих теорий, наследующих античной традиции в том смысле, что не проводит различий между политикой и моралью. Договорная традиция обладает большим эвристическим потенциалом в вопросе легитимации любых типов нормативных институтов и поэтому он с успехом применяется как политическими, так и моральными философами.

Но в отличие от классических договорных теорий, современные контрактарианисты уже не используют ярко выраженное противопоставление естественного и политического состояний человеческого существования (за исключением Нозика). Вместо этого они вводят некоторую абстрактную ситуацию, которую можно было бы описать с помощью термина Т. Мора – «утопия», место, которое могло существовать, но никогда не существовало. Теоретики общественного договора конструируют такое воображаемое положение дел, в котором только *могли бы* оказаться люди. Исходя из определенных допущений о человеческой природе, они затем пытаются найти ответ на вопрос: какие конституирующие общественное взаимодействие принципы могут быть выбраны в таком состоянии? Этот вопрос отражает еще одну важную характеристику договорных теорий XX века, которую можно обозначить как «расчетную интенцию» и которая заключается в убеждении в том, что можно оценивать легитимность нормативных установлений с помощью мысленного эксперимента относительно того, что свободные и рациональные существа могли бы выбрать в качестве наиболее справедливого, если бы им представилась такая возможность. Различные авторы могут использовать различные версии такого эксперимента (подобно Хабермасу, можно даже отказываться от всяческих ограничений, упрощающих реальные жизненные взаимодействия) и различные концепции человека, однако сама итоговая цель остается неизменной.

Следующие основные черты присущи всем современным теориям общественного договора: 1) индивидуализм, 2) рационализм, 3) инструментализм, 4) введение гипотетического исходного состояния, 5) акцент на общие принципы справедливости (процедурные или распределительные), 6) «расчетная интенция». При этом пункты 1-2 и 4-6 касаются предметной сферы теории, а пункт 3 является главным отличительным моментом при понимании роли договорной идеи в современной политической философии – она является прежде всего инструментом, который, в принципе, можно использовать для защиты любых

типов государственного устройства (хотя по большей части общественный договор неразрывно связан с либерально-демократической традицией).

Уместно ли вообще говорить о контрактарианизме как о единой традиции, или же следует признать, что единственным, что объединяет теории договора сегодня, является только метафора договора? В самом общем смысле слова, общественный договор – это теория, которая кладет в основание легитимности политического режима согласие управляемых²⁶². Иначе говоря, она предполагает, что существование любых политических институтов (а если понимать политику лишь как одно из измерений нормативности – то и этических, и юридических), накладывающих определенные ограничения на поведение людей, должно быть одобрено индивидами, попадающими под их юрисдикцию. Теория общественного договора отличается от большинства других направлений политической философии особым видением мира социальных отношений. В основе этого видения лежит синтез двух элементов – индивидуализма и инструментального подхода к социальной кооперации и политическим институтам как частному ее проявлению. Эти ограничивающие человеческое поведение структуры создаются самими людьми, рационально преследующими свои интересы. Политические нормы представляются лишь как более удобный и надежный способ избежать непредвиденных опасностей, которыми чревато состояние анархии.

Индивидуальные интересы рассматриваются в рамках данной традиции как важнейший фактор, определяющий человеческое взаимодействие, и отсюда делается вывод, что лишь такое политическое устройство имеет легитимное право на существование, которое способствует их осуществлению – причем свою легитимность оно приобретает в факте согласия индивида с ограничениями его личной свободы, накладываемыми этим устройством. Отдельный человек становится критерием оценки эффективности власти и получает право (в

²⁶²По поводу определения теории общественного договора см. следующие источники: Cudd, Ann. Contractarianism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), Winter 2009 Edition. Friend, C. Social Contract Theory // Internet Encyclopedia of Philosophy. Режим доступа: <http://www.iep.utm.edu/soc-cont/> Kymlicka, W. The Social Contract Tradition // A Blackwell Companion to Ethics / P. Singer. (ed.). Wiley-Blackwell, 1996. P. 185. Boucher, D. and Kelly, P. Social Contract and Its Critics // The Social Contract from Hobbes to Rawls. Routledge, 1994. P. 1-34.

некоторых условиях) на законное сопротивление ей – в момент ущемления своих интересов.

Как представляется, именно это является общей чертой, объединяющей все договорные теории. Конкретные моральные принципы или политические режимы, которые защищают с использованием договорного инструментария различные авторы, являются в этом контексте лишь акциденциями. Философы, размышлявшие на эту тему, приходили к различным результатам в плане институционального дизайна: от абсолютной монархии до прямой демократии. Но именно признание определяющего значения индивидуального согласия, точнее, суммы индивидуальных согласий, для существования государства объединяет всех представителей договорной традиции и позволяет говорить о ней как о концептуально едином направлении современной общественной мысли. Более того, такой подход позволяет рассматривать теорию общественного договора как один из наиболее эффективных способов ответа на ключевой вопрос политической и, шире, всей моральной философии – вопрос о том, почему люди должны следовать нормам²⁶³.

Данное положение следует раскрыть подробнее. Указанный вопрос не был полностью осмыслен ни в классическую эпоху, ни ранее; для большинства философов он стал актуальным лишь в последние десятилетия. При этом сама его постановка, как представляется, логически вытекает из базовых допущений договорной парадигмы, более того, является прямым следствием инструментальной направленности последней. Если рациональный выбор, лежащий в основе договора, позиционируется как аргумент в пользу предложений того или иного политического философа, то, как и всякая аргументация вообще, это имплицитно подразумевает возможность сомнения в обоснованности соответствующих предложений. Сомнение это может быть двоякого рода: в качестве предложений, и в их целесообразности – в смысле их соответствия потребностям сомневающегося. Проще говоря, здесь возможен вопрос: а зачем субъекту нужен какой-то нормативный порядок?

²⁶³Обоснование см. ниже, §2.3. настоящего исследования.

Такой вопрос, если он задан, требует не простого ответа; ответ на него будет также и обоснованием претензий политической и моральной философии на нормативный характер своих указаний и, в конечном счете, на их онтологический статус, на их собственное бытие. В предельном смысле, это вопрос о знании, которое дает нам эта дисциплина, о его смысле, пределах и значении. Такой вопрос долгое время никем не задавался, да и не мог быть задан, так как не существовало предпосылок к его формулированию. По умолчанию предполагалось, что существует идеальный социальный порядок, на земле или же на небесах, и этот порядок может и должен быть постигнут философами и затем реализован в актуальной политической практике. Конкретные проекты, пытающиеся описать этот идеальный порядок, могли оспариваться; однако сама убеждение в существовании такого порядка никем не подвергалось сомнению.

Модель обоснования, предложенная в договорных теориях, впервые создала предпосылки для критики этого убеждения. Первые сторонники контрактарианизма попытались дать ответ на еще не заданный вопрос – почему следует политическим установлениям – как реально существующим, так и изображенным на страницах философских трактатов? Апелляция к эгоистической составляющей человеческого поведения, имплицитно присутствовавшая в рассуждениях классиков договорной традиции, подорвала авторитет метафизических аргументов в пользу того или иного проекта. Прежде во всех иерархиях бытия, известных в европейской философии, неважно, имели ли они платоновские или аристотелевские корни, собственно человеческое находилось на низшем уровне по сравнению с различными божественными и/или идеальными сущностями. Смысл политической философии, в том виде, в котором она сформировалась в Греции, заключался как раз в том, чтобы причаститься к этим божественным сущностям, и по мере возможности воплотить их в посюстороннем мире в форме идеальных политических установлений.

Ориентация на человеческое благо здесь и сейчас, в свою очередь, делает метафизическое обоснование излишним. Но тогда ставится под вопрос и сам

смысл политической философии – ведь ее цель как раз и заключается в воплощении этих трансцендентных сущностей в социальном. Конечно, представители договорной традиции не ставили вопрос так остро; напротив, все они были приверженцами естественно-правовой традиции и верили в существование высшего и неизменного закона, управляющего действиями людей, равно как и старались познать этот закон, и воплотить его в жизнь через свои идеи. Тем не менее, они все же допустили, что основным свойством человеческой природы является стремление к самосохранению – что, очевидно, не тождественно сократическому пониманию блага (как трансцендентного утилитарному, телесному удовольствию), лежавшему в основании всей предшествовавшей политико-философской традиции. Теория общественного договора стал косвенной причиной инфляции традиционной иерархии благаго. Как представляется, именно это открыло возможность для формирования различных неклассических направлений в политической философии. Возможно, наиболее выдающимся из них стал позитивизм с его установкой на “создание рая на земле”, пониманием общественных наук как средств технической реализации индивидуальных концепций блага и доктриной *vertfreiheit*.

С другой стороны, процесс становления политической идеологии (также относящийся к XIX веку) также до определенной степени стал реакцией на имплицитно заложенную в договорной теории критику традиционных философских представлений о благе: вероятно, все идеологии того времени и даже такая вывернутая наизнанку и вроде бы отрицающая ценности в принципе форма мышления, как нигилизм, – все они являлись попытками заполнить лакуны в привычной картине мира (или, в случае нигилизма, просто закрыть на них глаза). Перечисленные интеллектуальные изменения стали очень серьезным ударом по легитимности политической философии – и как дисциплины в рамках формирующейся современной системы наук, и как более субстанциального «предприятия», создающего критерии оценки политических и социальных изменений. Вместе с тем, невозможно утверждать, что позитивистская критика политической философии была бессмысленной или бессодержательной;

напротив, уход от метафизики стал основным трендом философской мысли даже и в тех направлениях, которые не были связаны с позитивизмом – вся постмодернистская философия подтверждает это. Таким образом, упомянутая выше инфляция иерархии благого стала важным фактором, повлиявшим на переосмысление политической философией своих целей и задач. Так как критика метафизических и трансцендентальных приемов обоснования имела под собой серьезные основания, вряд ли можно сожалеть о том, что традиционное представление о политической теории значительно трансформировалось под её воздействием. Это позволило перейти политической философии на новый уровень рефлексии, “познакомив” ее с достойным противником в лице эгоистичных устремлений, извечно свойственных людям, и осуществив относительно безболезненную «переоценку всех ценностей» в одной отдельно взятой дисциплине.

3.2. Общественный договор и проблема нормативности

В *«Трактате о человеческой природе»* Дэвид Юм заметил, что до сих пор все философы, писавшие об этических проблемах, суждения о должном выводили из суждений о сущем, хотя на самом деле никаких логических оснований для подобных умозаключений не существует²⁶⁴. Тем самым Юм сформулировал значимую проблему этической теории: какие бы основания не приводили авторы этических концепций в защиту своих идей, в реальной жизни постоянно фиксируются случаи отклонения индивидов от требований нравственности. Причина этого проста – корыстные интересы людей редко совпадают со строгими, зачастую требующими самопожертвования этическими нормами. Эгоизм обычно берет верх над моралью. Поэтому, по мнению Юма, моральные теории могут быть действенными, только если “следование им становится личным интересом”²⁶⁵.

²⁶⁴Юм Д. Трактат о человеческой природе / Пер. с англ. С.И.Церетели; примеч. И.С.Нарского // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1995. С. 229-230

²⁶⁵ Gauthier, D. *Morals by Agreement*. Clarendon Press, Oxford University Press, 1986. P. 2

Хотя существует значительное количество аргументов в пользу того, что точка зрения, высказанная Юмом, является адекватным, если не наилучшим отправным пунктом в вопросе обоснования моральных теорий²⁶⁶, многие философы, занимавшиеся вопросами теоретической этики, критически оценивали эгоистическое поведение, рассматривая его как нечто а- или даже антиморальное. Вероятно, наиболее последовательно подобные взгляды выражены в позиции Канта, согласно которой единственным допустимым мотивом нравственных поступков является чувство долга (или уважения) перед моральным законом. Вместе с тем, отвержение индивидуальных интересов в качестве мотивов следования нравственным императивам не отменяет вопроса о том, почему люди должны принимать требования морали. Представляется очевидным, что любая нормативная теория должна содержать в себе ответ на аргументы выведенного Гоббсом на страницах «Левиафана» безумца, утверждающего, что «так как каждый человек должен заботиться о своем самосохранении и об удовлетворении своих потребностей, то нет никакого основания, чтобы человек не мог делать того, что, с его точки зрения, ведет к достижению указанных целей, и вот почему как заключение, так и незаключение, как выполнение, так и невыполнение соглашений одинаково не противоречат разуму, если только это способствует чьему-либо благу»²⁶⁷. Как можно убедить подобного безумца в том, что он не прав? Можно ли доказать ему, что он должен иногда жертвовать интересами ради абстрактных этических теорий? Кристин Корсгор отмечает, что сегодня вопрос о том, почему следует подчиняться требованиям морали, является одним из наиболее важных, если не самым важным, в современной философии, «поводом для философствования, постижения жизни»²⁶⁸. Корсгор даже утверждает, что вся история современной политической философии может быть представлена как

²⁶⁶Gauthier, D. *Why Contractarianism?* // *Contractarianism and Rational Choice: Essays on David Gauthier's Morals by Agreement*, Cambridge University Press, 1991. P. 15

²⁶⁷Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения в 2 томах. Т.2. М.: Мысль, 1991. С. 111

²⁶⁸Korsgaard C. *The Normative Question*// *The sources of normativity* / Korsgaard C. M., O'Neill O. (ed.). Cambridge University Press, 1996. P. 9

“поиск источника нормативности”, то есть того, что дает людям основания принимать ограничения, накладываемые моральными теориями²⁶⁹.

Является ли максима, сформулированная Юмом (и имплицитно подразумеваемая в ранних договорных теориях Гоббса и Локка) эффективным решением проблемы нормативности, или же существуют превосходящие её альтернативные решения? Могут ли эгоистические интересы быть основанием нормативного порядка, или же в поисках «столпа» этической теории следует обратиться к различным вариантам морального реализма? Критерии осуждения эгоистического поведения и до Юма, и после него, как правило, имманентны теориям осуждающих философов и апеллируют к неким трансцендентным сущностям, лежащим в основе этих теорий. В качестве подобных трансцендентных сущностей могут выступать такие различные объекты как Бог, абстрактный “идеальный” порядок бытия, или же «объективные» законы исторического развития. Все они имеют одно примечательное свойство – они не могут быть ни верифицированы, ни фальсифицированы, по крайней мере, средствами современной науки. Это не означает с необходимостью, что они не существуют; просто в силу их метафизичности о них нельзя сказать ничего определенного. Признание авторитета этих сущностей и обосновываемых со ссылкой на них норм является скорее вопросом веры. Но вера – это глубоко индивидуальное дело, и таким образом, следование той или иной моральной теории становится произвольным выбором символа веры из множества изобретенных людьми к сегодняшнему дню.

Чтобы быть эффективной на практике, некоторая моральная концепция должна быть до определенной степени универсальной – универсальной в том смысле, что следование этим нормам должно быть приемлемым выбором для любого индивида, попадающего в сферу её юрисдикции. Однако произвольность принципов, составляющих фундамент различных моральных теорий, зачастую вступает в конфликт с требованием универсальной приемлемости предписываемых ими норм. Выражаясь более конкретно, это означает, что в силу

²⁶⁹Ibid., p. 18

произвольности – или культурной обусловленности (что в данном случае одно и то же) – этических теорий, отсылающих к метафизическим объектам в качестве своего предельного обоснования, невозможно получить однозначный и универсальный ответ на вопрос, почему необходимо повиноваться этим теориям. Требования слепой веры может оказаться недостаточно для обеспечения лояльности, но что делать в таком случае?

В первом приближении можно выделить три основных способа обоснования легитимности политической теории. Либо подчинение существующим нормам обеспечивается репрессивными и прямо насильственными методами. Либо нормативный порядок глубоко инкорпорирован в сознание членов общества, в котором он функционирует, в процессе социализации или мифотворчества, и индивиды не могут себе представить никаких разумных альтернатив существующему укладу жизни. Наконец, те или иные институты могут черпать свою легитимность из факта согласия с ними индивидов, чью свободу в удовлетворении своих жизненных целей они ограничивают; само согласие при этом обеспечивается осознанием людьми конгруэнтности этих институтов и своих интересов.

Первый из указанных способов, вероятно, для большинства моральных философов будет неприемлемым. Это, конечно, не отменяет того факта, что он часто применялся в истории. Тем не менее, даже в самых деспотичных в плане идеологии режимах существовали и были очень распространены на бытовом уровне альтернативные официальным моральные представления. Подобная «живучесть» «контр»-морали свидетельствует о том, что насилие вряд ли может быть главным инструментом обеспечения практического функционирования нормативных систем, не говоря уже о том, что лишь в немногих этических теориях насилие считается допустимым.

Ключевым условием для успешности второго метода обеспечения легитимности является ограниченная рациональность индивидов, вовлеченных в сферу действия соответствующей нормативной системы. Ограниченная рациональность здесь может пониматься достаточно широко. Она проявляется и в

индивидуальных психологических особенностях (заниженная или завышенная склонность к риску, неразвитость логического мышления; некритическое восприятие окружающей действительности), и в социальных условиях, в которых существуют люди (общая неразвитость знаний в обществе; доминирование традиционного, «мифологического» мышления; высокий уровень аномии и неопределенности). Эффективность данного метода достигается за счет того, что люди, принимающие положения некоторой нормативной системы, просто не осознают присущих ей внутренних противоречий; более того, иерархия их собственных интересов во многом задается таким образом, что согласуется с императивами системы и вынуждает защищать сложившийся порядок (даже несмотря на то, что имеются альтернативные наборы институтов, которые могли бы значительно повысить уровень благосостояния как отдельных индивидов, так и сообщества в целом).

Данный метод функционирует наподобие механизма легитимации, описанного Бергером и Лукманом в «Социальном конструировании реальности»²⁷⁰. Объяснения причин, почему данный институциональный порядок должен считаться «правильным» или «истинным», равно как и интеллектуальные основания для их принятия, сконструированы заранее, еще до рождения конкретного индивида, задающего этот вопрос, и передаются из поколения в поколение, освященные традицией. В смысловом пространстве, интеллектуальной «ойкумене» (в том, что Бергер и Лукман называют «символическим универсумом»), задающей спектр доступных отдельным людям знаний – а, следовательно, и вопросов, которые могли бы быть заданы относительно устройства соответствующего общества, – не остается места для критической рефлексии. Любые намеки на несовершенство нормативной системы, даже те объекты, размышления о которых могли бы натолкнуть на подобные мысли, строго табуируются с помощью хитроумных мифологических систем, опирающихся на иррациональные составляющие человеческой психики.

²⁷⁰Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 150-207

В наиболее чистом виде такая схема реализована в примитивных обществах, где объем накопленных знаний настолько мал по сравнению с детальной системой мифологических представлений, что возможностей критического рассмотрения существующих моральных ограничений с позиции внешнего наблюдателя практически не существует. В современных плюралистических обществах, где одновременно функционирует множество несовпадающих картин мира, и индивиды могут при желании выбирать между ценностными системами, способность последних влиять на поведение ограничивается, так как любая из них может быть подвергнута критике с позиций другой. Вместе с тем, исследования психологов и социологов показывают, что даже представители развитых обществ неохотно расстаются с имеющимися у них нормативными представлениями²⁷¹; более того, при неблагоприятных социальных условиях весьма вероятным сценарием является консервация подобных убеждений и рост лояльности к существующей системе²⁷². Следует, однако, заметить, что в тех случаях, когда индивидуальные обстоятельства приводят к конфликту между подобной идеологически сконструированной картиной мира и личным интересом, то жертвенный выбор в пользу объекта веры далеко не всегда является наиболее вероятной альтернативой (с точки зрения эмпирической науки, этот выбор в большей степени детерминирован личными психологическими особенностями, чем эффективностью базового мифа, лежащего в основании системы).

С теоретической точки зрения эффективность данного метода также вызывает сомнения. Концепция личности, фигурирующая в большинстве современных политико-философских трудов, как правило, избавлена от возмущающих эффектов индивидуальной психологии, равно как и позволяет элиминировать воздействие социетальных факторов²⁷³. Поэтому любая

²⁷¹Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Princeton: Princeton University Press, 1997.

²⁷²В политической психологии данная концепция получила название «теория оправдания системы»: Blasi, G., Jost, J. *System justification theory and research: Implications for law, legal advocacy, and social justice* // *California Law Review*. 2006. Vol. 94. N 4. P. 1119-1168. Jost J. T., van der Toorn J. *System Justification Theory* // *Handbook of Theories of Social Psychology: Volume Two*. Sage, 2011. P. 313.

²⁷³Gauthier, D. *Morals by Agreement*. Clarendon Press, Oxford University Press, 1986. P. 234

нормативная система, предусматривающая в качестве основного инструмента собственного воспроизводства ограничение или конструирование индивидуальных представлений о мире, является уязвимой для критики с позиций хорошо информированного и рационального теоретика²⁷⁴.

Рассмотрим теперь подробнее, какие перспективы открываются в связи с использованием третьей из указанных альтернатив, базирующейся на идее индивидуального согласия с коллективно обязывающими нормами. Как было отмечено выше, само утверждение о том, что люди оценивают те или иные нормы в соответствии со своими представлениями о благе, является вполне реалистичным. На практике люди часто поступают в соответствии со своими собственными, сформировавшимися на основе конкретного жизненного опыта представлениями о хорошем или полезном, а не так, как предполагает общественная мораль и тем более разнообразные философские проекты, как правило, куда более абстрактные, чем любая реально функционирующая система социальных норм. Происходит это потому, что индивиды не видят достаточных оснований подчиняться кажущимся им непонятными, навязанными и произвольными требованиям отказаться от удовлетворения потребностей, занимающих высокое место в их индивидуальных иерархиях блага.

В этой связи представляется, что моральная теория, чтобы быть эмпирически успешной, должна отвечать следующим двум условиям. Во-первых, она должна накладывать минимальные ограничения на стремление индивидов реализовывать свои жизненные цели, не будучи связанными какими-либо ограничениями, – не потому, что свобода здесь имеет некую этическую ценность, а просто потому, что в случае конфликта интересов и требований морали вряд ли что-то помешает отдельным лицам отвергнуть последние. Это требование можно

²⁷⁴При этом сам по себе миф может оставаться дополнительным средством легитимации, так как на практике допущение о полной рациональности индивидов, вовлеченных в исходное соглашение, не выполняется (см. критику Ч. Черняк: Cherniak, C. *Minimal Rationality*. Cambridge: MIT Press, 1986. 171 p.). Более того, социальное конструирование вполне может использоваться как мощное средство поддержания консенсуса относительно базовых принципов общественного устройства, так как оно способствует эффективному воспитанию у членов общества чувства уважения к этим принципам еще на стадии социализации. Даже использование делиберативных процедур для обоснования легитимности существующих норм с необходимостью должно опираться на набор базовых способностей и мотивов, приобретенных индивидами в процессе социализации. См. McCarthy T. *Kantian constructivism and reconstructivism: Rawls and Habermas in dialogue* // *Ethics*. 1994. Vol. 105. N 1. P. 44-63.

сформулировать и по-другому: универсальная система морали должна обеспечивать максимальную совместимость различных индивидуальных концепций блага, не отдавая приоритет какой-либо одной (или нескольким).

Второе важное требование – подобная система должна предоставлять рациональные стимулы к соблюдению этих норм. В принципе, первое условие можно представить как частный случай второго. Но, строго говоря, отсутствие отрицательных стимулов является только необходимым, а не достаточным условием принятия нормативных ограничений. Чтобы достичь действительно приемлемого уровня стабильности и лояльности входящих в ее юрисдикцию индивидов, этическая система должна предоставить им весомые доводы в пользу того, что следование ее требованиям действительно даст им возможность достичь большего блага по сравнению с тем случаем, если они пренебрегут ими. В любом случае, предельным основанием легитимности этической теории будет индивидуальное согласие. Ни принуждение, ни обращение к произвольным моральным приоритетам не смогут в достаточной мере обеспечить функционирование системы морали в условиях совместного проживания значительного числа людей с неидентичными картинами мира.

Существует ли какая-то политико-философская доктрина, хотя бы в некотором отношении удовлетворяющая сформулированным в этом разделе требованиям? Вероятно, что наиболее перспективным кандидатом на эту роль является теория общественного договора. Как уже неоднократно отмечалось выше, важной характеристикой большинства договорных теорий является то, что содержание такой системы не обязательно соотносится напрямую с идеей договора; последняя является лишь средством для легитимации первой. Таким образом, договорные теории имеют инструментальный характер *par excellence*: они отвечают не на вопрос, *как именно* людям следует регулировать свои взаимоотношения, а на вопрос, *почему* им стоит регулировать свои взаимоотношения *в принципе*.

Многообразные договорные концепции имеют недостатки и порой страдают серьезными внутренними противоречиями. Тем не менее, их основные слабости

относятся не к фундаментальной идее, лежащей в их основании, а к попыткам ее конкретного воплощения. Не следует оспаривать значимость тезиса о том, что моральные установления должны до некоторого предела соотноситься с эгоистичными устремлениями людей, лишь на основании неудачных попыток создать отвечающие этому требованию реальные наборы моральных или политических институтов. Здесь, однако, необходимо остановиться на следующей проблеме. Критик может вполне резонно задаться следующим вопросом: как в рамках подобного соглашения гарантировать соблюдение эгоистичными индивидами моральных норм? Если единственным основанием легитимности нормативного порядка является индивидуальное согласие, на чем он будет основываться, когда стимулы для согласия исчезнут?

По всей видимости, не лучшим ответом на данный вопрос будет утверждение о том, что согласие с теми или иными ограничениями, предусмотренными первоначальным конституционным соглашением, накладывает определенные обязательства на участников договора. Такое утверждение опирается на довольно произвольное моральное представление о значимости выполнения обещаний, которое можно оспорить. Действительно, для упомянутого выше гоббсовского безумца отсылка к распространенной традиции держать свое слово будет вовсе не достаточным основанием для того, чтобы исполнять взятые на себя обязательства, если это может причинить ему существенный вред. В этом случае не всегда может помочь часто используемый сторонниками договорного подхода эволюционный аргумент (заимствованный из теории повторяющихся кооперативных игр), согласно которому индивидам рационально вести себя в соответствии с признанными ими ограничениями в тех ситуациях, когда их взаимодействие не ограничивается единственным случаем²⁷⁵. Во-первых, для повторяющихся игр не существует единственной универсальной стратегии, позволяющей установить самоподдерживающееся состояние равновесия (т.е. стабильную систему

²⁷⁵ Axelrod, R. The Evolution of Cooperation. Basic Books: 1984. 241 p.

моральных норм)²⁷⁶. Более того, недавние экспериментальные исследования показывают, что в ситуации реальных взаимодействий равновесные кооперативные стратегии используются реже, чем менее эффективные эгоистические линии поведения²⁷⁷. Наконец, вполне можно представить такие ситуации, в которых требования общественной морали вступают в неразрешимые противоречия с интересами людей. В ситуации, когда для одной из сторон угрожает смерть, любые ссылки на рациональный выбор в долгосрочной перспективе перестают работать.

С одной стороны, эту проблему можно представить как чисто техническую и вывести за пределы морального мышления. Точнее, следует заранее выбрать некий мета-принцип для решения подобных проблем. Например, вполне допустимо руководствоваться следующим рассуждением: никто пока не смог неопровержимо доказать, что те или иные индивидуальные цели являются не/аморальными, и вряд ли кто-то может требовать от человека личных жертв во имя общественного блага. Но верно и обратное – если человек не принимает на себя определенных обязательств по отношению другим, то он не может ожидать, что другие примут на себя подобные обязательства по отношению к нему. Строго говоря, этот вопрос можно разрешить и без привлечения моральных суждений – существуя в условиях «войны всех против всех», каждый будет действовать в соответствии со своими интересами и возможностями.

С другой стороны, что мешает участникам подобных конфликтов прийти к соглашению, учитывающему их реальные потребности и этические представления? Если они признают правомерность требований сторон или найдут общие координаты для оценки моральной составляющей действий друг друга, то весьма вероятно, что им удастся найти решение, которое для всех сторон будет

²⁷⁶Выражаясь точнее, наличие или отсутствие кооперативной стратегии в повторяющейся игре обуславливается значением ряда параметров: конечно или бесконечно количество ходов; известно ли количество ходов игрокам заранее, высока ли ставка дисконта в игре и т.д. См. подробный разбор стратегий, использующихся в кооперативных играх, на примере т.н. «дилеммы узника» в статье Стивена Куна для Стэнфордской философской энциклопедии: Kuhn, S. Prisoner's Dilemma // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), Spring 2009 Edition—Режимдоступа: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2009/entries/prisoner-dilemma/>.

²⁷⁷Bo, P. D., &Fréchette, G. R. The evolution of cooperation in infinitely repeated games: Experimental evidence // The American Economic Review. 2011. Vol 101. N 1. P. 411-429.

более выгодным, чем вынесенный за рамки договорной системы морали силовой конфликт. Конечно, ситуации, в которых компромисс не может быть достигнут, вполне вероятны. Ставший хрестоматийным пример такой ситуации приводится Дж.Тореком. В своей классической статье «Должны ли учитываться числа?» («Should the numbers count?») он предложил следующий мысленный эксперимент: представим, что есть несколько (в исходном примере шесть) человек, которым требуется срочно принять лекарство, чтобы избежать смерти. При этом один из них находится в настолькотяжелом состоянии, что для того, чтобы его спасти, требуется ввести ему весь имеющийся запас лекарства; тогда как для спасения других будет достаточно всего лишь $\frac{1}{n-1}$ (в исходном примере – одной пятой) части от наличного запаса. Что следует предпочесть в данной ситуации: спасение одной жизни ценой всех остальных или спасение всех ценой жизни одного?²⁷⁸

Изначально данный парадокс рассматривался как возражение против утилитаристской логики максимизации совокупной полезности и был призван показать, что не всегда разумно использовать выгоду большинства в качестве критерия «моральности» поступка: в самом деле, является ли моральным убийство одного человека ради спасения нескольких других? Если этот пример переформулировать таким образом, чтобы сделать возможными переговоры между больными, то сам парадокс не исчезнет: вряд ли стороны придут к соглашению относительно того, как именно необходимо распределить лекарство. При любом из возможных вариантов как минимум одна сторона из участвующих в соглашении потеряет все. Поэтому заключение договора в таких условиях будет нерациональным для всех заинтересованных лиц; следовательно, договор не может быть заключен.

²⁷⁸Taurek, J. Should the Numbers Count? // *Philosophy and Public Affairs*. 1976. Vol. 6. N 4. P. 293-316. Существуют и альтернативные версии парадокса Торека. Одна из наиболее известных представлена, в частности, в популярном онлайн-курсе М. Сэндела «Справедливость». В данном случае ситуация несколько иная – речь идет о рабочих, ремонтирующих трамвайные пути: на одном пути работает бригада из пяти человек, а на втором – всего один. У них нет возможности быстро покинуть пути в экстренной ситуации; проезд трамвая по любому из маршрутов означает верную гибель для находящихся на этом пути рабочих. Представим теперь, что у трамвая, который движется к развилке перед этими путями, отказали тормоза. Остановить его невозможно; имеется лишь один способ повлиять на его движение – перевести стрелку и таким образом определить, по какому пути трамвай проследует и, соответственно, сколько человек погибнет под его колесами. Какой из двух вариантов следует предпочесть? См. Sandel, M. *Justice*. Online Course, Episode 1. Режим доступа: <http://www.justiceharvard.org/2011/03/episode-01/#watch> Проверено 14 февраля 2014 года

Все же необходимо заметить, что случаи, подобные описанные Тореком, являются маргинальными. В современной политической философии более распространен взгляд, согласно которому система моральных или политических норм должна скорее регулировать общие принципы человеческого общежития, нежели предоставлять решения для всех частных моральных затруднений. Более того, парадокс Торека можно корректно (с точки зрения договорной теории) обойти, предложив сторонам использовать жребий в качестве средства принятия решения относительно распределения лекарства – в данном случае каждый имеет определенные шансы, чтобы выжить, и, соответственно, получает стимул к принятию жребия в качестве принципа распределения лекарства в данной ситуации²⁷⁹.

Если оставить в стороне экстремальные случаи наподобие описанного Тореком, то следует признать, что большинство конфликтов, так или иначе получающих моральное измерение, связано либо с непониманием сторонами позиций друг друга, либо, что кажется даже более абсурдным, непониманием сторонами иерархии собственных целей и логических противоречий в собственных моральных представлениях. При наличии доброй воли сторон, подобные ситуации можно было бы к обоюдной выгоде разрешать гораздо более эффективно. Естественно, на практике достижение подобного консенсуса может быть достаточно трудоемким процессом, так как на конфликтующие стороны будут воздействовать разнообразные психологические и социологические факторы: прошлые обиды, недоверие, склонность к риску, иррациональное чувство страха, ограниченность собственных интеллектуальных способностей, глубоко укоренившиеся предрассудки. Однако на теоретическом уровне

²⁷⁹Интересно, что в рамках утилитаристской традиции, которая в общем случае максимизирует совокупную полезность ставит выше индивидуального согласия в качестве критерия легитимности, подобное решение парадокса невозможно - жребий дает меньшую ожидаемую полезность по сравнению с вариантом, в котором благо большего количества предпочитается индивидуальному благу. Теория общественного договора продвигается в этом отношении дальше именно потому, что исторически опирается на восходящую к Канту концепцию моральной личности как рационального и автономного индивида. В этом отношении показательным является тот факт, что, как отмечает Майкл Оцука, критика утилитаризма Тореком (который не является сторонником договорной теории) и такими котрактарианскими теоретиками, как Ролз, Нагель и Скэнлон, опирается на одни и те жесылки. Otsuka, M. Skepticism about saving the greater number // *Philosophy & public affairs*. 2004. Vol. 32. N 4. P. 413-426.

демонстрация принципиальной разрешимости морально конфликта представляется вполне реальной (по крайней мере, не невозможной). Наиболее влиятельная попытка подобной демонстрации была предпринята Ю. Хабермасом²⁸⁰. По мнению немецкого философа, в условиях справедливой дискуссии, когда каждая заинтересованная сторона может высказаться и прояснить свою позицию, достижение консенсуса относительно фундаментальных моральных и политических принципов, регулирующих жизнь в обществе, вполне вероятно. Хабермас также приводит ряд психологических и социологических аргументов, показывающих, что конвергенция индивидуальных представлений о должном вполне вероятна. Как указывает Т. Маккарти, концепция дискурс-этики предполагает, что людям (вне зависимости от локального культурного контекста) в целом присущ один и тот же механизм формирования моральных суждений, который является по своей сути видовой характеристикой *homo sapiens*. Задача моральной теории для Хабермаса как раз и заключается в том, чтобы “реконструировать”, осмыслить и сделать доступными широкой общественности латентные нормативные предпосылки социальных взаимодействий, интуитивно осознаваемые любым “дееспособным (competent) индивидом в любом социуме”²⁸¹.

Хотя концепция Хабермаса не свободна от недостатков и подвергается критике, она тем не менее стимулировала рост интереса к роли коммуникативных механизмов в обосновании моральных принципов. Все же необходимо отметить, что появление внутри договорной традиции отдельных концепций, делающих упор не столько на рациональности выбора моральных норм, сколько на создании справедливых процедур, обеспечивающих подобный выбор (помимо самого Хабермаса, необходимо отметить «политический либерализм» Ролза и «контрактуализм» Скэнлона), является результатом осознания теоретиками важной, но по сути прикладной проблемы – необходимости показать, как возможно достижение консенсуса относительно регулятивных принципов в

²⁸⁰ См. раздел 3 главы 2 настоящего исследования

²⁸¹ McCarthy T. Kantian constructivism and reconstructivism: Rawls and Habermas in dialogue // Ethics. 1994. Vol. 105. N 1. P. 47

плюралистичном обществе. Базовое положение теорий общественного договора не опровергается утверждением о необходимости коррекции индивидуальных интересов в процессе обсуждения. Хабермас открыто признает, что моральные нормы должны согласовываться с индивидуальными устремлениями, что отчетливо видно по формулировкам основных постулатов дискурс-этики. И принцип D, и принцип U, эксплицитно предполагают, что любая норма, претендующая на коллективную значимость, может получить такой статус только при условии признания ее легитимности всеми заинтересованными лицами²⁸².

То же самое мы видим и в «Политическом либерализме» Ролза: концепция «публичного разума» имеет своей целью задать единый коммуникативный стандарт для обсуждения базовых нормативных принципов, который позволит индивидам, участвующим в конституционном соглашении, понимать и прояснять позиции друг друга²⁸³. Однако конечной целью применения такого стандарта является обеспечение совместимости концепции справедливости, принятой в некотором обществе, и частных представлений о благе, разделяемых отдельными его членами²⁸⁴. Таким образом, индивидуальное согласие остается важнейшим критерием легитимности этической системы и в делиберативных версиях теории общественного договора.

Важным отличием договорного способа легитимации моральных норм от описанных выше репрессивного и мифологического/конструктивистского является тот факт, что данный метод апеллирует не к трансцендентным моральным представлениям, а к прагматическим соображениям рациональности/эффективности. Этот способ обоснования моральной теории не отсылает к посылкам или нормативным идеалам, заложенным в самой этой теории, а опирающийся на некоторый внешний и достаточно универсальный критерий. В этом смысле общественный договор является лишь средством для легитимации тех или иных моральных и политических ограничений. Тем не

²⁸² Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. С. 104

²⁸³ Rawls J. Political Liberalism, New York: Columbia University Press, 1993. P. 223-224

²⁸⁴ Freeman, S. Justice and the Social Contract. Oxford University Press, 2006. P. 198. Freeman, S. Rawls. Routledge, 2007. P. 43

менее, возможно, что он представляет собой наиболее адекватным инструментом достижения этой цели. В своей работе “Анархия, Государство и Утопия” Роберт Нозик отметил, что наилучшим обоснованием политической теории (здесь политику следует трактовать как частный раздел этики) является то, которое дается в неполитических терминах²⁸⁵. Теория общественного договора удовлетворяет этому критерию – подчинение политическим нормам в рамках договорного подхода является результатом осознания людьми соответствия своих интересов и ограничений, накладываемых этих нормами²⁸⁶. Иными словами, нормы выводятся из интересов, а не из ценностных представлений, лежащих в основе тех или иных политических проектов, или же каких-либо метафизических сущностей.

Если сформулированные выше требования к теории, претендующей на решение проблемы нормативности верны, то «минималистичность» договорной теории предоставляет ей значительные преимущества по сравнению с другими способами легитимации моральных и политических регулятивных принципов. Более того, потенциал теории общественного договора не сводится только к легитимации. Она также может быть использована как инструмент при решении другой важной проблемы, а именно, конструирования наиболее эффективных политических и моральных законов. Договорная идея тесно соотносится с представлением о некоей идеальной ситуации, в которой находятся индивиды перед заключением договора. В принципе, возможно постоянно корректировать характеристики подобной ситуации, что дает возможность просчитать, какой выбор будет наиболее рациональным для различных моделей человеческой природы. Действительно, в ключевых современных работах, использующих концепт исходного состояния, характеристики людей, вовлеченных в ситуацию

²⁸⁵Нозик, Р. Анархия, государство и утопия. Пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. — М.: ИРИСЭН, 2008. С. 24-28.

²⁸⁶Sayre-McCord, G. Contemporary Contractarian Moral Theory // Blackwell Guide to Ethical Theory / LaFollette, H. (ed.). 1999. P. 264. Данное утверждение в меньшей степени применимо к делиберативным версиям договорной теории, которые имплицитно включают в себя кантовский императив, требующий в равной степени учитывать интересы всех индивидов – в силу уважения к их статусу моральной личности. С другой стороны, даже для этой нормативной посылки можно подобрать достаточно убедительное рациональное обоснование, не основанное на тавтологической отсылке к априорным моральным представлениям.

договора, и доступных им знаний варьируются: у Ролза мы встречаем завесу неведения; у Хабермаса – идеальную речевую ситуацию; у Готье – ситуацию торга. Одним из преимуществ подобной адаптивности концепции исходного состояния является то, что она оказывается устойчивой к критике со стороны тех авторов, которые возражают против использования концепции моральной личности – рационального и автономного агента (которая представлена, например, в «Теории справедливости») на основании того, что данная модель личности основывается на нормативных посылах, имеющих четко идентифицируемые социально-культурные истоки (отсылает к классическому образу протестанта, белого, мужчины). В самом деле, любые расовые, гендерные и религиозные различия могут быть тем или иным способом учтены в качестве отдельных параметров, характеризующих ситуацию исходных переговоров.

Как было показано в §2.3²⁸⁷, сегодня можно выделить три главных направления в рамках договорной традиции: классический контрактарианизм (основанный на концепции рационального индивида-максимизатора полезности), делиберативный контрактарианизм и кантианский конструктивизм. Указанные направления часто рассматриваются либо как не связанные друг с другом, либо как модификации классической договорной теории, созданные для решения специфических проблем моральной и политической философии. Такое видение является не вполне корректным. Эти три направления на самом деле имеют дело с тремя различными аспектами проблемы нормативности. Авторы, которые интерпретируют договорную теорию в терминах рационального выбора, фокусируются на вопросе, зачем индивиды в принципе должны подчиняться требованиям различных норм, ограничивающих их свободу. Представители делиберативных/коммуникативных версий контрактарианизма пытаются показать, как можно совместить в рамках одного сообщества различные концепции блага. Наконец, сторонники кантианского конструктивизма стремятся рассчитать, какой именно характер должны иметь ограничивающие нормы в зависимости от некоторой концепции индивидуальной рациональности. Строго

²⁸⁷ С. 104 настоящего исследования.

говоря, никакого противоречия между этими направлениями нет; в работах наиболее влиятельных современных теоретиков контрактарианизма встречаются элементы всех трех течений.

Можно предположить, что дальнейшая эволюция договорной традиции пойдет по пути синтеза классической, делиберативной и кантианско-конструктивистской парадигм с целью создания единой и всеобъемлющей теории, позволяющей не только разрешить проблему нормативности, но и создать эффективные прикладные методы обоснования легитимности регулятивных принципов, упорядочивающих политическое и моральное измерение человеческого бытия. Вероятно, «троичную теорию» (thriple theory)²⁸⁸ Д. Парфита можно рассматривать как первую попытку такого синтеза, пусть и весьма далекую от совершенства. Аргументация Парфита касается не столько вопросов политической легитимности, сколько обоснования фундаментальных моральных норм, и поэтому оказывается уязвимой для антиуниверсалистской критики, подобной той, с которой в 1980-х гг. обрушились на Ролза философы-коммунитаристы. Однако развитие и модификация его идей, равно как и применение их к менее абстрактным вопросам, могут рассматриваться как весьма плодотворный путь дальнейшего развития теории общественного договора, который одновременно позволит добиться прогресса при разрешении актуальных проблем современной политической теории.

²⁸⁸ Парфит в своей работе «On what matter» пытается объединить деонтологические принципы (присущие утилитаризму) с кантовской этикой и договорной теорией. Согласно его аргументации, поступок является неправильным с моральной точки зрения только в том случае, если он прямо противоречит нормативному принципу, удовлетворяющему одному из следующих трёх условий:

- 1) будучи принятым в качестве универсального закона, данный принцип позволил бы улучшить существующее положение вещей (would make things go best)
- 2) данный принцип является одним из тех немногих принципов, который каждый мог бы признать в качестве универсального морального закона
- 3) не может быть никем отвергнут на разумных основаниях.

Первый критерий отражает утилитаристский принцип максимизации полезности – деонтологический по своей природе, тогда как второй и третий воплощают интенции, заложенные в кантианской этике. Контрактарианский элемент имплицитно присутствует во всех формулировках, так как каждая из них требует всеобщего согласия с требованиями норм, для оценки морального статуса которых применяются указанные критерии.

Parfit, D. Op. cit. Ch. 17, § 63.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе диссертационного исследования был рассмотрен процесс формирования и эволюции договорной традиции, а также выделены наиболее важные отличительные черты, которые позволяют говорить о теории общественного договора как о самостоятельном направлении политико-философской мысли. Кроме того, диссертант рассмотрел перспективы использования договорной парадигмы для разрешения проблемы нормативности. Основные выводы диссертационного исследования формулируются следующим образом.

1. Идеи, которые можно интерпретировать в контрактарианских терминах, встречаются еще в античных философских трактатах. Тем не менее, как самостоятельная политико-философская традиция теория общественного договора формируется только в Новое время. Становление договорной парадигмы связано с рядом принципиальных моментов, определявших содержание политического дискурса соответствующей эпохи. Во-первых, это развитие естественно-правовой доктрины. Во-вторых, набиравшая силу в противовес доктрине «божественного права королей» апология права угнетенных на восстание. На протяжении XVI в. в ходе борьбы между представителями различных христианских конфессий, возникших в эпоху Реформации, эта тема становится все более актуальной. «Монархомахические» воззрения и право на восстание против тиранической власти активно защищаются публицистами-гугенотами; позднее соответствующие идеи развивают мыслители времен Английской Революции. В рамках этой дискуссии возникают первые представления о договорной природе власти и производном характере суверенитета правителей, зависящего от согласия поданных. Развитие позитивного права – и собственно юридических кодексов, и науки о них, – также сыграло свою роль.

Наиболее важной предпосылкой появления становления договорной традиции стало формирование новых представлений об *индивиде* и *рациональности* в общественно-политической мысли раннего Нового времени.

Под индивидуализмом в настоящей работе понимается такой взгляд на общественное устройство, в рамках которого индивид становится *raison d'être* политической жизни; разнообразные варианты политического устройства соизмеряются с желаниями и целями конкретных индивидов. Политика отныне рассматривается как средство удовлетворения индивидуальных потребностей: в самосохранении, в безопасности— в гарантиях для индивидуальной предпринимательской деятельности и др. Такое видение стало возможным во многом благодаря развитию новой концепции субъекта, наиболее полно сформулированной в философии Декарта. Решающим для возникновения контрактарианизма стало не просто появление новой концепции субъекта, но ее синтез с оригинальной версией концепции рациональности (или целерациональности, как обозначил этот феномен Макс Вебер). Совмещение индивидуализма и инструментализма, наряду с воздействием указанных выше факторов, в конечном итоге привело к возникновению представления о политических институтах как о наиболее эффективном способе обеспечения человеческих потребностей в спокойной и упорядоченной жизни — представления, которое позже получило название «теории общественного договора».

2. Уже в трудах классических представителей договорной традиции: Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта— можно выделить общие моменты, которые позволяют говорить о теории общественного договора как едином направлении политико-философской мысли. Во-первых, противопоставление политического и неполитического измерения человеческого бытия. Во-вторых, собственно идея договора — не как историческая теория происхождения политических институтов, а как попытка найти новое основание легитимности тех или иных форм политического устройства. В-третьих, индивидуалистическая ориентация — все эти философы согласны с тем, что личный интерес является главным мотивом человеческой деятельности, при этом конфликт индивидуальных интересов и связанные с ним издержки для частного благосостояния являются решающим стимулом при заключении общественного

договора. В-четвертых, инструментальный характер. Общественный договор не является самодостаточной ценностью. Концепция эгоистичного индивида, имеющего возможность соглашаться или не соглашаться с теми или иными политическими ограничениями своей свободы в зависимости от степени их соответствия его интересам, используется указанными мыслителями для того, чтобы представить защищаемые ими политические проекты в качестве наиболее адекватных с точки зрения рационального расчета.

Еще одна значимая общая черта классических контрактарианских теорий – это их универсалистский характер, выражающийся в попытке представить переход от естественного состояния к политическому как единственно возможный путь эволюции человечества. Гоббс, Локк, Руссо, Кант не только пытаются доказать, но и искренне считают, что именно их проекты являются истинным отражением человеческой природы и наилучшей формой политической организации общества.

Эти проекты оказали большое влияние на развитие политической теории. Однако после Канта интерес политических философов к договорной традиции значительно снизился. В силу различных причин теория общественного договора была заменена в политико-философском дискурсе другими концепциями и доктринами. Она вновь стала актуальной в середине XX в., когда политическая философия переживала серьезный кризис. В этот период значительных успехов достигла методология социальных наук. Запрос на разработку формализованных и точных методов анализа человеческого поведения, во многом связанный с потребностями военного времени, способствовал развитию таких дисциплин, как теория рационального выбора, теория общественного выбора и теория игр. Основные допущения новых подходов к анализу человеческого поведения: рационализм и методологический индивидуализм – тесно перекликались с базовыми посылами классических договорных теорий, что обусловило возрождение интереса к соответствующей проблематике.

Наибольший вклад в восстановление позиций теории общественного договора внёс Дж. Роулз. Его работа «Теория справедливости», в которой была

предложена современная интерпретация кантианской договорной концепции, стала определяющей для развития политико-философской мысли XX столетия; после её появления все значительные авторы в рамках дисциплины в той или иной форме вынуждены были обращаться к проблемам, поставленным в этой книге. Договорные идеи также использовались такими авторами, как Дж. Бьюканан, Р. Нозик, Д. Готье, и рядом других.

В первые же годы, последовавшие за выходом в свет «Теории справедливости», появилось значительное количество публикаций, в которых с критических позиций разбирались различные положения концепции Ролза. Серьезный вызов теории общественного договора был брошен философами-коммунитаристами: А. Макинтайром, Ч. Тэйлором, М. Уолцером. Их ключевое возражение заключалось в том, что лежащее в основании договорной идеи представление о человеке как рациональном и автономном индивиде является порождением специфического типа мышления, возникшего в протестантской Европе в начале Нового времени; основываясь на этом представлении, невозможно построить универсальную теорию справедливости. Коммунитаристы защищали точку зрения, согласно которой принципы справедливости и нормы морального и политического действия должны учитывать культурные особенности тех социумов, в которых они функционируют.

Коммунитаристская критика способствовала развитию новой парадигмы внутри договорной традиции, в которой акцент делался не на моделировании ситуации рационального выбора, а на анализе возможностей достижения консенсуса между представителями различных культурных идентичностей. В рамках этой парадигмы основное внимание было уделено коммуникативным аспектам человеческой деятельности и их соотношению со специфическими проблемами моральной аргументации. Первую влиятельную концепцию подобного рода предложил Ю. Хабермас; его идеи были затем развиты и скорректированы в таких договорных концепциях, как «политический либерализм» Дж. Ролза, «контрактуализм» Т. Скэнлона и «делиберативный контрактуализм» Н. Саутвуда. Вместе с тем, появление внутри договорной

традиции отдельных концепций, делающих упор не столько на рациональности выбора моральных норм, сколько на создании справедливых процедур, обеспечивающих подобный выбор, является результатом осознания теоретиками важной, но по сути прикладной проблемы, выраженной в требовании показать, каким образом возможно достижение консенсуса относительно регулятивных принципов в плюралистичном обществе. Базовое положение теорий общественного договора не опровергается утверждением о необходимости коррекции индивидуальных интересов в процессе обсуждения; индивидуальное согласие остается важнейшим критерием легитимности этической системы и в делиберативных версиях теории общественного договора.

Современные договорные теории сохраняют индивидуалистическую ориентацию; в качестве основного субъекта политического процесса рассматривается индивид, а не более масштабные социальные единицы. В общих чертах концепции человеческой природы, представленные в различных версиях контрактарианских, являются схожими. Это прежде всего рациональный субъект, стремящийся к максимальному удовлетворению своих потребностей. Сохраняется инструментальная направленность договорных концепций, которые рассматриваются как средство легитимации. Однако, в отличие от классических теорий, в центре внимания которых находились политические институты, некоторые современные интерпретации контрактарианизма обращаются к универсальным моральным принципам. Сегодня представители договорной традиции не оперируют противопоставлением естественного и политического состояний человеческого бытия. Вместо этого вводится особая абстрактная ситуация – исходное состояние. Основываясь на некоторых допущениях о человеческой природе, современные контрактарианцы: какие принципы, конституирующие общественное взаимодействие, могут быть выбраны в таком состоянии. Стремление поставить мысленный эксперимент относительно того, что свободные и рациональные существа выбирают в качестве наиболее справедливого, является еще одним важным аспектом договорных теорий второй половины XX века.

3. Идея общественного договора, хотя и является инструментальной по своей природе, занимает важное место в современной политической теории. Возникнув в начале Нового времени, она оказалась тесно связана – и идеологически, и исторически – с ключевыми политическими проектами современности: либерализмом и демократией. Сегодня, как и в классическую эпоху, теория общественного договора является одним из основных средств легитимации либерально-демократического политического режима и принятых в нем представлений о справедливости. Так, Дж. Ролз указывает, что его теория справедливости основывается на кантовском представлении о политическом объединении как сообществе свободных и равных разумных личностей; по его мнению, подобная концепция личности имплицитно присуща западным демократическим обществам и задача [его] политической философии заключается в том, что сделать эти глубинные основания демократической политической культуры очевидными для ее реальных носителей²⁸⁹. Подобные интенции можно найти и в работах других современных представителей договорной традиции: Дж. Бьюканана, Р. Нозика, Ю. Хабермаса, Д. Готье. Теория общественного договора, однако соотносится не только со специфической политической проблематикой. Предложенные в её рамках эвристические методы являются весьма эффективными средствами разрешения ключевой проблемы этической теории (которая в пределе сходится с политической): проблемы нормативности.

4. Современные интерпретации теории общественного договора во многом основаны на позитивистских научных принципах. Большинство их ключевых допущений и содержательных выводов могут быть переформулированы в виде гипотез, поддающихся эмпирической проверке. Вскоре после публикации «Теории справедливости» были предприняты попытки выйти за рамки сугубо формальных дискуссий и подтвердить (или опровергнуть) отдельные положения договорных теорий со ссылкой на эмпирические данные. В частности, было показано, что в смоделированной в лаборатории ситуации, воспроизводящей

²⁸⁹Rawls J. 1980. Kantian Constructivism in Moral Theory // The Journal of Philosophy. Vol. 77. No 9. P. 518. Ср. также Rawls J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press, 2005. P.100-101

описанный Ролзом выбор за «вуалью неведения», действительно может быть достигнуто единогласное решение относительно принципов распределения благ. Однако содержание «экспериментального» общественного договора не соответствовало предсказаниям Ролза. Наиболее популярным выбором в экспериментах пионеров данного направления Н. Фролиха, Дж. Оппенгеймера и Ш. Иви стал так называемый интуиционистский принцип – компромисс между ролзовскими принципами справедливости и ортодоксальным утилитаризмом. Он предполагал максимизацию среднего уровня дохода группы с представлением фиксированных гарантий минимального дохода тем, кому не повезет. Эти результаты были воспроизведены в большинстве последующих работ по данной тематике.

Лабораторные исследования в области контрактарианской теории говорят о том, что условия, в которых происходит выбор базовых принципов справедливости, оказывают значительное воздействие на содержание этого выбора. Соответственно, спецификация исходного состояния (которая неизбежно предшествует выбору самих принципов справедливости) является определяющей для построения цельной теории справедливости, основанной на договорном подходе

Дополнительные доводы в пользу реалистичности посылок, лежащих в основании договорной теории, были получены в ходе антропологических исследований. Изучение процессов возникновения и закрепления поведенческих норм в примитивных обществах показало, что формирование перераспределительных институтов во многом вызвано к жизни теми причинами, которые контрактарианцы рассматривают в качестве основных мотивов заключения общественного договора: стремлением минимизировать риски от неудачной охоты и повысить благосостояние всех членов социума (что в конечном счете способствовало бы выживанию всего коллектива). Представляется, что эта модель, опирающаяся на большой массив этнографических данных, может рассматриваться как свидетельство того, что теория общественного договора не только воплощает специфические

идеологические представления Европы Нового времени, но и отражает фундаментальную логику макроэволюции человеческих обществ.

5. В целом, общественный договор – это теория, в которой основание легитимности политического режима возводится к согласию управляемых. Данная традиция предполагает, что существование любых политических институтов, накладывающих определенные ограничения на поведение людей, должно быть одобрено индивидами, которые попадают под их юрисдикцию. Теория общественного договора отличается от большинства других направлений политической философии особым видением мира социальных отношений. В основе этого видения лежит синтез двух элементов – индивидуализма и инструментального подхода к социальной кооперации и политическим институтам как частному ее проявлению. Эти ограничивающие человеческое поведение структуры создаются самими людьми, рационально преследующими свои интересы. При этом политические нормы рассматриваются лишь как более удобный и надежный способ избежать непредвиденных опасностей, которыми чревато состояние анархии.

Индивидуальные интересы рассматриваются в рамках данной традиции как важнейший фактор, определяющий человеческое взаимодействие. Ее сторонники полагают, что легитимное право на существование имеет лишь такое политическое устройство, которое способствует удовлетворению индивидуальных потребностей. Свою легитимность это устройство приобретает на основе согласия индивидов с накладываемыми им ограничениями. Отдельный индивид становится критерием оценки эффективности власти и получает право на сопротивление. Именно это является общей чертой, объединяющей все современные договорные концепции. Другая важнейшая отличительная характеристика договорных концепций, как классических, так и современных, – их инструментальная направленность. Сама по себе идея договора не связана с какими-либо специфическими политическими институтами; она лишь служит средством их легитимизации. Ее изначальное предназначение заключалось в том, чтобы показать, каким образом конкретные политические режимы могут быть

представлены в качестве наиболее совершенных установлений, отвечающих сути человеческой природы.

Это позволяет рассматривать теорию общественного договора как один из наиболее эффективных способов ответа на ключевой вопрос политической и, возможно, всей моральной философии: почему люди должны следовать нормам. Сегодня с помощью теории общественного договора открывается перспектива решения основных задач политической философии: во-первых, привести убедительные доводы в пользу того, почему рациональным индивидам следует предпочесть определенные политические ограничения состоянию анархии; во-вторых, рассчитать, какой характер должны носить ограничения, чтобы быть а) справедливыми и б) устойчивыми. Это, в свою очередь, способствует созданию разнообразных концепций справедливости, причем не только и не столько глобальных (создание единой теории человека для социальных наук является, вероятно, еще более отдаленной, если вообще возможной, задачей, нежели построении “теории всего” для физиков), сколько локальных, укорененных в конкретных социумах и сообществах любого рода.

Контрактарианизм часто подвергается критике за «аморальную картину мира», однако любые представления о бытии, куда вводятся не только допущения о сущем, но и о должном, могут быть подвержены сильным искажениям (как уже неоднократно отмечалось выше). Главное достоинство договорных теорий заключается в том, что они представляют собой минимально возможное обоснование моральных систем, так как формулируют доводы в пользу того, почему человек, сомневающийся в необходимости вести себя в соответствии с нормами морали (или государственных законов) мог бы согласиться с требованиями той или иной этической концепции. Легитимизация фундаментальных принципов справедливости и воплощающих их социальных институтов в терминах рационального выбора не означает отвержения морали в принципе (как предполагают некоторые критики). Это всего лишь дань устойчиво фиксируемой во всех обществах и эпохах тенденции к нарушению людьми

моральных норм во имя своих интересов (и, в конечном счете, биологической составляющей природы человека). Попытка умозрительным путем определить наиболее адекватные той или иной концепции человека принципы справедливости вовсе не означает притязаний на универсальную истину со стороны приверженцев теории общественного договора, подобных тем, которые встречались во многих великих политико-философских системах прошлого и которые стали предметом ожесточенной критики со стороны мыслителей XX в., видевших в них истоки тоталитарных режимов минувшего столетия²⁹⁰. Напротив, в самом основании договорной теории лежит эффективный ограничитель тоталитарных тенденций: данный способ размышления о фундаментальных вопросах справедливости предполагает, что каждый имеет возможность самостоятельно решать, следует ли принимать ограничения, налагаемые на его поведение конкретными политическими институтами. Общественный договор, как инструментальная, ориентированная на процедуры согласования различных картин мира теория, вероятно, является наименее требовательной морально-политической традицией. Если политическая философия не отказывается от проекта усовершенствования принципов человеческого общежития силами самих людей, то следует признать, что контрактарианизм представляет ей значительные возможности для развития.

²⁹⁰Такой тезис может рассматриваться как предельное выражение аргументов тех критиков, которые указывают на европоцентричность (а также лого-, антропо-, фалло- и все другие типы “центричности”) философских оснований современных договорных теорий. Если оставаться в рамках англо-саксонской политической философии, то в качестве примера подобных возражений против контрактарианизма можно привести аргументацию коммунитаристов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева, Т. А. Справедливость: морально-политическая философия Джона Роулса. — М.: Наука. 1992. — 194 с.
2. Алексеева, Т. А. Джон Роулс и его теория справедливости // Вопросы философии. — 1994. — № 10. — С.26-37.
3. Алексеева, Т. А. Современные политические теории. — Москва: РОССПЭН, 2000. — 343 с.
4. Алексеева, Т. А. Справедливость как политическая концепция. — Москва: МОНФ. 2001. — 260 стр.
5. Алексеева, Т. А. Политическая философия. От концепций к теориям. — Москва: РОССПЭН. 2007. — 397 с.
6. Аузан, А. А. Переучреждение государства: общественный договор. — М.: Издательство «Европа», 2006. — 112 с.
7. Баткин, Л. М. Итальянское возрождение в поисках индивидуальности. — М. Наука, 1989. — 272 с.
8. Бейлин, Б. Идеологические истоки американской революции. — М.: Новое издательство, 2010. — 308 с.
9. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
10. Берлин, И. Не ведайте ни страха, ни надежды // Берлин, И. Подлинная цель познания. — М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2002. — 800 с.
11. Бьюкенен, Дж., Таллок, Г. Расчет согласия: логические основания конституционной демократии // Бьюкенен Дж. Сочинения / Серия: "Нобелевские лауреаты по экономике". Т.1. / Фонд экономической инициативы. — М.: Таурис Альфа. 1997. — Т.1. — 556 с.
12. Вебер, М. Смысл “свободы от оценки” в социологической и экономической науке // Избранные произведения. — М., «Прогресс», 1990. — С. 547-601
13. Гоббс, Т. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. — Т.1. — М. Мысль, 1989. — С. 270-506

14. Гоббс, Т. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения в 2 томах. — Т.2. — М.: Мысль, 1991. — 731 с.
15. Гуторов, В. А. Современный либерализм и политическая философия (дилеммы позиции Джона Ролза) // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Серия 6. — 2012. — Вып. 3. — С. 47-57
16. Гуторов, В. А., Варламов, А. Г. К вопросу о значении британской правовой традиции в политическом дискурсе США // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Серия 6. — 2014. — Вып. 1. — С. 80-91.
17. Дворкин, Р. О правах всерьез / Пер. с англ.; ред. Л. Б. Макеева. — М.: РОССПЕН, 2005. — 392 с.
18. Кант, И. Критика практического разума. Сочинение в 6 т. Кант, И. Сочинения в 6 т. — М.: Мысль, 1965. (Философ. наследие). — Т. 4. — Ч. I.— 544 с.
19. Кант, И. О поговорке «может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант, И. Сочинения в 6 т. — М.: Мысль, 1965. (Философ. наследие). — Т. 4. — Ч. 2.— 477 с.
20. Кант, И. Метафизика нравов // Кант, И. Сочинения в 6 т. — М.: Мысль, 1965. (Философ. наследие). — Т. 4. — Ч. 2.— 477 с.
21. Кант, И. К вечному миру // Кант, И. Сочинения в 6 т. — М.: Мысль, 1965. (Философ. наследие). — Т. 6.— 743 с.
22. Кимлика, У. Современная политическая философия: введение. — М.: Издательский дом ГУ – ВШЭ, 2010. — 592 с.
23. Коле, Д. Политическая семантика “Etat” и “etat” во французском языке // Понятие государства в четырех языках / Под ред. Хархордина О.В. — Издательство ЕУСПб, 2002. — С. 75-113
24. Лавджой, А. Великая цепь бытия. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. — 376 с.
25. Литвиненко, Н. Концепция справедливости Джона Ролза // Логос. — 2006. — Т. 52. — № 1. — С. 26-34.

26. Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк, Дж. Сочинения в трех томах: Т. 1. — М.: Мысль, 1985. — 627 с.
27. Локк, Дж. Два трактата о правлении // Локк, Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. — М.: Мысль, 1988. — 668 с.
28. Макаренко, В. П. Аналитическая политическая философия. Очерки политической концептологии. — М.: Праксис, 2002. — 416 с.
29. Макеева, Л. Б. Философия эгалитарного либерализма в США: Джон Ролз и Рональд Дворкин // История философии. — 2005. — № 12. — С.45-62.
30. Макинтайр, А. После добродетели: Исследования теории морали/ Пер. с англ. В.В. Целищева — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. — 384 с.
31. Маркс, К. Немецкая идеология / Маркс, К. и Энгельс, Ф. Сочинения (2-е издание). —Т. 3 (1845 — апрель 1847). —М.: Издательство политической литературы, 1955. —С. 7-544
32. Маркс, К. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов) / Маркс, К. и Энгельс, Ф. Сочинения (2-е издание). —Т. 12 (Апрель 1856 — январь 1859). —М.: Издательство политической литературы, 1958.—С. 709–38.
33. Мюллер, Д. Общественный выбор III / Пер. с англ. под ред. А. П. Заостровцева, А. С. Скоробогатова. — М.: Издательский дом ГУ – ВШЭ, 2007. — XIV+994 с
34. Нисбет, Р. Прогресс: история идеи. — М.: ИРИСЭН, 2007. — 556 с.
35. Нозик, Р. Анархия, государство и утопия. Пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. — М.: ИРИСЭН, 2008.— 424 с.
36. Нуреев, Р. М. Теория общественного выбора: учебное пособие. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. — 531 с.
37. Павлов, А. В. Гражданская война политической теории // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. — 2010. — № 4. — С. 40-65

38. Парех, Б. Политическая теория: политико-философские традиции // Политическая наука: новые направления. — М., 1999. — С. 478-494.
39. Печерская, Н. В. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолцер // Общественные науки и современность. — 2001. — Т. 2. — С. 77-88.
40. Пискунов, В. В. Концепт общественного договора: классические и современные формы: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / М.: РГГУ, 2005. — 115 с.
41. Платон. Критон // Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. (Серия «Философское наследие»). — М.: Мысль. 1990. — 865 с.
42. Поппер, К. Открытое общество и его враги. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — 448 с.
43. Ролз, Дж. Справедливость как честность // Логос. — 2006. — Т. 52. — № 1. — С. 35-60
44. Ролз, Дж. Теория справедливости. — М.: ЛКИ, 2010. — 536 с.
45. Руссо, Жан-Жак. Об общественном договоре. Трактаты — М.: КАНОН-Пресс, 1998. — 416 с.
46. Сваровская, Е. Б., Целищев В. В. Структура" теории справедливости" Дж. Роулза и ее место в современной политической философии // Гуманит. науки в Сибири. — 1996. — №. 1. — С. 8-13.
47. Скиннер, К. Государство // Понятие государства в четырех языках / Под ред. Хархордина О.В. — Издательство ЕУСПб, 2002. — С. 12-74.
48. Сморгун, Л. В. Основные направления современной политической философии. Учебное пособие. — СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1998. — 40 с.
49. Углов, Д.В. Роль дискурса социальной справедливости в формировании общества делиберативной демократии: диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / М.: МГТУ им. Баумана, 2010. — 178 с.

50. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб.: Наука, 2000. — 380 с.
51. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. — М.: Наука, 2008. — 419 с.
52. Хайдеггер, М. Европейский нигилизм // Хайдеггер, М. Ницше. —Т. 2. —М.: Владимир Даль, 2007.— 458 с.
53. Шапиро, И. Моральные основания политики. — М.: КДУ, 2010 — 304 с.
54. Штраусс, Лео. Естественное право и история. — М.: Водолей, 2007. — 312 с.
55. Юм, Д. Трактат о человеческой природе / Пер. с англ. С.И.Церетели; примеч. И.С.Нарского // Юм Д. Соч.: В 2 т. — Т. 2. — М., 1995.
56. Abizadeh, A. Hobbes on the Causes of War: A Disagreement Theory // American Political Science Review. — 2011. — Vol. 105. — N 2. — P. 298-315
57. Ainslie, G. Picoeconomics. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. — 460 p.
58. Ainslie, G. Breakdown of Will. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. —258 p.
59. Amadae, S. M. Rationalizing capitalist democracy: The cold war origins of rational choice liberalism. — University of Chicago Press, 2003. — 401 p.
60. Arendt, H. Lectures on Kant's Political Philosophy. — The University of Chicago Press, 1992. — 174 p.
61. Arrow, K. J. Rawls's principle of just saving // The Swedish journal of economics. — 1973. — Vol. 75. — N 4. — P.323-335.
62. Ashcraft, R. Locke's State of Nature: Historical Fact or Moral Fiction? // The American Political Science Review. —1968. —Vol. 62.—N 3. —P. 898-915.
63. Ashcraft, R. Revolutionary politics and Locke's two treatises of government. — Princeton: Princeton University Press, 1986. — 613 p.
64. Axelrod, R. The Evolution of Cooperation. — Basic Books: 1984. — 241 p.
65. Barker, E. Greek Political Theory: Plato and His Predecessors. — N-Y., 1947.
66. Barry, B. Theories of Justice, Vol. 1.—Berkeley: University of California Press, 1989. — 443 p.

67. Barry, B. *Political Argument*. — Humanities Press, 1965. — 364 p.
68. Barry, B. *The liberal theory of justice*. — Oxford: Oxford University Press, 1973. — 178 p.
69. Baumgold, D. *Contract Theory in Historical Context: Essays on Grotius, Hobbes, and Locke*. — Brill: Leiden, Boston, 2010. — 190 p.
70. Beitz, C. *Political theory and international relations*. Vol. 13. — Princeton: Princeton University Press, 1979.
71. Benhabib, S. *Situating the Self: Gender, Community and Postmodernism in Contemporary Ethics*. — Cambridge: Polity Press, 1992. — 280 p.
72. Binmore, K. *Game Theory and the Social Contract: Volume 1, Playing Fair*. The MIT Press, 1994. *Volume 2, Just Playing*. — The MIT Press, 1998.
73. Binmore, Ken. *Natural justice*. — Oxford University Press, 2005. — 224 p.
74. Blasi, G., Jost, J. *System justification theory and research: Implications for law, legal advocacy, and social justice*// *California Law Review*. — 2006. — Vol. 94. — N 4. — P. 1119-1168
75. Bo, P. D., &Fréchette, G. R. *The evolution of cooperation in infinitely repeated games: Experimental evidence* // *The American Economic Review*. — 2011. — Vol 101. — N 1. — P. 411-429.
76. Boehm, C. *Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior*. — Harvard University Press, 2009. — 304 p.
77. Boehm, C. *Moral origins: The evolution of virtue, altruism, and shame*. — Basic Books, 2012. — 432 p.
78. Bond, D., Park, J. C. *An empirical test of Rawls's theory of justice: A second approach, in Korea and the United States* // *Simulation & Gaming*. — 1991. — Vol. 22. — N 4. — P. 443-462.
79. Boucher, D., Kelly, P. *Social Contract and Its Critics* // *The Social Contract from Hobbes to Rawls*/ Eds. by D. Boucher and P. Kelly. — Routledge, 1994. — P. 1-34
80. Braithwaite R. B. *Theory of Games as a Tool for the Moral Philosopher*. — Cambridge University Press Archive, 1955. — 80 p.

81. Brooke, C. Rousseau's Political Philosophy // The Cambridge Companion to Rousseau / Riley, P. (ed.) — Cambridge University Press, 2006. — P. 94-123
82. Calvo, G. Some notes on time inconsistency and Rawls' maximin criterion //The Review of Economic Studies. — 1978. — Vol. 45. — N 1. — P. 97-102.
83. Cambridge Companion to Rawls / Freeman, S. (ed.).—Cambridge University Press, 2003. — 585 p.
84. Chan K. Intransitivity and future generations: Debunking Parfit's mere addition paradox //Journal of applied philosophy. — 2003. — Vol. 20. — N 2. — P. 187-200.
85. Cherniak, C. Minimal Rationality. — Cambridge: MIT Press, 1986. — 171 p.
86. Cobban A. The decline of Political Theory // Political Science Quarterly. — 1953. — Vol. 68. — N 3. — P. 321-337.
87. Contractarianism, Contractualism / Ed. by Stephen L. Darwall. — Wiley-Blackwell, 2003. — 314 p.
88. Contractarianism and Rational Choice / Ed. by Peter Vallentyne. — Cambridge University Press, 1991. — 356 p.
89. Cough, J. W. The social contract: a critical study of its development. — Oxford: Clarendon Press, 1957.
90. Danielson, P. The Lockean Proviso // Contractarianism and Rational Choice: Essays on David Gauthier's Morals by Agreement.—Cambridge University Press, 1991. — P. 99-111
91. Dasgupta, P. On some problems arising from Professor Rawls' conception of distributive justice //Theory and Decision. 1974. Vol. 4. N3-4. P. 325-344.
92. De la Cruz-Dona, R., Martina, A. Diverse groups agreeing on a system of justice in distribution: Evidence from the Philippines // Journal of Interdisciplinary Economics. — 2000. — Vol. 11. — N 1. — P. 35-76.
93. Dietrich, F., List, C. A Reason-Based Theory of Rational Choice // Nous. — 2013. — Vol. 47. — N 1. — P. 104-134

94. Donaldson, T. Kant Global Rationalism // Terry Nardin, David R. Mapel, eds. Traditions of International Ethics. — Cambridge University Press, 1992. — P. 136-157
95. Dunn, J. Consent in the Political Theory of John Locke // The Historical Journal. — 1967.—Vol. 10.—N 2.— P. 153-182.
96. Dunn, J. The Political Thought of John Locke. — Cambridge University Press, 1982. — 312 p.
97. Easton, D. The Decline of Modern Political Theory // The Journal of Politics. 1951. — Vol. 13. — N 1. — P. 36-58
98. Eberle, C. Religious Conviction in Liberal Politics. — New York: Cambridge University Press, 2002. — 416 p.
99. Freeman, S. Justice and the Social Contract. — Oxford University Press, 2006. — 352 p.
100. Freeman, S. Rawls. — Routledge, 2007. — 576 p.
101. Freeman, S. Social Contract Approaches // The Oxford Handbook of Political Philosophy / Ed. by David Estlund. — Oxford University Press, 2012. — P. 145-146.
102. Frohlich, N., Oppenheimer J., Eavey C. Laboratory results on Rawls distributive justice //British Journal of Political Science. — 1987. — Vol. 17. — N 1. — P. 1-21.
103. Frohlich, N., Oppenheimer J. A., Eavey C. L. Choices of principles of distributive justice in experimental groups //American Journal of Political Science. — 1987. — Vol. 31. — N 3. — P. 606-636.
104. Frohlich, N., Oppenheimer J. A.Choosing justice in experimental democracies with production //The American Political Science Review. — 1990 (June). — Vol. 84. — N 2. — P. 461-477.
105. Frohlich, N., Oppenheimer J. A. Choosing justice: An experimental approach to ethical theory. — University of California Press, 1992. — Vol. 22.
106. Gaus, G. The Order of Public Reason. — New York: Cambridge University Press, 2011. — 644 p.

107. Gauthier, D. *The Logic of Leviathan: The Moral and Political Theory of Thomas Hobbes*. — Oxford: Oxford University press, 1969. — 232p.
108. Gauthier, D. *Morals by Agreement*. — Clarendon Press, Oxford University Press, 1986. — 378 p.
109. Gauthier, D. *Why Contractarianism? // Contractarianism and Rational Choice: Essays on David Gauthier's Morals by Agreement/ Eds. by P. Vallentyne*. — Cambridge University Press, 1991. — P.15-30
110. Gunnell, J.G. *The Descent of Political Theory. The Genealogy of an American Vocation*. — Chicago and London, 1993. — 337 p.
111. Haddock, B. *Hegel's Critique of the Theory of Social Contract // The Social Contract from Hobbes to Rawls / Ed. by D. Boucher and P. Kelly*. — Routledge, 1994. — P. 149-164.
112. Hampton, J. *Hobbes and the Social Contract Tradition*. — Cambridge University Press, 1988. —299 p.
113. Hampton, J. *Equalizing Concessions in the Pursuit of Justice: A Discussion of Gauthier's Bargaining Solutions // Contractarianism and Rational Choice: Essays on David Gauthier's Morals by Agreement/ Eds. by P. Vallentyne*. — Cambridge University Press, 1991, — P.149-161
114. Hampton, J. *Contract and consent // A companion to contemporary political philosophy / Ed. by R. Goodin, P. Pettit, T. Pogge*. — Wiley-Blackwell, 2012. — Vol. 2. — P. 478-492
115. Harsanyi J. C. *Cardinal utility in welfare economics and in the theory of risk-taking //The Journal of Political Economy*. — 1953. — Vol. 61. — N 5. — P. 434.
116. Harsanyi J. C. *Cardinal Welfare, Individualistic Ethics, and Interpersonal Comparisons of Utility // The Journal of Political Economy*. — 1955. — Vol. 63. — N 4. — P. 309-321.
117. Harsanyi, J. C. *Can the maximin principle serve as a basis for morality? A critique of John Rawls's theory // Ethics, Social Behavior, and Scientific Explanation*.—Dordrecht, Holland: Reidel Publishing Company, 1976. — P. 37-63

118. Harsanyi J. C. The logical structure of philosophical errors //Economics and Philosophy. — 2007. — Vol. 23. — N 3. — P. 349-357
119. Hartz, L. The Liberal Tradition in America: An Interpretation of American Political Thought since the Revolution. — Harcourt, Brace, 1955.—329 p.
120. Hausman D. M., McPherson M. S. Taking ethics seriously: economics and contemporary moral philosophy //Journal of Economic Literature. — 1993. — Vol. 31. — N 2. — P. 671-731.
121. Hausman D. M., McPherson M. S. Economic analysis, moral philosophy and public policy. — Cambridge University Press, 2006. — 354 p.
122. Herne K., Suojanen M. The role of information in choices over income distributions //Journal of Conflict Resolution. — 2004. — Vol. 48. — N 2. — P. 173-193
123. Herne, K. and T. Mård. Three versions of impartiality: an experimental investigation // Homo Oeconomicus. — 2008. — Vol. 25. — N 1. — P. 27-53.
124. Hindess, B. Locke's state of nature // History of the Human Sciences.— 2007.— Vol. 20. — N3. — P. 1-20.
125. Inglehart, R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. — Princeton: Princeton University Press, 1997. — 453 p.
126. Jack, M. One State of Nature. Mandeville and Rousseau // Journal of the History of Ideas. — 1978. — Vol. 39. — N 1. — P. 407-432.
127. Jackson, M., Hill, P. A fair share // Journal of Theoretical Politics. — 1995. — Vol. 7. — N 2. — P. 169-179.
128. Jeffery, R. Hugo Grotius in International Thought. — Palgrave Macmillan, 2006. — 224 p.
129. Jost, J. T., van der Toorn J. System Justification Theory //Handbook of Theories of Social Psychology: Volume Two. — Sage, 2011. — P. 313.
130. Kahneman, D., and Tversky, A. Prospect Theory: An Analysis of Decision Under Risk // Econometrica. — 1979. — Vol. 47. — N 2. — P. 263–291.

131. Kavka, G. Hobbes's War of All against All // Ethics. — 1983. — Vol. 93 — N 1. — P. 291-310
132. Kavka, G. Hobbesian Moral and Political Theory. — Princeton: Princeton University Press, 1986. — 542 p.
133. Kraus, J. The Limits of Hobbesian Contractarianism. — Cambridge University Press, 1993. — 352 p.
134. Konow, J. Which is the fairest one of all? A positive analysis of justice theories //Journal of economic literature. — 2003. — Vol. 41. — N 4. — P. 1188-1239
135. Konow, J. Adam Smith and the modern science of ethics // Economics and Philosophy. — 2012. — Vol. 28. — N 3. — P. 333.
136. Konow, J., Earley, J. The Hedonistic Paradox: Is “homo economicus” happier? // Journal of Public Economics. — 2008. — Vol. 92. — N 1. — P. 1-33.
137. Korsgaard, C. M. The Normative Question // The sources of normativity / Korsgaard C. M., O'Neill O. (ed.). — Cambridge University Press, 1996.— P. 7-48.
138. Korsgaard, C. M. Creating the kingdom of ends. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996.— 442 p.
139. Korsgaard, C. M. The constitution of agency: Essays on practical reason and moral psychology. — Oxford University Press, 2008. — 356 p.
140. Kymlicka, W. The Social Contract Tradition // A Blackwell Companion to Ethics / Singer,P. (ed.).— Blackwell Publishing, 1991. — P. 186-196
141. Laslett, P. The English Revolution and Locke's ‘Two Treatises of Government // Cambridge Historical Journal. — 1956. — Vol. 12. — N 1. — P. 40-55.
142. Lissowski, G., Tyszka, T., Okrasa, W. Principles of Distributive Justice Experiments in Poland and America //Journal of Conflict Resolution. — 1991. — Vol. 35. — N 1. — P. 98-119.
143. Loudon, R. B. Making the Law Visible: The Role of Examples in Kant's Ethics // Kant's Groundwork of the Metaphysics of Morals: A Critical Guide / Timmermann, J. (ed.). — Cambridge University Press, 2013. — P. 63-81

144. McPherson, C. B. The political theory of possessive individualism. — Oxford: Oxford University Press, 1962. — 310 p.
145. McCarthy, T. Kantian constructivism and reconstructivism: Rawls and Habermas in dialogue // Ethics. — 1994. — Vol. 105. — N 1. — P. 44-63.
146. Mills, C. The Racial Contract. — Cornell University Press, 1997. — 171 p.
147. Nagel, T. Moral conflict and political legitimacy // Philosophy & Public Affairs. — 1987. — Vol. 16. — N 3. — P. 215-240.
148. Ng, Y. K. A case for happiness, cardinalism, and interpersonal comparability // The Economic Journal. — 1997. — Vol. 107. — N 445. — P. 1848-1858.
149. O'Neill, O. Constructivism in Rawls and Kant // The Cambridge Companion to Rawls / Ed. by S. Freeman. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — P. 347-367.
150. O'Neill, O. Constructivism vs. Contractualism // Ratio. — 2003. — Vol. 16. — N 4. — P. 319-331
151. Oleson, P. An experimental examination of alternative theories of distributive justice and economic fairness / Ph.D. diss.—University of Arizona, 2001.
152. Otsuka, M. Skepticism about saving the greater number // Philosophy & public affairs. — 2004. — Vol. 32. — N 4. — P. 413-426.
153. Palmer, R. R. The Age of Democratic Revolution. — Princeton University Press, 1969. — 548 p.
154. Parfit, D. Reasons and Persons. — Oxford University Press, 1984. — 560 p.
155. Parfit, D. On What Matters. — Oxford: Oxford University Press, 2011. — 1440 p.
156. Pateman, C. The Sexual Contract. — Stanford University Press, 1998. — 276 p.
157. Pettit, P. A theory of freedom: from the psychology to the politics of agency. — Oxford: Oxford University Press, 2001. — 193 p.
158. Pettit, P. Agency-freedom and Option-freedom // Journal of Theoretical Politics. — 2003. — Vol. 15. — N 4. — P. 387-403.
159. Pettit, P. Rationality, reasoning and group agency // Dialectica. — 2007. — Vol. 61. — N. 4. — P. 495-519.

160. Pettit, P. Responsibility Incorporated // Ethics. — 2007. — Vol. 117. — N 2. — P. 171-201.
161. Pettit, P., Kukathas C. Rawls: A Theory of Justice and its Critics. — Stanford: Stanford University Press, 1990. — 169 p.
162. Pogge, T. W. M. Realizing Rawls. — Cornell University Press, 1989. — 296 p.
163. Qizilbash, M. The mere addition paradox, parity and critical-level utilitarianism // Social Choice and Welfare. — 2005. — Vol. 24. — N 3. — P. 413-431
164. Quong, J. The Scope of Public Reason // Political Studies. — 2004. — Vol. 52. — N 2. — P. 233–250.
165. Rau, Z. Contractarianism versus holism: reinterpreting Locke's Two treatises of government. — Lanham, Maryland: University Press of America, 1995. — 160 p.
166. Rawls, J. Justice as Fairness // Journal of Philosophy. — 1957. — Vol. 54 (October). — P. 653-662.
167. Rawls, J. Justice as fairness // The Philosophical Review. — 1958. — Vol. 67. — N 2. — P. 164-194.
168. Rawls, J. Some reasons for the maximin criterion //The American Economic Review. — 1974. — Vol. 64. — N 2. — P. 141-146.
169. Rawls, J. A Kantian Conception of Equality // Cambridge Review. — 1975. — Vol. 96 — P. 94-99.
170. Rawls, J. Kantian Constructivism in Moral Theory // Journal of Philosophy. — 1980.— Vol. 77.— N 9. — P. 515-572.
171. Rawls, J. Themes in Kant's Moral Philosophy // Kant's Transcendental Deductions / ed. by Eckan Forster. — Stanford: Stanford University Press, 1989. — P. 81-113.
172. Rawls, J. Political Liberalism. — New York: Columbia University Press, 2005. — 525 p.
173. Rawls, J. The Law of Peoples. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. — viii + 199 p.

174. Richardson, J. *The classic social contractarians: critical perspectives from contemporary feminist philosophy and law.*—Farnham: Ashgate Publishing, Ltd., 2013.— 174 p.
175. Ryan, A. *Hobbes's political philosophy // The Cambridge Companion to Hobbes / Sorell, Tom (ed.).* — Cambridge University Press, 1996. — P. 208-245.
176. Riley, P. *How Coherent is the Social Contract Tradition? // Journal of the History of Ideas.* — 1973. — Vol. 34. — N 4. — P. 543-562
177. Riley, P. *Hegel on Consent and Social-Contract Theory: Does He "Cancel and Preserve" the Will? // The Western Political Quarterly.* — 1973. — Vol. 26. — N 1. — P 130-161.
178. Riley, P. *On Kant as the Most Adequate of the Social Contract Theorists // Political Theory.* — 1973.— Vol. 1.— N 4 — P. 450-471
179. Riley, P. *Will and political legitimacy: A critical exposition of social contract theory in Hobbes, Locke, Rousseau, Kant, and Hegel.* — Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1982. — 276 p.
180. Sandel, M. *Liberalism and the Limits of Justice.* — Cambridge, Cambridge: Cambridge University Press, 1982. — 199 p.
181. Sayre-McCord, G. *Contemporary Contractarian Moral Theory // Blackwell Guide to Ethical Theory / LaFollette, Hugh. (ed.)* — Blackwell, 1999. — P. 247-267.
182. Scanlon, T.M. *Contractualism and Utilitarianism // Utilitarianism and Beyond / Sen, A., and Williams, B. (eds.)*—Cambridge: Cambridge University Press, 1982. — P. 103-108.
183. Scanlon, T. *What we owe to each other.* — Harvard University Press, 1998. — 432 p.
184. Schwarzenbach, S. *A. Rawls, Hegel, and communitarianism // Political Theory.* — 1991. — Vol. 19. — N 4.—P. 539-571.
185. Sen, A. *Rawls versus Bentham: an axiomatic examination of the pure distribution problem // Theory and Decision.* — 1974. — Vol. 4. — N 3-4. — P. 301-309.
186. Simmons, J. *Locke's State of Nature // Political Theory.* — 1989. — Vol. 17. — N 3. — P. 449-470

187. Skinner, Q. The Ideological Context of Hobbes's Political Thought //The Historical Journal. —1966. —Vol. 9. —N 3. —P. 286-317.
188. Skinner, Q. Foundations of Modern Political Thought. Volume II: Age of Reformation. — Cambridge University Press, 1978. — 410 p.
189. Skinner, Q. Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes. —Cambridge University Press, 1996. — xvi& 477 p.
190. Skyrms, B. Evolution of the social contract. — Cambridge University Press, 1996. — 146 p.
191. Skyrms, B. The stag hunt and the evolution of social structure. — Cambridge University Press, 2004. — 149 p.
192. Skyrms, B. Ken Binmore's Natural Justice // Analyse&Kritik. — 2006. — Vol 28. — N 1. — P. 99-101
193. Solow, R. M. Intergenerational Equity and Exhaustible Resources //Review of Economic Studies. — 1974. — Vol. 41. — N 5. — P. 29-45.
194. Sorell, T. Hobbes's scheme of the sciences // The Cambridge Companion to Hobbes / Sorell, T. (ed.). — Cambridge University Press, 1996. — P. 45-61.
195. Southwood, N. Contractualism and the Foundations of Morality. — Oxford University Press, 2010. — 222 p.
196. Strasnick, S. The problem of social choice: Arrow to Rawls //Philosophy & Public Affairs. — 1976. — Vol. 5. — N. 3. — P. 241-273.
197. Sugden, R. The economics of rights, co-operation and welfare. — Oxford: Basil Blackwell, 1986. — 191 p.
198. Sugden R. Normative judgments and spontaneous order: The contractarian element in Hayek's thought //Constitutional Political Economy. — 1993. — Vol. 4. — N 3. — P. 393-424.
199. Sugden, R. Spontaneous order // The Journal of Economic Perspectives. — 1989. — Vol. 3.—N 4. — P. 85-97.
200. Sugden, R. Ken Binmore's evolutionary social theory //The Economic Journal. — 2001. — Vol. 111. — N 469. — P. 213-243

201. Taurek, J. M. Should the Numbers Count? // *Philosophy and Public Affairs*. — 1976. — Vol. 6. — N 4. — P. 293-316.
202. Taylor, C. *Hegel and Modern Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 196 p.
203. Temkin, L. S. Intransitivity and the mere addition paradox // *Philosophy & public affairs*. — 1987. — Vol. 16. — N 2. — P. 138-187.
204. *The social contract from Hobbes to Rawls* / Ed. by Boucher D., and P. Kelly. — Routledge, 2004. — 288 p.
205. Thrasher, J. Reconciling Justice and Pleasure in Epicurean Contractarianism // *Ethic Theory and Moral Practice*. — 2013. — Vol. 16. — N 2 (April). — P. 423-436
206. Traub, S., Seidl, C., Schmidt, U., and Levati, M. V. Friedman, Harsanyi, Rawls, Boulding – or somebody else? An experimental investigation of distributive justice // *Social Choice and Welfare*. — 2005. — Vol. 24. — N 2. — P. 283-309.
207. Tuck, R. Hobbes's moral philosophy // *The Cambridge Companion to Hobbes* / Sorell, T. (ed.). — Cambridge University Press, 1996. — P. 176-207
208. Tuck R. *The Rights of War and Peace: Political Thought and the International Order from Grotius to Kant*. — Oxford University Press, 2001. — 256 p.
209. Vallentyne, P. Gauthier's Three Projects // *Contractarianism and Rational Choice: Essays on David Gauthier's Morals by Agreement* / Eds. by P. Vallentyne. — Cambridge University Press, 1991. — P. 1-12
210. Van Ittersum, M. J. *Profit and principle: Hugo Grotius, natural rights theories and the rise of Dutch power in the East Indies: 1595-1615*. — Leiden: Brill Academic Publishers, 2006. — x + 538 pp.
211. Waldron, J. John Locke: Social Contract Versus Political Anthropology // *The Review of Politics*. — 1989. — Vol. 51. — P. 3-28
212. Walzer, M. *Spheres of Justice*. — Oxford: Blackwell, 1983 — 345 p.
213. Watson, G. *Some Considerations in Favor of Contractualism / Contractarianism, Contractualism*. Ed. by S. Darwall. — Blackwell, 2003. — P. 91-107

214. Wilde, L. Marx against the social contract // The Social Contract from Hobbes to Rawls / Eds. by D. Boucher and P. Kelly. — Routledge, 1994. — P. 165-176
215. Kant's Political Philosophy / Williams, H (eds). — Blackwell, 1983. — 352 p.
216. Williams, P. On Being the Object of Property // The Alchemy of Race and Rights / Williams P. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. — P. 216-238
217. Wolin, S. The liberal/democratic divide. On Rawl's political liberalism // Political Theory. 1996. Vol. 24. N 1. 1996. P. 97-119.
218. Wolin S. Politics and Vision. Continuity and Innovation in Western Political Thought. Expanded edition. — Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2009. — 784 p.
219. Young, I. M. Justice and the Politics of Difference. — Princeton: Princeton University Press, 1990. — 304 p.

Интернет-источники

1. Карнап, Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка. — Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/carnap/01.html> Проверено 26 марта 2014 года
2. Веллмер, А.. Модели свободы в современном мире. — Режим доступа: <http://www.smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-28-13-47-51/40-2010-08-30-12-17-02/1133-2011-02-10-02-03-27/> Проверено 16 апреля 2014 года. (Оригинал работы: Models of Freedom in the Modern World in Hermeneutics in Ethics and Social Theory // Philosophical Forum. 1989. Vol. 21. N 1-2. P. 227-252)
3. Ashford, E. and Mulgan, T. Contractualism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), Winter 2009 Edition. — Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/win2009/entries/contractualism/>
4. Bagnoli, C. Constructivism in Metaethics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), Winter 2011 Edition. — Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/win2011/entries/constructivism-metaethics/>

5. Bertram, C. Jean Jacques Rousseau // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), Spring 2011 Edition. — Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2011/entries/rousseau/>
6. Cudd, A. Contractarianism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), Winter 2013 Edition — Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/win2013/entries/contractarianism/>. Проверено 26 марта 2014 года
7. D'Agostino F., Gaus G., Thrasher J. Contemporary Approaches to the Social Contract // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), Spring 2014 Edition — Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/contractarianism-contemporary/> Проверено 26 марта 2014 года
8. Dietrich F., List C. Reason-Based Rationalization — Режим доступа: <http://personal.lse.ac.uk/list/PDF-files/Rationalization.pdf> Проверено 24 марта 2014 года.
9. Engle, E. The Social Contract: A Basic Contradiction in Western Liberal Democracy — Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1268335.
10. Freeman, S. Original Position // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), Spring 2009 Edition — Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2009/entries/original-position/>.
11. Friend, C. Social Contract Theory // Internet Encyclopedia of Philosophy — Режим доступа: <http://www.iep.utm.edu/soc-cont/>
12. Fudenberg, D. and Levine, D. Steady state learning and the code of Hammurabi. Harvard Institute of Economic Research // Discussion paper No. 2034. — Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=564263. Проверено 24 марта 2014 года
13. Kuhn, S. Prisoner's Dilemma // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), Spring 2009 Edition — Режим доступа:

- <http://plato.stanford.edu/archives/spr2009/entries/prisoner-dilemma/>. Проверено 24 марта 2014 года
14. Paz-Fuchs, A. The Social Contract Revisited: The Modern Welfare State // Overview and Critical Report. The Foundation for Law, Justice and Society. — 2011 — Режим доступа: <http://www.fljs.org/sites/www.fljs.org/files/publications/Paz-Fuchs-SummaryReport.pdf> Проверено 25 марта 2014 года
15. Rohlf, M. Immanuel Kant // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), Fall 2010 Edition — Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2010/entries/kant/>.
16. Sandel, M. Justice. Online Course, Episode 1 — Режим доступа: <http://www.justiceharvard.org/2011/03/episode-01/#watch> Проверено 14 февраля 2014 года
17. Scott J. T. et al. Just deserts: an experimental study of distributive justice norms. 2001—Режим доступа: http://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1184&context=psychfacpub&sei-redir=1&referer=http%3A%2F%2Fscholar.google.ru%2Fscholar%3Fq%3DScott%2Bet%2Bal%2B%2BJustice%2BExperiment%2B2001%26btnG%3D%26hl%3Dru%26as_sdt%3D0%252C5#search=%22Scott%20et%20al%20Justice%20Experiment%202001%22 Проверено 21 марта 2014 года
18. Verbeek, B. and Morris, C. Game Theory and Ethics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by Edward N. Zalta. Summer 2010 Edition— Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/sum2010/entries/game-ethics/>. Проверено 26 марта 2014 года
19. Wenar, L. John Rawls // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), Spring 2009 Edition — Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2009/entries/rawls/#LegLibPriLeg> Проверено 21 марта 2014 года